

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 29
№ 3(90) июль – сентябрь 2023 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 29**

No. 3(90) july – september 2023

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences,
philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук
(Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук,
профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
О. В. Арефьева — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук
(Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
В. Е. Квашиш, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Ляковская, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. И. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турьшев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
В. В. Хиллота, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Душанбе, Республика Таджикистан)

Вниманию подписчиков!

41927 — в Объединенном каталоге «Пресса России». Том I Газеты и журналы

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *О. В. Арефьева*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алферова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 28.09.2023. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 11,1. Заказ № 229.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2023

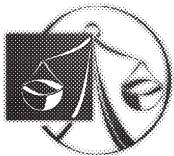
The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, PhD in Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor
(Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy
(St. Petersburg, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk,
Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)

- A. M. Dzhorobekova**, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
Desyatov M. S., Doctor of Science in Law, Associate-Professor
(Omsk, Russia)
O. A. Diser, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
V. Ye. Kvashis, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshchev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science in Law, Associate-Professor
(Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

For Subscribers

41927 — in Unified catalogue «Russia's Press». Vol. I Newspapers and Journals

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*
Editing and Proofreading *O. V. Arefeva*
Proofreading *L. I. Zamullo*
Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*
Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

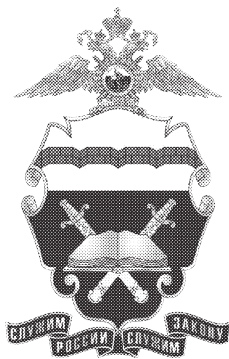
Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia
Price not fixed.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.
Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 28.09.2023. Circulation 100 items. Published sheets 10,0. Printed sheets 11,1. Order No. 229.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2023

№ 3 (90) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2023

Омской академии МВД России
научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовное наказание и преступность	181 Babayev M. M., Pudovochkin Y. E. Criminal Punishment and Criminality
Карпов К. Н., Бекетов А. О. Реализация конституционных принципов равенства и справедливости при конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации	189 Karpov K. N., Beketov A. O. Implementation of the Constitutional Principles of Equality and Justice in the course of Seizure of Assets or other Property instead of an Item subject to Confiscation
Михайлова Е. В. Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России	195 Mikhailova E. V. Features of the Causal Complex of Domestic Crime in Russia
Ревягин А. В., Бойко В. П. Природа молодежного экстремизма	202 Revyagin A. V., Boyko V. P. Nature of Youth Extremism
Шиманович Е. В. Спорные вопросы применения смягчающих наказание обстоятельств, не указанных в уголовном законе	208 Shimanovich E. V. Controversial Issues of Application of Mitigating Circumstances not Specified in the Criminal Law
Хохлова Е. В. Персональные данные в социальных сетях: теория и судебная практика толкования общедоступности	214 Khokhlova E. V. Personal Data in Social Networks: Theory and Judicial Practice of the Interpretation of Public Availability
Баранов А. М., Ткачёва Е. С. Проникновение в жилище для производства осмотра	220 Baranov A. M., Tkacheva E. S. Entering a Dwelling-House to Conduct a Search
Боренштейн А. Л. Административные правонарушения несовершеннолетних: причины и способы минимизации	224 Borenstein A. L. Administrative Offenses committed by Juveniles: Causes and Ways to Minimize
Право и государство	Law and State
Луговик В. Ф. Административная ответственность сотрудников оперативных подразделений за невыполнение требований прокурора	231 Lugovik V. F. Administrative Liability of Operational Units' Officers for Non-Compliance with the Requirements of the Prosecutor
Головкин О. Е., Крамская Е. С. Стадия возбуждения уголовного дела: необходимо реформирование	236 Golovkin O. E., Kramskaya E. S. The Stage of Initiating a Criminal Case: Reform is Urgent
Фарафонова О. А. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации	241 Farafonova O. A. Video Conferencing in Criminal Proceedings of the Russian Federation
Юридические ретроспективы	Juridical Retrospect
Быков А. В., Быкова А. Г. Специальная литература как средство правовой подготовки чинов полиции Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.	247 Bykov A. V., Bykova A. G. Special Literature as the Means of Legal Training of the Ranks of the Police of the Russian Empire in the second half of the 19 th - early 20 th centuries
Диссертационный процесс	Dissertation Process
Головкин Л. В. Отзыв официального оппонента на диссертацию Л. А. Пупышевой «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса»	252 Golovko L. V. Official Opponent Review of the Dissertation «Proceedings for the Consideration and Resolution of Issues related to the Execution of a Sentence in the System of Criminal Procedure» prepared by Pupyshova L.A.
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	Philosophical Toolkit
Мартышина Н. И. Эпистемические добродетели ученого: к постановке проблемы	257 Martishina N. I. Epistemic Virtues of a Scientist: toward a Problem Statement
Филимонов А. Г. Русский этнос и формирование политической нации	263 Filimonov A. G. Russian Ethnos and the Formation of a Political Nation
Яркеев А. В. Теодицея как теолого-политическая проблема	269 Yarkeev A. V. Theodicy as a Theological and Political Problem
Информация для авторов	274 Information for Authors

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

ПРАВОНАРУШАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ COUNTERACTING DELINQUENT BEHAVIOUR

УДК 343.85

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-181-188

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Уголовное наказание и преступность

Михаил Матвеевич Бабаев

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник¹, ✉ babaevmm@yandex.ru

Юрий Евгеньевич Пудовочкин

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права², ✉ 11081975@list.ru

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
(Москва, Россия)

² Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Москва, Россия)

Вопросы предупреждения преступлений посредством уголовного наказания и превентивных возможностей данного правового института всегда относились к разряду значимых и актуальных. Устойчиво сложившийся в настоящий момент доктринальный консенсус состоит в признании того факта, что уголовное наказание пребывает в кризисе ввиду того, что им не выполняется возложенная на него задача предупреждения преступлений. В работе доказывается, что такая оценка не соответствует сущности и истинной роли уголовного наказания, создает предпосылки для неадекватного восприятия самой отрасли уголовного права. Утверждается, что снижение преступности не способно и не должно выполнять роль критерия эффективности общепреventивной функции уголовного наказания по той причине, что недопустимо считать сокращение преступности предназначением наказания.

Ключевые слова: предупреждение преступности, уголовное наказание, цели наказания, кризис наказания, гуманизация наказания, превентивная функция наказания

Для цитирования: Бабаев, М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовное наказание и преступность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 181–188.

Criminal Punishment and Criminality

Mikhail M. Babaev

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Chief Researcher¹, ✉ babaevmm@yandex.ru

Yuri E. Pudovochkin

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the Chair of Criminal Law², ✉ 11081975@list.ru

¹ All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

² Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Moscow, Russia)

The issues of crime prevention through criminal punishment and the preventive capabilities of this legal institution have always been considered significant and relevant. The current strong doctrinal consensus is in recognition of the fact that criminal punishment is in crisis, as it does not fulfill its task of preventing crimes. The paper proves that such an assessment does not correspond to the essence and true role of criminal punishment, creates the prerequisites for an inadequate perception of the very branch of criminal law. It is argued that crime reduction cannot and should not fulfill the role of a criterion for the effectiveness of the general preventive function of criminal punishment, for the reason that it is unacceptable to consider crime decrease as the purpose of punishment.

Keywords: crime prevention, criminal punishment, purposes of punishment, crisis of punishment, humanization of punishment, preventive function of punishment

Citation: Babaev M. M., Pudovochkin Y. E. Criminal Punishment and Criminality. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 181–188 (In Russ.).

Вопрос о том, как уголовное наказание помогает обществу в его борьбе с криминалом, служит предметом едва ли не самой продолжительной в истории нашей науки многовековой дискуссии. Споры на эту тему продолжаются и сегодня. Советская и российская уголовно-правовая литература во второй половине XX и в первые двадцать лет XXI вв. пополнилась трудами на эту тему таких ученых, как Л. В. Багрий-Шахматов, Г. Б. Виттенберг, Я. И. Гилинский, И. И. Карпец, М. И. Ковалев, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, А. Л. Ременсон и др.

Значительная часть этих именитых авторов посвятили свои монографии и статьи вопросам общепредупредительной (профилактической) эффективности наказания. Другое представленное в литературе направление — достаточно распространенная теория кризиса уголовного наказания, в контексте которой также рассматривается проблема связи уголовного наказания и преступности.

Обе эти теории — предмет нашего анализа. Они настолько тесно связаны, что их можно считать неким двуединым объектом, а суть последнего допустимо свести к вопросу: способно ли уголовное наказание снижать уровень преступности.

Это сближение и само содержание материала позволяет в интересах краткости изложения и в целях избежать повторов поступить следующим образом: мы последовательно дадим характеристику каждой теории, а критическая часть анализа в обобщенном виде будет адресована сразу обоим теориям.

О влиянии наказания на преступность. Практически все авторы исходят из того, что именно преступность, ее масштабы и тенденции прямо или косвенно (подчас латентно) являются мерой/критерием профилактической эффективности наказания. Но поскольку обращение к уголовной статистике убеждает, что ожидаемый результат — снижение уровня преступности — либо не достигнут вовсе, либо достигнут не в должном масштабе, наказание объявляется не выполняющим свою функцию, неэффективным.

Естественно, общей платформы ученых в данном случае не существует. Зато, как уже было сказано, существует очень давняя и очень оживленная дискуссия на эту тему, которая могла бы, наверное, давно стать страницей уголовно-правовой истории, если бы она не нашла своего активного продолжения в нынешнем веке. Как и прежде, диспутанты продолжают выяснять, влияет ли уголовное наказание на преступность, если влияет, то как именно.

Конечно, очень сложно и к тому же вряд ли целесообразно пытаться классифицировать и анализировать много сотен высказываний участников дискуссий. Потому мы ограничимся тем, что сошлемся на мнения некоторых наиболее авторитетных ученых — участников дискурса. Каждый из

них выступает характерным представителем той или иной точки зрения. Их публикации относятся и к советскому периоду, и к нашим дням. Временной лаг укрепляет нашу убежденность в правоте такого приема, тем более что с его помощью выявлена характерная черта полемики: время не изменило ни общего абриса дискуссии, ни сути позиций ученых, остающихся едва ли не идентичными по содержанию и стабильными в своей «непримиримости». В итоге, полагаем, нижеследующий материал с достаточной мерой репрезентативности представит панораму дискуссии.

Допустимо было бы разделить позиции ученых на две группы. Суть высказываний, относящихся к первой группе, — отказ признать возможность уголовного наказания влиять на преступность. Вторую группу формируют мнения сторонников признания наказания фактором существенного воздействия на преступность.

Казалось бы, все просто, надо только к этому делению добавить фамилии авторов. Но делу мешает одно немаловажное обстоятельство: едва ли не каждое авторское высказывание того или иного рода сопровождается либо оговорками, меняющими, корректирующими его смысл, либо другими высказываниями прямо противоположного толка.

Одно из исключений в этом смысле — позиция Энрико Ферри. Он категоричен: «Наказания, в которых вопреки некоторым чисто платоническим заявлениям продолжают до сих пор видеть лучшее средство для борьбы с преступностью, не имеют предписываемого им значения, — преступность увеличивается и уменьшается под влиянием причин совершенно иных, чем наказания, так легко назначаемые законодателями и приводимые в исполнение судьями и тюремщиками» [1, с. 244].

Наши соотечественники, включившиеся в дискуссию в середине прошлого и в нынешнем веке, не выражают четкой позиции.

Д. О. Хан-Магомедов основывает свою позицию на формуле: судебная репрессия сама по себе не может способствовать снижению как всей преступности в целом, так и отдельных видов преступлений. Однако тут же следует оговорка: «В лучшем случае от судебной репрессии можно лишь ждать, что она более или менее успешно способна удержать уровень преступности в определенных пределах, и не больше» [2, с. 34]. Позиция «размылась»: если наказание «не умеет» снижать, то как, каким образом возникает «умение» сдерживать? Ответа нет.

Но нельзя не отметить позиции авторов, считающих, что влияние, о котором идет речь, на самом деле столь существенно, что способно даже на статистическом уровне менять картину преступности, в частности, снижать ее уровень.

И. М. Гальперин сформулировал свою позицию так: «Положение о невозможности наказания влиять на снижение преступности не соответствует служебной роли уголовного права как средства борьбы с совершенными преступлениями. Если признать, что наказание не может способствовать снижению преступности, но тем не менее, применяется, мы неизбежно придем к несогласию с теоретическими принципами учения о наказании и концепцией функций и целей наказания, выраженной в законе» [3, с. 19].

По поводу содержания этого и подобных суждений, в частности, о целях наказания, будет сказано ниже. Сейчас же хотим обратить внимание на реплику, уточняющую (или перечеркивающую?) предыдущую мысль: «Реальное достижение целей наказания (курсив наш. — М. Б., Ю. П.) не может не оказывать влияния на преступность» [3, с. 18]. Итак, у автора реальное достижение целей наказания есть *conditio sine qua non* влияния наказания на преступность. Но общеизвестно: цели наказания, как и любые цели-идеалы, в действительности недостижимы. Следовательно, здесь мы снова встречаемся с ситуацией, существенно меняющей основную авторскую мысль.

Известный современный ученый И. М. Рагимов совершенно прав, когда пишет: «Попытки непосредственно связать цифровые показатели о числе совершенных преступлений только с одним обстоятельством — усилением или смягчением наказания, а точнее, усилением или смягчением устрашения — несостоятельны, ибо здесь действуют и другие факторы, которых достаточно много» [4, с. 102].

Но в той же книге, словно противореча самому себе, автор приводит четырехступенную классификацию эффективности наказания. Рассмотрим две из предлагаемых ступеней. «Высокоэффективная ступень — результат оказался настолько положительным, что равен либо приближается к идеалу, задуманному как цель. В таком случае наказание сдерживает людей от совершения преступления. Однако преступность существует, ибо она имеет социальные корни. Ее уровень — незначительный, имеет тенденцию к снижению. Борьба с преступностью — не проблема. Таковы результаты наказания... (здесь и далее в цитате курсив наш. — М. Б., Ю. П.) Малоэффективная ступень — результаты наказания оказались значительно ниже намеченной цели. А это означает, что наказание не в состоянии сдерживать определенную часть населения от совершения преступления. Поэтому (sic!) уровень преступности относительно высокий и стабильный» [4, с. 102]. Но эти тезисы свидетельствуют, что наказание все-таки «властвует» над преступностью, только в одних случаях хорошо, а в других плохо. Почему? Нельзя не признать, что в данном и в подобных случаях трудно понять, какова на самом деле точка зрения автора.

Наконец, обратимся к позиции тех ученых, которые считают уголовное наказание решающим фактором воздействия на преступность. По мнению М. Д. Шаргородского, единственным реальным критерием того, что наказание содействует достижению цели предупреждения преступления, является динамика преступности, критерием эффективности общего предупреждения выступает динамика всей преступности в целом, а для цели специального предупреждения таким критерием служит динамика рецидива [5, с. 291]. М. Д. Шаргородский — один из немногих близких к нашему времени авторов, последовательно и безоговорочно отстаивавший свою позицию.

У С. Ю. Бытко читаем: «Само по себе изменение преступности не свидетельствует об эффективности или неэффективности предупредительного воздействия уголовного наказания и о необходимости его менять» [6, с. 106–107]. Но через сотню страниц в книге появляется максима, прямо конфликтующая с этим верным тезисом: «Выбор критерия для оценки эффективности уголовного наказания за убийство (как и за другие насильственные преступления против личности) представляется довольно простым — чем меньше совершается убийств, тем более эффективно уголовное наказание» [6, с. 210]. Еще одно свидетельство противоречивой, а потому и неясной, авторской позиции.

Подведем некоторые итоги. Дискуссия выявила существенные расхождения в оценке возможностей наказания воздействовать на положение дел с преступностью в стране. Но разнообразие мнений — нормальное явление и даже необходимая предпосылка любой (тем более, гуманитарной) дискуссии. В данном же случае приходится столкнуться с чем-то более серьезным. Очевидна нечеткость, внутренняя противоречивость высказываний авторов, затрудняющая возможность однозначного вывода о действительной их позиции. Создается впечатление, будто каждый из них полемизирует не только с коллегой, но и с самим собой.

Выскажем свое мнение по поводу ключевых позиций участников обсуждаемой дискуссии.

1. Совершенно неприемлема, на наш взгляд, позиция авторов, полагающих, что уголовное наказание обладает предупредительной силой, способной самостоятельно влиять на тенденции преступности и даже менять их.

2. Трудно также согласиться с авторами, полностью отрицающими влияние наказания на преступность, что подтверждается общеизвестными фактами.

Социально значимый эффект уголовного наказания состоит в его взаимодействии не только с преступлением, но и с преступностью. Общая и специ-

альная превенция — это и есть два реальных канала влияния наказания на нее (во втором случае — на ее рецидивную часть).

Что касается первого из них, напомним, что страх перед наказанием — всем известный и всеми признанный фактор профилактического сдерживания. Нельзя не признать, что некая часть «неустойчивых» граждан, в намерения которых входило совершение преступления, откажется от своих замыслов, устранившись законной кары. Следовательно, клан преступников не пополнится определенным числом своих «резервистов», преступность не вырастет на определенное число криминальных деяний. Эффект сдерживания, обеспеченный карательной угрозой уголовного наказания, нужно рассматривать как форму (способ, средство) его воздействия на преступность.

Совершенно очевидна значимость второго канала влияния — частного (специального) предупреждения преступности: лишение осужденных свободы прерывает криминальную деятельность тех из них, кто продолжил бы ее, находясь на свободе, в обществе.

Здесь, скорее всего, нас может ждать вопрос: что же это за воздействие, если оно так незначительно сказывается на снижении уровня преступности в стране и к тому же не поддается реальному измерению. Действительно, не поддается и не сказывается. Но и принижать его роль недопустимо и не только потому, что отрицать общепревентивную и частно-превентивную роль наказания невозможно. Дело в том, что незначительное далеко не всегда незначимо. Если дело касается предотвращенных общественно опасных деяний, любое их количество значимо. И особенно значимо, если оценивать их не столько в статистическом, сколько в человеческом измерении: ведь за каждым предупрежденным/предотвращенным преступлением — человеческая судьба, а подчас и жизнь.

О кризисе наказания. Подробное описание этого феномена дает Я. И. Гишинский: «Наказание, в течение тысячелетий предназначенное выполнять функцию сдерживания, сокращения преступности, неэффективно, не выполняет возлагаемых на него задач... „Кризис наказания“ проявляется, в частности, в том, что (1) за всю историю человечества никакие, самые жестокие наказания (включая квалифицированную смертную казнь — четвертование, сожжение заживо, заливание раскаленного свинца в горло и т. п.) не „ликвидировали“ преступность; (2) со времени окончания Второй мировой войны до конца 1990-х — начала 2000-х годов уровень преступности возрастал во всем мире, невзирая на все старания полиции и уголовной юстиции, а с конца 1990–начала 2000-х годов сокращается во всех странах независимо от деятельности

правоохранительных органов; (3) уровень рецидива относительно постоянен для каждой страны (а в России увеличился за последние десять лет с 25% до 56%, что свидетельствует о полной неэффективности наказания)» [7, с. 94–95].

По мнению зарубежных ученых, кризис наказания — в его жестокости (сохранение смертной казни [8, р. 289–311]), неоправданных масштабах применения кары [9, р. 169–191], невозможности адекватно обосновать наказание ни с позиций возмездия, ни с позиций утилитаризма [10, р. 263–304], и как следствие, — в растущей привлекательности альтернатив наказанию (в том числе в виде реституционных мер [11]) или иных предупредительных практик [12].

Такие суждения вызывают необходимость прежде всего разобраться в теории вопроса: что следует понимать под термином «кризис наказания» и какой в этом контексте смысл вкладывают в данное понятие приверженцы соответствующей теории.

Если проанализировать приведенные высказывания, напрашивается вывод, что речь идет не об одной, а о двух проблемах. Первая — использование «самых жестоких наказаний», «применение кары». Вторая — невыполнение наказанием возлагаемых на него задач по отношению к преступности. Другими словами, в первом случае говорится фактически о *кризисе отдельных мер уголовного наказания*, а во втором — о *кризисе наказания в целом как институте* и даже поиске ему альтернатив. Дифференциация этих проблем в данном случае существенно важна, иначе предмет нашей дискуссии лишается своих необходимых четких контуров.

Следует безоговорочно согласиться с существованием такого феномена, как кризис отдельных мер и определенных видов уголовного наказания. Более того, такие кризисы полезны и даже необходимы как обстоятельства, свидетельствующие о наступлении времени перемен и подталкивающие систему уголовных наказаний к таким переменам. В этом, можно сказать, состоит их своеобразная прогрессивная роль.

Вся история уголовного наказания есть вместе с тем и история его неоднократных кризисов или, точнее, история преодоления многократных кризисов мер и видов наказания. Не претендуя на историческую точность и не погружаясь в детали, в качестве подтверждения этого тезиса обозначим следующие основные этапы истории кризисов такого рода:

— первым исторически задокументированным кризисом, пожалуй, можно считать кризис кровной мести в родоплеменных обществах и сосредоточение карательной власти в руках государства, что привело к ограничению масштабов неконтролируемого насилия и формированию собственно системы наказаний как мер публично-правовой, официальной го-

сударственной реакции на преступление (вспомним Русскую Правду и ее роль в формировании основ уголовного права);

— второй отчетливый «слом» системы наказаний наблюдается на протяжении второй половины XVIII — начала XX вв., когда гуманистическая критика Беккариа и развитие социологических уголовно-правовых теорий привели к вытеснению из наказания идей кары и возмездия, ограничению или исключению наказаний крайне жестоких и бесчеловечных и становлению развернутой системы прогрессивных консеквенциалистских мер воздействия на преступников, ориентированных на их исправление и предупреждение преступлений (ярким свидетельством результатов этого кризиса следует признать саму градацию наказаний на уголовные и исправительные в российском Уложении 1845 г., а равно последующую замену категории «наказание» категорией «меры социальной защиты» в постреволюционном законодательстве Советской России);

— третий кризис, явно соотносящийся с близкими к нам по времени суждениями Т. Матисена, Н. Кристи, Я. Гилинского, свидетельствует о том, что попытка достичь поставленных перед «исправительными» наказаниями целей едва ли может быть признана удачной или эффективной. Итогом третьего кризиса стала новая модернизация теории и практики уголовно-правовых мер, осуществленная в том числе за счет развития системы восстановительного правосудия, превентивного уголовного права и риск-ориентированного правосудия.

Вряд ли верно считать, что на этом история кризисов исчерпана и завершена, и этот бесхитростный прогноз побуждает акцентировать внимание наших оппонентов на одном очень важном обстоятельстве.

Три упомянутых кризиса — это вместе с тем и три выхода из кризиса, каждый из которых был этапом движения в сторону гуманизации системы мер наказания. Если исходить из логики сторонников теории кризиса наказания, такой прогресс должен был бы всякий раз сопровождаться дальнейшим сокращением преступности. Но такой эффект отсутствует. Почему? На наш взгляд, этот вопрос в первую очередь должен был возникнуть перед авторами работ о кризисе наказания и поставлен «на разрешение». Но, видимо, не возник.

Беглый обзор основных вех развития наказания показывает отчетливую связь между категориями «кризис эффективности» и «гуманизация»: наказание устойчиво (хотя и с неизбежными флуктуациями) движется в направлении гуманизации и каждый кризис в его развитии может восприниматься как публичное признание излишней жестокости наказаний, следствием которого выступает очередной процесс смягчения уголовно-правовых мер и санкций.

Возникает устойчивое ощущение, что неэффективность наказания на протяжении веков определялась его недостаточной гуманностью, следовательно, достижение гуманистических идеалов наказания мыслилось как движение в направлении эффективности уголовного наказания.

Но хотя «эффективность» и «гуманность» наказания связаны, их качественные параметры и характеристики различны. Попытка объединить их и установить наличие между ними детерминационных связей ошибочна по существу. Она, на наш взгляд, является прямым свидетельством устойчивого и в своей устойчивости неверного представления о том, что путем применения уголовного наказания можно решить проблему преступности.

Здесь уместно сказать несколько слов о природе кризиса мер и видов уголовного наказания. Его не следует рассматривать как феномен чисто правовой, а преодоление кризиса путем гуманизации карательной системы не следует связывать только с новациями уголовно-правовой и уголовно-политической мысли. Полагаем, изначальной движущей силой прогресса здесь следует считать не некое неприемлемое состояние наказания и карательной практики, именуемое кризисом, а наступление очередного этапа цивилизационного процесса. На каждом из этих этапов, естественно, меняются оценки многих ценностей и приоритетов, корректируются этические и культурные постулаты, понимание того, что есть добро и зло. Новые понятия и взгляды, разумеется, проникают и в сферу права, меняя представления о том, что можно, чего нельзя, что недопустимо даже в такой острой социальной ситуации, как противодействие преступности. Потребность в общих переменах, обновлениях, нарастающая в обществе, была и остается пружиной прогресса, а он дает толчок развитию, в том числе и в области уголовного права.

Вот почему систему наказаний надо оценивать как некую данность, производную от этапа цивилизационного процесса и связанного с ним политического, социального, экономического порядка вещей, который существует в государстве. Уголовно-правовая реальность не может быть лучше или хуже этого порядка вещей, хотя бы потому, что формируются, регулируются и контролируются они из одного источника, коим является государственная власть.

Впрочем, изначальная заданность не означает незыблемости, неспособности уголовно-правовых институтов меняться. Но чтобы перемены эти приносили результат, в котором заинтересовано общество и граждане, они должны быть своевременны, научно обоснованы и мотивированы объективными новационными потребностями социума. Это в пер-

вую очередь означает, что необходима определенная синхронизация задуманных перемен с изменениями в жизни общества, т. е. существенным улучшением условий жизни населения, ростом их нравственного, политического и правового сознания, общей культуры и т. д. Сказанное относится и к уровню профессионализма и формированию прогрессивных позиций власти.

Игры на опережение, забегание вперед здесь недопустимы. Не стоит надеяться, что система наказаний и условия их исполнения (назовем их для краткости «норвежскими») сами по себе способны привести страну к прогрессу и всеобщему торжеству гуманизма.

В настоящий момент отчетливо прогнозируются симптомы очередного кризиса наказания. Вступление в эпоху господства IT-технологий, биотехнологий, роботизации, искусственного интеллекта, тотального контроля за поведением людей и манипулирования ими предопределяет коренные изменения в жизнеустройстве общества, в системе ценностей и предпочтений людей, в комплексе факторов, порождающих преступность, в ее структурных и иных содержательных характеристиках и т. д. Это не может не привести к серьезным уголовно-правовым новациям и вместе с тем к столкновению прежних, укоренившихся, и вновь возникших, крепнущих стратегий и тактических идей противодействия преступности. В том числе идей построения системы наказаний. Собственно, первые шаги в направлении ее перестройки уже делаются, но подчас они сопровождаются неожиданными результатами.

Гуманистическая, максимально щадящая права человека, направленная на предупреждение ранних отклонений от социальных норм система мягких наказаний и «преднаказаний» (штрафные санкции, ограничение и контроль над реализацией прав, принудительное лечение, воспитание и т. д.), отказавшаяся от идей возмездия и исправления, открыла вдруг широкую дорогу едва ли не к бесконтрольному конструированию уголовно-правовых запретов и масштабному применению уголовных наказаний.

Нарастающее смягчение уголовных наказаний неизбежно привело к расширению сферы криминализации деяний за счет стремления облагать именно уголовным (хотя и малорепрессивным) наказанием такие виды отклоняющегося поведения, которые, будь уголовное наказание более жестким, могли бы остаться за рамками уголовного права. Диагноз такому кризису в науке поставлен: «сверхкриминализация» и «сверхпунитивность». Ситуацию эту можно рассматривать как использование гуманных наказаний в целях повышения уровня репрессивности системы уголовного права.

Проиллюстрируем эту мысль всего лишь четырьмя примерами из УК РФ:

1) часть 1 ст. 139 УК РФ «Незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица»: максимальная санкция — арест на срок до трех месяцев, осуждено в 2020 г. 5388 человек;

2) статья 171⁴ УК РФ «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции»: максимальная санкция — исправительные работы на срок до одного года, осуждены 681 человек;

3) статья 158¹ УК РФ «Мелкое хищение»: максимальная санкция — лишение свободы на срок до одного года, осуждено 5773 человека;

4) часть 3 ст. 327 УК РФ «Приобретение, хранение, перевозка в целях использования или сбыта либо использование заведомо поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, штампов, печатей или бланков»: максимальная санкция до одного года лишения свободы, осуждено 5487 человек.

Неизвестно, поддержит ли нас читатель в наших сомнениях, но мы не уверены, что во всех этих случаях законодатель был озабочен идеей экономии репрессии. Но уверены, что невысокий уровень общественной опасности названных деяний (а указанные максимальные санкции — свидетельство официального признания такового) давал и дает основание еще и еще раз подумать, насколько необходимо было в принципе возводить их в ранг преступлений. Между тем за их совершение только в 2020 г. было осуждено 17329 человек (3,3% от общего числа осужденных) — внушительная группа людей, нарушивших закон, судьба которых могла бы сложиться иначе без ущерба общему делу.

Эти грустные примеры не стоит воспринимать как свидетельство того, что введение в закон оптимально и минимально строгих мер наказания нецелесообразно и нежелательно. Гуманизация уголовного права и наказания — перманентный процесс, а не только революционный переворот (всегда несущий в себе множество опасностей) по случаю действительного или мнимого кризиса этих важнейших институтов. В принципе, он и не должен прерываться, если процесс ограничен разумными рамками и соотносен с велениями времени и общественными потребностями

Проведем анализ той части теории кризиса уголовного наказания, в которой последнее объявляется не выполняющим возложенную на него функцию обеспечения снижения уровня преступности. С таким утверждением, по нашему мнению, невозможно согласиться. Приведем аргументацию такой позиции. Напомним, что она в равной мере относится

и к данному случаю, и к рассмотренной выше теории предупредительной эффективности наказания по критерию уровня преступности.

Итак, авторская позиция состоит в следующем.

1. Мы остаемся на стороне тех, кто признает факт воздействия наказания на преступность, но при этом констатируем, что воздействие это далеко не решающее и не может быть таковым. Другими словами, наказание не является в руках государства инструментом снижения уровня преступности и не способно играть подобную роль. У него иное социальное и правовое предназначение. Наказание — конструкция, предназначенная для кары, возмездия преступнику. Это его основная, природная функция.

Конечно, существование наказания производит в обществе и иные эффекты (эффекты второго уровня): профилактический, воспитательный, информационный и др. Но подобные вторичные профилактические эффекты есть и у многих социальных занятий. Не случайно криминологи говорят о профилактических возможностях занятий спортом, музыкой и т. д. Но никто и никогда не назвал состояние преступности показателем эффективности музыкальных или спортивных школ, даже Московской консерватории или стадиона «Лужники».

Профилактический эффект уголовного наказания — дополнительный «бонус» к главной миссии: миссии кары. Мы убеждены: *идея предупредительной эффективности наказания адресована (должна быть адресована) не преступности, а подсудимому. Секрет эффективности — в приговоре. Предупредительный эффект наказания определяется в первую очередь качеством правосудия.*

2. Позиция сторонников теории кризиса наказания сразу вызывает множество вопросов. Кто, где, когда, почему и на каких правовых основаниях решил, что решение задачи снижения уровня преступности входит в миссию наказания? Какова теоретическая база, подтверждающая такое решение, если оно есть? Почему происходит то, что так живо описал Я. И. Гилинский? Почему эта пресловутая миссия ни разу не была ознаменована успехом, а многотысячелетняя история наказания стала историей ее провалов? Наконец, если рассуждать реально: чего можно ждать от наказания, а чего ждать просто бесполезно?

Эти вопросы сторонники кризиса не только не обсуждают, но даже и не ставят: нам неизвестны публикации, в которых они или же им подобные вопросы были предметом исследования. Попытка ответа была бы хорошим способом проверки теории кризиса «на прочность».

Но, видимо, ситуация не случайна. Нам представляется, что постановка таких и подобных вопросов «расшатывает» теорию кризиса уголовного

наказания. А ответы на все «Почему?» можно свести к одному тезису: потому, что кризиса наказания просто не существует. Иное суждение вряд ли выдержит критику.

3. Хорошо известен специалистам криминологический постулат-аксиома: не существует такого средства, которого одного было бы достаточно, чтобы решить крупную, сложную социальную и правовую проблему. Наказание не является исключением. Между тем вся логика и весь пафос сторонников обсуждаемой теории состоит в том, что функция (читай: обязанность) обеспечения снижения уровня преступности лежит именно на наказании (но оно ее не выполняет).

4. Возможности наказания вытекают из его содержания и им же ограничиваются. Последнее отметим особо. Содержание наказания определяется законом и сводится к лишению или ограничению прав и свобод осужденного. И все! В силу закона наказание не располагает никакими инструментами, способами, средствами, чтобы снизить преступность. В данном случае мы оставляем в стороне профилактические возможности наказания как недостаточные для радикального воздействия на нее.

5. Существует ряд обстоятельств, заметно сужающих невеликий круг возможностей наказания эффективно реализовать указанную выше функцию. Мы назвали их «ограничения влияния наказания на преступность» и разделили на несколько групп (названия условные). В частности, это ограничения: а) по кругу лиц; б) по видам наказаний; в) по степени суровости кары [13, с. 130–134].

6. Кризис того или иного явления — это деструкция его фундаментальной основы, того, что составляет его сущность. Сущность наказания, повторим, — кара. *Вид и мера наказания — не сущность, а форма его реализации.* Сколько бы мы ни снижали уровень репрессивности наказания, сущность его останется неизменной. Ведь даже предельно либеральная мера уголовно-правового воздействия — штраф в минимальном размере — тоже наказание, т. е. кара. Но если любое манипулирование видом и формой наказания не приводит (не способно и не должно приводить) к изменению его сущности, значит, сама по себе постановка вопроса о кризисе наказания лишается смысла.

7. Имеется достаточно поводов не соглашаться с утверждением, что исключительно уголовное наказание ответственно за предупреждение противоправных деяний и обеспечение позитивной динамики преступности. Такая установка снимает вопрос о необходимости разработки и реализации иных профилактических средств, что неприемлемо, потому что недопустимо, такого быть не может и не должно. Это простое утверждение не требует доказательств.

В заключение мы приходим к следующим основным выводам:

Во-первых, воздействие наказания на преступность столь незначительно, что оно не способно и не должно выполнять роль критерия эффективности общепреventивной функции уголовного наказания.

Во-вторых, по той же причине: а) недопустимо считать сокращение преступности предназначением наказания; б) недостижение недостижимого нельзя считать его кризисом: это не кризис наказания, а кризис целеполагания или, лучше сказать, — ошибка целеполагания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005.
2. Хан-Магомедов Д. О. Проблема повышения эффективности судебной практики по применению уголовных наказаний // Проблемы советского уголовного права : материалы обсуждения теоретических вопросов советского уголовного права и Комментарий УК РСФСР 1971 г. М., 1973.
3. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983.
4. Рагимов И. М. Преступность и наказание. М., 2012.
5. Шаргородский М. Д. Избранные труды по уголовному праву. СПб., 2007.
6. Бытко С. Ю. Уголовное наказание: сущность и эффективность предупредительного воздействия. М., 2016.
7. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна. Неокриминология. СПб., 2021.
8. Black Ch. The Crisis in Capital Punishment // Maryland Law Review. 1971. Vol. 31, № 4.
9. Husak D. Retributivism And Over-Punishment // Law and Philosophy. 2021. Vol. 41.
10. Materni M.. Criminal Punishment and the Pursuit of Justice // British Journal of American Legal Studies. 2013.
11. Boonin D. The Problem of Punishment. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
12. Focquaert F., Shaw E., Waller B. The Routledge Handbook of The Philosophy and Science of Punishment. Routledge. Eds, 2021.
13. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Судебно-уголовная политика. М., 2022.

УДК 343.24

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-189-194

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Реализация конституционных принципов равенства и справедливости при конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации

Кирилл Николаевич Карпов

кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела¹, ✉ kkn83@mail.ru

Александр Олегович Бекетов

кандидат юридических наук, судья², ✉ beketov_ao@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

² Советский районный суд г. Омска (Омск, Россия)

Изучение правоприменительной практики в части назначения и исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера показало наличие установленных в уголовном законе положений, препятствующих реализации конституционных норм о равенстве всех перед законом и судом. Взыскание с лица, совершившего преступление, стоимости предмета, ранее выступившего в роли орудия либо средства совершения преступления, а также транспортного средства, на котором было совершено преступление (ст. ст. 264¹–264³ УК РФ), исключительно в случае принадлежности такого имущества самому виновному ставит его в неравное положение по сравнению с лицами, совершившими аналогичные преступные деяния, однако с использованием чужого имущества. В таком случае в уголовном законе фактически отсутствуют механизмы, позволяющие суду определять размер карательного воздействия, исходя из реальных показателей характера и степени общественной опасности преступления, а не из вопроса принадлежности имущества, выступавшего орудием преступления.

Ключевые слова: конфискации имущества, орудие преступления, транспортное средство, изъятие, денежное взыскание, штраф

Для цитирования: Карпов К. Н., Бекетов А. О. Реализация конституционных принципов равенства и справедливости при конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 189–194.

Implementation of the Constitutional Principles of Equality and Justice in the course of Seizure of Assets or other Property instead of an Item subject to Confiscation

Kirill N. Karpov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Doctorate degree student of the Research Department¹, ✉ kkn83@mail.ru

Alexander O. Beketov

Candidate of Science (in Law), judge², ✉ beketov_ao@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

² Sovetsky District Court of Omsk (Omsk, Russia)

The study of law enforcement practice with regard to imposing and performing seizure of property as another measure of a criminal law nature showed the presence of provisions established in the criminal law that impede the implementation of constitutional norms on the equality of everyone before the law and the court. Recovery from the person, who committed the crime, of the cost of an item that previously served as an instrument or means of committing a crime, as well as a vehicle on which the crime was committed (Articles 264¹–264³ of the Criminal Code of the Russian Federation), only if such property belongs to the guilty person puts him in an unequal position compared to persons who have committed similar criminal acts, however, using someone else's property. In this case, criminal law, in fact, lacks mechanisms that allow the court to determine the amount of punitive action, based on real indicators of the nature and degree of social danger of the crime, and not on the issue of ownership of the property that served as an instrument of the crime.

Keywords: seizure of property, instrument of a crime, vehicle, seizure, monetary redress, fine

Citation: Karpov K. N., Beketov A. O. Implementation of the Constitutional Principles of Equality and Justice in the course of Seizure of Assets or other Property instead of an Item subject to Confiscation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 189–194 (In Russ.).

Различные положения (нормы или их совокупность) уголовного законодательства неоднократно выступали предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации¹ (далее — КС РФ). Признание той или иной нормы неконституционной (не соответствующей положениям Конституции РФ), как правило, происходит потому, что их применение самостоятельно либо в совокупности (в том числе с нормами других нормативных актов) приводит к нарушению отдельных положений Конституции РФ. Часто такими положениями выступает принцип равенства (ст. 19 Конституции Российской Федерации), раскрывающийся в том числе и в положениях уголовно-правовых принципов справедливости² и равенства³ (ст. 4 УК РФ), предполагающих одинаковые основания для привлечения лица к уголовной ответственности и отсутствие дискриминационного положения либо неравной позиции участников правоотношений (как правило, лиц, совершивших преступление либо потерпевших в результате преступления) [1, с. 69–74].

Так, КС РФ, признавая неконституционность положений (примечания) ст. 264 УК РФ, в своем постановлении указал на то обстоятельство, что лица, «оставшиеся на месте дорожно-транспортного происшествия в соответствии с правилами дорожного движения (в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), оказываются в неравном (худшем) положении по сравнению с лицами, скрывшимися с места дорожно-транспортного происшествия, в отношении которых возможность подтвердить состояние опьянения на момент совершения преступления в соответствии с пунктом 2 примечаний к ст. 264, по сути, утрачивается»⁴. Сходное решение было вынесено КС РФ и в отношении нормы ст. 159⁴ УК РФ. В законодательно установленных принципиально разных стоимостных показателях крупного

и особо крупного размера применительно к обычному мошенничеству и мошенничеству в сфере предпринимательской деятельности КС РФ усмотрел возможность создания ситуации, которая «приводила бы к нарушению конституционных принципов равенства и справедливости, снижению уровня уголовно-правовой защиты права собственности, дискриминации собственников как лиц, пострадавших от преступных посягательств, что ставило бы добросовестную сторону договора и участников предпринимательской деятельности, которые несут повышенные риски, в заведомо невыгодное и неравное положение по отношению к их недобросовестным контрагентам»⁵.

Подобного рода решения не являются редкостью, однако, несмотря на происходящие вслед за решениями КС РФ изменениями УК РФ, все же ситуации нарушения конституционных принципов равенства и справедливости остаются объективно возможными и на сегодняшний день.

Учитывая разнородные основания конфискации имущества, указанного в ст. 104¹ УК РФ в части некоторых видов имущества, возникает ситуация необоснованного неравенства положения лиц, совершивших подобные (идентичные с точки зрения квалификации преступления и иных юридически значимых признаков) преступные деяния.

Так, необходимость изъятия имущества, полученного в результате совершения преступления, обусловлена отчасти гражданско-правовыми началами (например, положениями института неосновательного обогащения)⁶, что в целом не вызывает возражений как среди правоприменителей, так и у научной общественности [2, с. 121–125], хотя и является предметом научной дискуссии [3]. В свою очередь изъятие имущества, выступившего в роли орудия (средства) совершения преступления, уже имеет «наказательный» характер [4, с. 153, 202; 5, с. 40–48], однако, исходя из действующих предписаний УК РФ, воздействует на лицо, совершившее преступление, не дифференцированно и не индивидуализированно

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Величенко : постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2021 г. № 21-П ; По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ УК РФ в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативно-правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Право на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам по состоянию на декабрь 2021 года : информационно-тематическое собрание правовых позиций. URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (дата обращения: 30.05.2023).

³ По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П.

⁴ По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П.

⁵ По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П.

⁶ Приговор Асиновского городского суда Томской области по делу № 1-282/2019 (ч. 3 ст. 260 УК РФ). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

но, т. е. исходя из обстоятельств, не имеющих прямой связи с характером и степенью общественной опасности преступления и поведением виновного.

Характер и степень общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ, очевидно, не имеет прямой (да и косвенной) зависимости от того, кому принадлежит транспортное средство, на котором передвигался преступник. Согласно же предписаниям п. «д» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ данное транспортное средство может быть конфисковано исключительно в том случае, если оно принадлежало самому виновному. Если же преступление совершено с использованием чужого транспортного средства, оно не может быть конфисковано. Такое положение, несомненно, соответствует гражданско-правовым началам института права собственности, в рамках которого собственник имущества, не причастный к совершению преступления, не может нести материальную ответственность своим имуществом за чужие противоправные действия.

В соответствии со ст. 104² УК РФ в случае невозможности конфискации определенного предмета, входящего в имущество, указанное в статье 104¹ УК РФ, на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета вследствие его использования, продажи или по иной причине, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета либо же иного имущества, эквивалентного указанной стоимости (ч. 2 ст. 104² УК РФ).

Сформировавшаяся судебная практика применения рассматриваемых норм идет по пути обязательно (безальтернативного) принятия решения о конфискации даже в случае отсутствия не только предмета конфискации, но и вообще какого-либо имущества у лица, признанного виновным в совершении преступления. Например, Алтайский краевой суд в своем апелляционном определении по ст. 290 УК РФ изменил решение суда первой инстанции о возвращении имущества, принадлежащего обвиняемому, для исполнения наказания в виде штрафа, постановил обратиться в целях исполнения конфискации имущества и указал, что «для конфискации имущества по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 104² УК РФ, не имеет значения характер его происхождения»⁷.

Аналогичная судебная практика применения ст. 104² УК РФ формируется и в части конфискации эквивалента денежных средств, соответствующих стоимости транспортного средства, на котором было совершено преступление, предусмотренное ст. ст. 264¹–264³ УК РФ (п. «д» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ) [6, с. 12–14].

Данная норма работает непосредственно в отношении предмета конфискации, предусмотренного ст. 104¹ УК РФ, и не подлежит произвольному применению (неприменению) по усмотрению суда [7, с. 36–40]. Суд не вправе принять решение о неприменении конфискации (или не принять решения о конфискации) в случае фактического наличия первичных оснований для такой меры, предусмотренных ст. 104¹ УК РФ, либо даже изменить размер изымаемого имущества [8, с. 71–75].

Таким образом, комплексное применение предписаний пп. «г», «д» ч. 1 ст. 104¹, ст. 104² УК РФ расширяет сферу применения конфискации [9, с. 42–50], в указанных случаях позволяет не только лишить лицо имущества, но и в случае отсутствия такового по каким-либо причинам принять решение о конфискации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества. В практическом же аспекте подобная ситуация приводит к фактическому возложению на лицо, совершившее преступление, дополнительного имущественного обременения, эквивалентного стоимости ранее принадлежавшего ему имущества, — по сути, обязанности осуществить денежную выплату в доход государства либо быть подвергнутым процедуре принудительного исполнительного производства и обращения на взыскание имущества в будущем.

Такое взыскание становится похожим по своей правовой природе на наказание в виде штрафа (ст. 46 УК РФ), который как раз является денежным взысканием и должен быть исполнен путем самостоятельной выплаты осужденным (штраф как основное наказание). В другом случае, согласно ст. ст. 31, 32 УИК РФ, он взыскивается службой судебных приставов (в отношении штрафа как дополнительного наказания) с осужденного в порядке Федерального закона «Об исполнительном производстве»⁸.

Кроме того, о «наказательном» характере данной меры свидетельствует и наличие ее аналога в административном праве. Практика применения такого вида наказания имеет достаточно широкое распространение, например, за совершение правонарушений в области охраны окружающей среды (п. 4 ч. 1 ст. 3.2 КоАП РФ), и предполагает конфискацию орудий незаконной рыбной ловли либо незаконной охоты и т. д. (например, ст. 8.37 КоАП РФ) по усмотрению суда.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в рамках ст. 46 УК РФ, а также гл. 4 КоАП РФ наказание в виде денежного взыскания либо конфискации орудий незаконной охоты подчинено существующим принципам и правилам назначения наказа-

⁷ Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 10 августа 2018 г. по делу № 22-3027/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

⁸ Об исполнительном производстве : федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ.

ния (например, справедливости, т. е. соразмерности и т. д.). Так, размер данного наказания определяется судом по своему усмотрению индивидуально, исходя из характера и степени опасности совершенного преступления и других аспектов дела. При наличии же соответствующих условий наказание может и вообще не назначаться. Даже в случае обязательного дополнительного наказания (например, в виде штрафа), суд, применяя положения ст. 64 УК РФ, имеет возможность, основываясь на своем убеждении и наличии исключительных смягчающих обстоятельств, не назначать данное наказание. В то же время положения о конфискации как иной мере уголовно-правового характера (ст. 104² УК РФ) такой гибкостью не обладают и предписывают безусловное возложение обязанности выплатить в доход государства денежную сумму, эквивалентную стоимости орудия, средства или оборудования совершенного преступления (либо стоимости транспортного средства, на котором было совершено преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ), но только в том случае, если ранее эти предметы принадлежали осужденному.

Также противоречив в этом плане и подход белорусского законодателя к данному вопросу. В соответствии со ст. 46-1 УК РБ⁹ специальной конфискации подлежат орудия и средства совершения преступления, *принадлежащие* лицу, совершившему преступление. В то же время транспортное средство, которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное статьей 317-1 УК РБ, подлежит специальной конфискации, *независимо* от права собственности.

Представляется, что в контексте уголовно-правовых обременений факт принадлежности имущества (выступившего орудием, средством совершения преступления) виновному или третьим лицам в реальности не оказывает столь значимого влияния на дифференциацию и индивидуализацию ответственности, однако, благодаря конструкции ст. ст. 104¹ и 104² УК РФ, он кладется в основу предустановленной и безусловной «дифференциации» ответственности.

В случае совершения аналогичных преступлений с использованием аналогичных по стоимости предметов, однако различными лицами (являющимися либо не являющимися собственниками имущества), такому дополнительному обременению в виде лишения права собственности либо возложения обязанности выплатить эквивалент его стоимости в доход государства подлежат только те лица, которые обладали соответствующим гражданским правомочием собственности, что, на наш взгляд, порождает ситуацию законодательно предустановленного нера-

венства. Лица, совершающие преступление с использованием чужого имущества, находятся изначально в более выгодном положении, нежели те, кто использовал личное имущество для совершения преступления. Соответственно возложение непропорциональных обременений в рамках осуждения за совершение преступления ведет и к нарушению принципа справедливости, предполагающего назначение наказания (а также и иных мер уголовно-правового характера), соразмерных характеру и степени общественной опасности преступления. При этом очевидно, что факт принадлежности использованного имущества не оказывает сколь бы то ни было значимого влияния на опасность совершенного деяния. Так, повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения является общественно опасным деянием вне зависимости от стоимости автомобиля, на котором передвигался виновный, и принадлежности его ему либо иному лицу.

Необходимо отметить, что подобного рода дискриминационной ситуации не возникает в случае применения положений ст. 104² УК РФ применительно к другим основаниям конфискации, содержащимся в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ. Так, объем конфискуемого имущества в рамках п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ соответствует стоимости имущества, полученного в результате совершения преступления, находится в прямой взаимосвязи со степенью общественной опасности деяния и даже может отражаться в рамках квалифицирующих признаков отдельных составов преступлений (например, крупный или особо крупный размер извлеченного дохода и т. д.). Аналогичный тезис распространяется и на случаи финансирования терроризма и т. д. (п. «б» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ). Чем больше сумма финансирования, тем более опасное в количественном либо качественном плане может быть совершено преступление.

Необходимо оговориться, что мы не выступаем против предусмотренных в УК РФ оснований конфискации имущества, однако демонстрируемая ситуация неравенства на сегодняшний день не может быть устранена, а соответственно негативно влияет на систему уголовно-правового воздействия. Например, если бы суд по своему усмотрению мог определять размер денежной суммы, подлежащей конфискации, либо вообще отказываться от применения данной меры, то можно было бы говорить о допустимости подобного подхода. Действующее же законодательство не позволяет никаким образом изменить размер изымаемого имущества, а следовательно, и степень репрессивности воздействия. Подобная практика, несомненно, имеет определенный предупредительный эффект, но она же может по-

⁹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 20.05.2023).

служить и стимулом к использованию именно чужого имущества в качестве орудия совершения преступления (предмета ст. ст. 264¹–264³ УК РФ), в том числе в рамках противоправного завладения чужим имуществом. При этом, если противоправное временное позаимствование транспортного средства может рассматриваться самостоятельным уголовно наказуемым деянием (ст. 166 УК РФ), то использование иных предметов с последующим возвращением собственнику далеко не всегда будет признано преступным (ст. ст. 158, 161 УК РФ) и соответственно позволит снизить издержки виновного (отсутствие конфискации имущества).

Кроме того, в соответствии со ст. 104³ УК РФ при решении вопроса о конфискации имущества суду необходимо в первую очередь учесть интересы потерпевших в результате совершенного преступления, однако и эти интересы в рассматриваемой ситуации могут оказаться также в дискриминируемом положении. Так, если лицо, совершившее преступление, после этого продало свое имущество и возместило вред, причиненный преступлением, то в дальнейшем оно должно нести дополнительные обременения, эквивалентные по стоимости такому имуществу, даже невзирая на свое положительное постпреступное поведение. В то же время, если указанные предметы были конфискованы в рамках приговора и реализованы для возмещения вреда потерпевшему, то лицо может избежать дополнительного обременения.

Аналогичным образом не возникнет дополнительного обременения и в случае принадлежности орудия совершения преступления иным лицам. Указанное однозначно свидетельствует, что преступнику выгоднее совершать преступление, используя чужое имущество, избегая возложения дополнительных обременений. Учитывая императивный (и безальтернативный) характер оснований конфискации имущества, представляется, что указанная ситуация на сегодняшний день не может быть урегулирована в рамках изменения правоприменительной практики, а в дальнейшем может послужить основанием обращения в Конституционный Суд Российской Федерации для рассмотрения вопроса о неконституционности данных положений УК РФ. Для устра-

нения указанной правовой коллизии и исключения предустановленной ситуации неравенства, на наш взгляд, возможны несколько вариантов изменения норм уголовного законодательства.

Во-первых, законодатель может пойти по пути полного исключения положения о конфискации денежной суммы взамен имущества, предусмотренного в качестве предмета конфискации на основании пп. «г», «д» ст. 104¹ УК РФ; данный вариант позволит избежать конфискации путем сокрытия либо отчуждения (продажи, дарения и т. д.) указанных предметов, что, несомненно, негативно скажется на эффективности уголовно-правового воздействия.

Во-вторых, допустимо указание в УК РФ на возможность индивидуализированного применения (неприменения) положений ст. 104² УК РФ по усмотрению суда, исходя из фактических обстоятельств дела, цели и способа распоряжения имуществом виновным лицом. Например, если имущество было реализовано в целях возмещения вреда, причиненного преступлением, то и дальнейшая конфискации эквивалента стоимости такого имущества могла бы быть, как минимум, соразмерно уменьшена либо не применяться в принципе.

В-третьих, наиболее приемлемым в целях уравновешивания правового положения лиц, совершивших преступление, а также повышения предупредительного эффекта конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера, считаем дополнение ст. ст. 104¹ и 104² УК РФ указанием на необходимость конфискации не только орудий (средств, оборудования, транспортных средств), принадлежащих виновному, но и *эквивалента стоимости данного предмета даже в случае принадлежности такого имущества иным лицам.*

Исходя из задач уголовного права (ст. 2 УК РФ), состоящих в предупреждении преступлений, урегулировании общественных отношений и осуществлении государственного управления социальными явлениями, выбор варианта должен будет позволять сбалансированно использовать возможности государственного принуждения с учетом необходимости соблюдения конституционных принципов равенства и справедливости.

Список источников

1. *Сабитов Р. А., Сабитов Т. Р.* О несоответствии некоторых норм УК РФ принципу равенства граждан перед законом независимо от имущественного и должностного положения // Вестник Уральского юридического государственного университета. 2012. № 29.
2. *Миронова Г. Н.* Предмет конфискации при мелком коммерческом подкупе и мелком взяточничестве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1.
3. *Тузов Д. О.* Недопущение реституции и конфискации при недействительности сделок : теоретический очерк. М., 2008.

4. *Бавсун М. В., Николаев К. Д., Самойлова С. Ю.* Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве. М., 2016.
5. *Лопашенко Н. А.* Конфискация имущества : монография. М., 2012.
6. *Торговченков В. И.* Актуальные вопросы назначения конфискации автотранспорта как меры уголовно-правового характера // Законность. 2023. № 2.
7. *Карпов К. Н.* Когда не применяется конфискация имущества // Законность. 2017. № 12.
8. *Агильдин В. В.* Институт конфискации имущества как превентивная мера предупреждения преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1.
9. *Бриллиантов А. В.* О предмете конфискации имущества // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : мат-лы IX междунар. науч.-практ. конф. М., 2022.

УДК 343.97

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-195-201

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России

Елена Владимировна Михайлова

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии¹,

✉ kis-01@mail.ru

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Россия)

Масштабы семейного насилия в России в настоящее время выступают предметом дискуссии. По данным некоторых правозащитных организаций, ежегодно миллионы женщин и детей становятся жертвами такого насилия, в то время как официальные данные о количестве потерпевших от насильственных преступлений со стороны членов семьи в десятки раз ниже, а удельный вес таких деяний в структуре насильственных преступлений не превышает 20%. Тем не менее нельзя отрицать, что семейно-бытовая преступность представляет повышенную общественную опасность и влечет негативные последствия как для членов семьи, так и для общества в целом. Необходимо знать причины возникновения преступности в семейно-бытовой сфере, насилия в отношении несовершеннолетних и взрослых членов семьи, чтобы предотвращать, оказывать помощь в разрешении семейных конфликтов, реализуя административно-правовые и уголовно-правовые меры воздействия.

Ключевые слова: семейно-бытовая преступность, насилие, причины и условия преступности в семье, семейный конфликт, домашнее насилие

Для цитирования: Михайлова Е. В. Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 195–201.

Features of the Causal Complex of Domestic Crime in Russia

Elena V. Mikhailova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the Chair of Criminology¹,

✉ kis-01@mail.ru

¹ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The scope of domestic violence in Russia is currently the subject of debate. According to some human rights organizations, millions of women and children become victims of such violence every year, while official data on the number of victims of violent crimes committed by family members is ten times lower, and the proportion of such acts in the structure of violent crimes does not exceed 20%. Nevertheless, it cannot be denied that domestic crime poses an increased public danger and entails negative consequences for both family members and society as a whole. It is necessary to know the causes of crime in the domestic sphere, violence against juveniles and adult family members in order to prevent and assist in resolving family conflicts by implementing impact measures of administrative law and criminal law character.

Keywords: domestic crime, violence, causes and conditions of crimes in the family, family conflict, domestic violence

Citation: Mikhailova E. V. Features of the Causal Complex of Domestic Crime in Russia. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 195–201 (In Russ.).

Преступность — явление динамическое, и хотя основные детерминанты существования преступности известны, эти знания не исключают и не отрицают необходимости постоянного анализа правовых, экономических, социальных, культурных, бытовых и иных факторов, которые способствуют сокращению либо проявлению ее. Нестабильность политической и экономической обстановки, высокий уровень дискомфорта и неустроенности, психоэмоциональное напряжение в обществе оказывают непосредственное

влияние на семейно-бытовую сферу, вызывая перманентные семейные конфликты, переходящие в правонарушения и преступления, большая часть которых представляет собой насильственные действия.

Необходимо отметить, что удельный вес преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в структуре всей преступности на протяжении последних лет снижается¹. До момента активного применения административной преюдиции состава «Побои» данный показатель был несколько

¹ Значения удельного веса рассчитаны на основе данных статистических форм ГИАЦ МВД России № 455, 578.

выше (в 2015 г. — 4,3%, в 2016 г. — 5,3%), а с 2017 по 2019 г. находился в границах 3–3,4%, ежегодно снижаясь. К 2022 г. доля преступности в сфере семейно-бытовых отношений составила 1,6% в структуре всех остальных преступлений.

Динамика насильственной преступности также демонстрирует стабильное снижение абсолютных показателей. Количество преступлений в отношении члена семьи, сопряженных с насильственными действиями, сократилось с 33 378 в 2018 г. до 28 819 в 2022 г.² В сфере семейно-бытовых отношений в 2022 г. зафиксировано снижение фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (2256; –4%), средней тяжести (2391; –3,5%), легкого вреда здоровью (6836; –5,6%), истязания (1070; –17,5%), угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (16570; –13,4%). Исключение составила ст. 116¹ УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» (2159; –10,5%)³.

Таким образом, преступность в сфере семейно-бытовых отношений имеет незначительный удельный вес в общем объеме зарегистрированной преступности, характеризуется тенденцией к снижению, однако, с учетом роли семейно-бытовой сферы для человека и общества, представляет значительную общественную опасность. Кроме того, следует отметить необъективность официальной статистики, что связано с высоким уровнем латентности подобных деяний. Основная категория жертв семейно-бытовых преступлений — это лица, которые в силу беспомощного или зависимого состояния не могут оказать сопротивления (женщины, дети). В правоохранительные органы обращение следует только после реальной угрозы наступления тяжких последствий. В последующем, после стабилизации отношений в семье, потерпевшие чаще всего забирают заявление. Нередко ситуация повторяется, а сам факт применения насилия одним членом семьи в отношении другого не фиксируется в статистике семейно-бытовой преступности. В связи с этим изучение причин и условий совершения преступлений в семейно-бытовой сфере, их устранение и минимизация в целях профилактики наступления общественно опасных последствий представляются актуальными.

В целом детерминанты семейно-бытовой преступности можно разделить на следующие группы:

1) организационно-правовые — проявляющиеся в несовершенстве законодательной базы, направ-

ленной на предупреждение семейно-бытовой преступности;

2) социальные — реализующиеся в семейном насилии обиды, унижения, провалы, имевшие место вне семьи, но компенсированные в ней;

3) экономические — созданные низким материальным достатком в семье, плохими жилищными условиями и т. д.;

4) внутрисемейные — порожденные конфликтами в самой семье;

5) медицинские — вызванные тяжелыми болезнями (особенно хроническими, в том числе психическими, инвалидностью) одного или нескольких членов семьи;

6) индивидуальные — связанные с особенностями психологии, морали конкретного члена семьи, в том числе и жертвы преступления [1, с. 31].

Разные по своей природе причины способны переплетаться, не только усиливая, но и ослабляя друг друга в зависимости от того, где они существуют — в каком социальном слое, в какой культуре, в каком регионе. Названные причины могут породить конфликты и противоречия в семье, которые в свою очередь способны вызывать преступное поведение.

К правовым причинам и условиям совершения семейно-бытовых преступлений часто относят отсутствие законодательных актов, обеспечивающих безопасность от домашнего насилия со стороны партнера. В настоящее время в Российской Федерации нормы, направленные на противодействие преступности в семейно-бытовой сфере, содержатся в уголовном и административном законодательстве. Существует также проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия», законодательное закрепление понятия «семейно-бытовое насилие» отсутствует.

Международное сообщество неоднократно указывало на отсутствие в России специального законодательства. Так, Специальный докладчик по вопросу насилия в отношении женщин, его причинах и последствиях Комиссии ООН по правам человека Якин Эртюрк еще в 2004 г. дала следующие рекомендации Российской Федерации: обеспечить приоритетную роль правам женщин в судебных и несудебных механизмах, политике и программах; скорректировать законодательство в соответствии с международными стандартами; организовать обучение сотрудников правоохранительных органов по программам повышения осведомленности в ген-

² Анализ динамики насильственной преступности производился на основе статистической формы ГИАЦ МВД России № 455 «Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие».

³ Данные приведены на основе статистической формы ГИАЦ МВД России № 578 «О профилактической работе органов внутренних дел».

дерных вопросах; учредить программы защиты свидетелей и жертв, которым может быть нанесен вред⁴.

Проблеме семейно-бытовой преступности в России посвящено постановление Европейского суда по правам человека от 14 декабря 2021 г. по делу Н. Туниковой, М. Грачевой, Е. Гершман и И. Петраковой (обращения пострадавших были объединены ввиду сходства предмета жалоб), в котором на Российскую Федерацию возложена обязанность внести изменения в нормативные правовые акты в области противодействия семейно-бытовому насилию, приведя его в соответствие с международными стандартами; создать эффективный механизм защиты жертв семейно-бытового насилия (система запретов на контакт агрессора с пострадавшей как онлайн, так и офлайн, запрет на приближение на определенное расстояние и т.д.); финансировать программы реабилитации для лиц, совершивших насилие в семье⁵.

Необходимо отметить, что многие зарубежные страны (США, Канада, Германия, Великобритания, Франция) ввели на законодательном уровне понятие «домашнее насилие», а также специальные нормативные правовые акты, направленные на противодействие ему. Однако анализ практики реализации этих мер свидетельствует о существенном количестве проблем их правоприменения, а статистика свидетельствует об их неэффективности. Например, по данным Департамента юстиции США, за период с 2014 по 2018 г. коэффициент домашнего насилия (на 1000 человек) вырос с 4,2 в 2014 г. до 4,8 в 2018 г.⁶ Американские правозащитники считают, что созданная в США система защиты от домашнего насилия, несмотря на заявленные благие цели, нарушает некоторые базовые конституционные права человека и подрывает институт семьи, а стандарт доказывания для выдачи охранного ордера (*civil protection orders*, *restraining orders* — документ, предусматривающий различные ограничения и запреты для лица, обвиненного в «домашнем насилии» (ответчика), с учетом просьб подателя жалобы (истца)) является неконституционным [2]. Так, действующие законы США о до-

машнем насилии позволяют любого человека без его участия в деле лишить в сверхсрочной процедуре доступа к своему дому, к детям, к имуществу, ввести иные ограничительные меры, основываясь исключительно на позиции истца⁷. Фактически человек, обвиняемый в домашнем насилии, обладает меньшим объемом прав, чем обычный преступник.

Аналогичная ситуация сложилась и в европейских странах. Например, в Германии, помимо судебных охранных ордеров, существуют аналогичные кратковременные ордера полиции о выселении. В случае поступления жалобы на домашнее насилие полиция может незамедлительно запретить правонарушителю входить в жилье до принятия соответствующего судебного решения⁸. На практике и полицейские, и судебные охранные ордера достаточно часто используются из ревности, мести, в спорах между конфликтующими партнерами и базируются на ложных обвинениях⁹.

Таким образом, юридическое закрепление специальной терминологии или наличие специализированного закона само по себе не является гарантией решения проблемы. В 2022 г. Российская Федерация денонсировала ряд международных договоров, в том числе и Европейскую конвенцию по правам человека. Права человека в России закреплены не только международными договорами, но и в национальном законодательстве: от Конституции до подзаконных нормативных актов. Проблема остается в использовании этих норм правоприменителем, а также реализации механизма фактического соблюдения прав человека и неизбежного наказания за каждое их нарушение.

Неадекватное реагирование правоохранительных органов на факты насилия в семье относится к детерминантам организационного порядка, при этом непринятие своевременных мер профилактики, по мнению практических сотрудников органов внутренних дел, связано со сложностью документирования превентивных составов преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. ст. 112, 115, 116 и 116¹ УК РФ. В частности, для

⁴ Заявление Специального докладчика ООН по вопросу о насилии в отношении женщин Якин Эртюрк о визите в Российскую Федерацию // Организация Объединённых Наций в Российской Федерации. URL: <http://www.unrussia.ru> (дата обращения 12.12.2022).

⁵ Туникова и другие против России : решение ЕСПЧ от 14 декабря 2021 г. по жалобе № 55974/16 и 3 других. URL: <https://european-court-help.ru> (дата обращения: 12.12.2022).

⁶ Bureau of Justice Statistics, National Crime Victimization Survey, 2014–2018. URL: <https://www.nsvrc.org/sites/default/files/2021-04/cv18.pdf> (дата обращения 12.12.2022).

⁷ Schlafly P. Day of Reckoning for Violence Against Women. Act. February 8, 2012. URL: <https://www.phyllisschlafly.com/family/day-of-reckoning-for-violence-against-women-act-410/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁸ United Nations Questionnaire on the National Implementation of the Platform for Action of the Fourth World Conference on Women In Beijing. Response of the Government of the Federal Republic of Germany. May. 2004. URL: <http://www.uncece.org/fileadmin/DAM/Gender/documents/question/Germany.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).

⁹ *Einstweilige Anordnung nach dem Gewaltschutzgesetz im Gewaltschutzverfahren!* URL: <https://www.recht.help/informationen/opferschutz/opferrecht-einstweilige-anordnung-nach-dem-gewaltschutzgesetz/> (дата обращения: 12.12.2022).

применения ст. 116¹ УК РФ необходимо, чтобы постановление об административном правонарушении (по ст. 6.1.1 КоАП РФ) вступило в силу, требуется также заявление потерпевшего. Однако женщины, понимая, что их супруга ждет уголовная ответственность, в большинстве случаев меняют показания и отказываются от дальнейшего обращения по данному факту в мировой суд. Эта проблема могла бы быть устранена, если бы ст. 116¹ УК РФ перешла из разряда частно-публичного обвинения в публичное обвинение, а дело по ней возбуждалось на основании данных о травме, полученных из медицинского учреждения о травме и объяснений, подтверждающих факт совершения семейного насилия.

Как свидетельствуют материалы уголовных дел, подавляющее большинство противоправных деяний в семье совершается в условиях очевидности, им предшествуют длительные конфликты, хорошо известные окружающим и проявляющиеся в действиях, которые создают правовую основу для вмешательства сотрудников органов внутренних дел. Вместе с тем имеющиеся в арсенале сотрудников органов внутренних дел меры воздействия не способны оперативно и действенно предупреждать и пресекать конфликтные ситуации.

По мнению сотрудников полиции, составление протокола по ст. 6.1.1 КоАП РФ может иметь эффективное профилактическое воздействие исключительно при моментальном решении: когда по факту происшествия подозреваемый доставляется в отдел, в это время опрашиваются свидетели, истребуется справка из поликлиники, а на следующее утро происходит доставление в мировой суд и выносится постановление о наказании. Административное привлечение к ответственности в рамках постановлений полиции, а не суда, а также уменьшение меры наказания могло бы обеспечить немедленное наказание и иметь эффективное профилактическое воздействие. Подобный подход к реагированию на семейное насилие мог бы способствовать формированию у граждан мнения о неотвратимости ответственности за данные правонарушения и, как результат, снизить их реальное количество. Кроме того, это привело бы к росту уверенности у населения в способности органов внутренних дел обеспечить высокий уровень безопасности личности от преступных посягательств в семейной сфере.

Необходимо отметить, что, практически, третья часть бытовых преступлений совершается лицами, в прошлом находившимися в местах лишения свободы (по статистическим данным МВД России, удельный вес в общем числе выявленных лиц, ранее

совершавших преступления, в 2022 г. составил 59,1% (483 683 человек)¹⁰. В Российской Федерации не развит институт социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, которые не всегда способны к гармоничному вхождению в общество. Вернувшись в семью, они могут проецировать на близких ту модель поведения, к которой привыкли.

В первую очередь актуальной остается проблема трудовой занятости ранее судимых лиц. В законодательные акты субъектов Российской Федерации включены положения, регламентирующие вопросы обеспечения трудовой занятости лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. Однако дальнейшая реализация положений регионального законодательства нуждается в конкретизации путем издания соответствующих региональных или федеральных актов, предусматривающих конкретные меры стимулирования работодателей к заключению трудовых договоров с лицами, нуждающимися в социальной адаптации и ресоциализации.

Обращаясь к изучению экономических причин и условий семейно-бытовой преступности, следует отметить, что в российском обществе, как и в других странах, много семей с крайне низким доходом, много безработных граждан или временно занятых, с низким уровнем общей и профессиональной культуры, интеллекта и потребностей. Результаты исследования жертв семейно-бытовых преступлений подтверждают, что бедность повышает уровень психологического напряжения в семье и провоцирует домашнее насилие [3, с. 156]. Семья как важнейшее звено общества не может не испытывать на себе все присущие ему тяготы и проблемы, материальные и духовные трудности, не преломлять в себе процессы экономической неустроенности и тревожных ожиданий. Значительная часть проявлений насилия связана со слабым материальным обеспечением семьи, в первую очередь инвалидов и престарелых, с жилищными проблемами.

Преступления совершают конкретные люди, но источником формирования личности в первую очередь является семья, поэтому причины и условия семейно-бытовой преступности зарождаются именно в семье. Как отмечают социологи, семья — это ячейка общества, в которой объединены судьбы разных людей. Отличаются взгляды каждого члена семьи, цели, потребности и т. д. Всегда возникают какие-то противоречия, преодоление которых зависит от умения понимать друг друга.

Отправной точкой в совершении семейно-бытового преступления служит конфликт, который происходит между членами семьи или лицами, со-

¹⁰ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552> (дата обращения 14.03.2023)

стоящими в фактических отношениях (гражданский брак). Он же и является основным детерминирующим фактором в совершении семейно-бытового правонарушения.

Конфликты в семье возникают в первую очередь потому, что в ней могут раскрыться человеческие стороны личности, которые в других ситуациях скрыты: жадность, легкомыслие, неверность слову, физическая неопрятность и т. д. Вначале они способны вызвать замечания, советы, упреки, которые затем перерастают в конфликты, взаимные оскорбления и др. Причины конфликтов и противоречий, способы их разрешения зависят от социальных, религиозных, психологических, психических факторов.

Невозможно перечислить все обстоятельства, выступающие причинами семейного конфликта. Алкоголизм и наркомания являются одной из главных причин семейного конфликта, а также совершения преступлений в семейно-бытовой сфере. Семья, в которой живет алкоголик (наркоман), почти всегда является конфликтной: скандалы, ругань, побои и оскорбления становятся постоянным фоном жизни. Особенно опасны пьющие матери, не способные в силу этого заболевания выполнять свои обязанности по отношению к детям. Не менее тяжела участь детей, если оба родителя страдают алкоголизмом.

Многолетние исследования фактов убийства и насилия показали, что выросшие в неблагополучной семье личности, совершившие агрессивные преступления, отличались наивысшим среди преступников уровнем тревоги [1, с. 32]. Субъективный смысл совершаемых ими убийств можно рассматривать как защиту, причем постоянную, от внешней угрозы. Позиция защиты формировалась у них в детстве и ранней юности под воздействием насилия, которому подвергались они или другие члены семьи. Для ребенка насилие в отношении матери или любого другого члена семьи, даже любимого домашнего животного, может быть столь же травматичным, как и агрессия против него самого. Поэтому убийства и другие нападения можно интерпретировать не только как защиту, но и как возвращение ударов.

Кроме того, дети могут унаследовать от родителей склонность к алкоголизму, велика также вероятность рождения больного ребенка. По результатам исследования, среди лиц, совершивших насилие в семье, 84% имели расстройства психической деятельности, у 65,4% обследованных были проявления патологии раннего периода развития (истерики, страхи, энурез, логоневроз), у 75,1% в пубертатном периоде отмечались различные признаки расторможенности влечений (кражи, бродяжничество, употребление алкоголя и наркотиков, сексуальные девиации) [4, с. 28].

Некоторые психиатры высказывают предположения, что если не все психопатические личности, то, по крайней мере, носители отдельных форм психопатии, имеют определенную склонность к тем или иным правонарушениям, легко совершают антиобщественные действия, обусловленные особенностями психической структуры. Психические расстройства не являются причиной преступного поведения, но могут выступать в качестве весьма активных субъективных обстоятельств, условий, способствующих преступному поведению. У лиц, совершивших насильственные преступления в семейно-бытовой сфере, диагностируются следующие психические аномалии: психопатия, алкоголизм, олигофрения, остаточные явления черепно-мозговых травм, органические заболевания центральной нервной системы, эпилепсия и шизофрения (в состоянии стойкой ремиссии) [5; 6].

Другим обстоятельством семейного конфликта могут стать противоречия культур, традиций, нравов, образа жизни. В настоящее время в Российскую Федерацию приезжает значительное количество мигрантов из ближнего зарубежья, а также представители национальных республик России. И те и другие нередко вступают в брачные отношения с представителями коренного населения. Так образуются семьи, в которых соединяются представители разных культур, имеющие различные взгляды на поведение и образ жизни, особенно в семье, на воспитание детей, на отношение к старшему поколению, что порождает конфликты. Более того, проживание вместе под одной крышей нескольких поколений всегда может стать причиной серьезного конфликта, даже если это представители одной религии и национальности. Известны даже случаи убийства детей родителями и родителей детьми: первые как ответы на требования послушания, вторые — за то, что требования не выполнялись. Показательным является «дело сестер Хачатурян», вызвавшее широкий общественный резонанс. В июле 2018 г. девушки забили своего отца молотком, не выдержав многолетних истязаний и насилия. Примечательно, что у этой истории было много свидетелей (родственники, соседи), которые много лет молчали и начали давать показания только после смерти отца-садиста.

Преступления в семейно-бытовой сфере обусловлены и виктимологической природой, а именно поведением самих жертв, что в первую очередь относится к взрослым членам семьи. При этом феномен виктимного поведения не всегда зависит от таких качеств жертвы, как провокационность, повышенная конфликтность, аморальность. Болезненная привязанность, подчиненность, набор усвоенных норм поведения, аддикция отношений запу-

скают механизм преступного поведения, «развязывая руки» преступнику. Семейной сфере присущи столкновение интересов близких лиц, конфликты, приводящие к совершению правонарушений как мелкого бытового характера, так и угрожающие жизни и здоровью, личной свободе и безопасности его участников. Существенным является то, что нарушение прав в семье или быту происходит на основе личных неприязненных отношений, которые часто обусловлены наличием длительного конфликта, и им свойственны особые связи между виновным и потерпевшим (супружеские, родственные или соседские и т. д.). Неприязненные отношения могут быть вызваны такими личными мотивами, как месть, ревность, самоутверждение, обида, корысть, стремление дисциплинировать члена семьи или, например, желание защититься от насилия и др. Мотивы — это смысл того или иного поведения, то, ради чего оно реализуется, они выступают непосредственными детерминантами семейного насилия. Установление мотива позволяет выявить причину совершения указанных преступлений и, следовательно, наметить профилактические мероприятия по их предупреждению.

Отметим, что на рубеже XX–XXI вв. в российской криминологии сформировалась отрасль «Криминофамилистика (семейная криминология)», исследующая преступность, возникающую на почве семейных отношений. Ее основоположником является профессор Д. А. Шестаков [7]. Предметом изучения криминофамилистики выступают факторы семейной сферы и обусловленное ими преступное поведение, а также социальное воздействие на них в целях противодействия преступности [8, с. 56]. Безусловно, насилие в семье будет всегда, поскольку постоянны его причины: бедность, материальное неравенство, зависть, ревность, ненависть, стремление к доминированию и материальному обогащению, другим материальным и духовным благам.

Важно выявлять причины семейно-бытовой преступности, устранять их, оказывая помощь в разрешении семейных конфликтов, реализуя имеющиеся административно-правовые и уголовно-правовые меры воздействия, а также меры государственной политики.

В заключение необходимо отметить, что государством предпринимается достаточно много усилий в этом направлении, что подтверждается статистическими показателями. С 2014 г. реализуется Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, предусматривающая меры, направленные на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей¹¹. 9 ноября 2022 г. Президент Российской Федерации подписал Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹². Указ является реализацией положений Стратегии национальной безопасности страны и станет еще одним шагом к формированию на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, таких как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Список источников

1. Антонян Ю. М., Тимошина Е. М. Убийства в семье // Вестник Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 2022. № 1.
2. *Crespo v. Crespo*, 989 A.2d 827, 201 N.J. 207 (2009).
3. Золотухин С. Н. Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений : монография. Челябинск, 2019.
4. Горшков И. В., Зулкарнеев Р. М. Тяжкие преступления в семье. М., 1997.

¹¹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 35. Ст. 4811.

¹² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

5. *Меграбян А. А.* Патология личности // Пограничная психиатрия : антология / под ред. Ю. А. Александровского. М., 2006.
6. *Шостакович Б. В.* Расстройства личности (психопатия в судебно-психиатрической практике). М., 2006.
7. *Шестаков Д. А.* Семейная криминология. Семья — конфликт — преступление. СПб., 1996.
8. *Шестаков Д. А.* Семейная криминология. Криминофамилистика. 2-е изд. СПб., 2003.

УДК 343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-202-207

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Природа молодежного экстремизма

Александр Валерьевич Ревягин

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и профилактики преступлений¹,
✉ rav090@mail.ru

Виктор Петрович Бойко

адъюнкт адъюнктуры¹, ✉ viktorboyko2294@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Несмотря на принимаемые меры противодействия экстремистским проявлениям, криминогенная обстановка в нашей стране остается чрезвычайно напряженной. Это усугубляется и тем обстоятельством, что большая часть молодого поколения наряду с совершением противоправных посягательств не соблюдает элементарных правил поведения, установленных обществом. Жестокость, агрессия, правовой нигилизм и мнимая убежденность в своей правоте — это атрибутивные признаки достаточно большой части молодых людей, которые должны стать продолжателями традиций российского государства и общества.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, ранняя индивидуальная профилактика экстремизма, меры профилактики молодежного экстремизма

Для цитирования: Ревягин А. В., Бойко В. П. Природа молодежного экстремизма // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 202–207.

Nature of Youth Extremism

Alexander V. Revyagin

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Chief of the Chair of Criminology and Crime Prevention¹, ✉ rav090@mail.ru

Viktor P. Boyko

Postgraduate student¹, ✉ viktorboyko2294@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Despite the measures taken to counteract extremist manifestations, the criminogenic situation in our country remains extremely tense. This is aggravated by the fact that the majority of the younger generation, along with the commission of unlawful encroachments, does not follow the elementary rules of conduct established by society. Cruelty, aggression, legal nihilism and pretended self-righteousness are attributes of a fairly large part of young people who should become the successors of the glorious traditions of the Russian state and society.

Keywords: youth extremism, early individual prevention of extremism, measures to prevent youth extremism

Citation: Revyagin A. V., Boyko V. P. Nature of Youth Extremism. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 202–207 (In Russ.).

Актуальность проблемы экстремизма на современном этапе развития цивилизованного общества обусловлена тем, что данное явление становится феноменом, укрепившимся в сознании молодежи как довольно обыденное. Это касается не только экстремизма, но и таких криминологических явлений, как терроризм, наркотизм, коррупция, которые на протяжении многих десятилетий продолжают существовать в обществе.

Масштабы экстремизма свидетельствуют о наличии в нашем обществе негативных результатов произошедшей ранее социальной трагедии.

Если, например, в 2005 г. на территории нашей страны фиксировалось не более 160 фактов экстре-

мистских проявлений, то к 2022 г. массив подобных общественно опасных деяний составил более 1500 фактов. При этом с 2005 г. наблюдается устойчивая положительная динамика по сравнению с каждым предыдущим периодом. Что касается качественной стороны данного социально негативного явления, то следует отметить определенные изменения его характера и структуры. Так, если ранее такие преступления совершали члены различных неформальных групп (например, скинхеды), околофутбольные фанаты и т. п., то на современном этапе это уже, как правило, действующие на постоянной основе, в том числе официально признанные экстремистскими организации, основной задачей ко-

торых является дестабилизация российского общества и полное деструктивное изменение массового сознания. При этом их преступления сопряжены с насилием, терроризмом, часто имеют транснациональный характер.

Признаки криминогенной обстановки:

— сохранение опасности совершения террористических актов с использованием взрывных устройств и террористов-смертников на объектах транспорта и массового пребывания людей;

— растущее влияние на молодежную среду идей сепаратизма и экстремизма, пропагандируемых с использованием современных телекоммуникационных систем;

— сохраняющиеся масштабы незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ и иных преступлений, сопутствующих террористической деятельности;

— нарастающая протестная активность представителей так называемой несистемной оппозиции, вовлечение в антиобщественную деятельность молодежи;

— активизация деятельности лиц, использующих информационно-телекоммуникационные технологии для привлечения к участию в несанкционированных протестных мероприятиях, связанных с проводимой Правительством России специальной военной операцией на территории Украины.

По мнению ученых, экстремизм возникает вследствие каких-либо процессов в обществе. Например, Ю. М. Антонян отмечает, что экстремизм есть следствие разобщенности общества, а также отсутствия определенной общественной идеологии и ценностей [1, с. 182].

В 60-х гг. прошлого века в США был рост популярности экстремистской идеологии, связанной с межрасовыми отношениями. Люди, имеющие темную кожу (данное определение относится не только к афроамериканцам, а также охватывает жителей других стран, в частности мексиканцев), были загнаны в рамки, нарушающие их права и свободы как граждан Соединенных Штатов Америки [2, с. 61].

Стоит отметить, что в конце 90-х гг. в России зафиксировано множество случаев проявления экстремистской деятельности, связанной с молодежным течением, ранее (в 1960-х гг.) охватившим Великобританию. Сторонники данного движения назывались скинхедами (в переводе с английского *skin* — кожа, а *head* — голова). Причины экстремизма могут быть самыми разнообразными: политическими, социальными, экономическими, религиозными и др. [2, с. 62].

Безусловно, проблема экстремизма в нашей стране не могла не стать объектом пристального

внимания большого круга научной общественности [3, с. 25]. Более того, ряд исследователей так или иначе делали попытки познания именно природы экстремизма, его основных истоков и истории возникновения. Экстремизм в молодежной среде — массовое явление, выражающееся в пренебрежительном отношении к существующим в обществе правилам и нормам, порицанию действующей политической обстановки и политики государства в целом.

Так, М. П. Ситникова пришла к выводу, что природа экстремизма как психологического явления определяется такими мотивами его совершения, как предрассудки, нетерпимость, неприязнь к представителям иной национальности, расы, религии [4, с. 90].

Л. В. Баева полагает, что основные истоки экстремизма кроются в интеллектуальной и нравственной ограниченности личности, отстаивающей подобные взгляды, а также неспособностью субъектов брать на себя ответственность и склонностью к перекладыванию вины на кого-то другого [5, с. 28].

Представляется довольно интересным подход к пониманию природы экстремизма А. И. Кугая. По его мнению, экстремизм есть выражение нетерпимости в отношении существования другого. Как социальное действие, экстремизм находит свое воплощение в актах насилия либо угрозе его применения на основе этнической, религиозной, идеологической неприязни [6, с. 19].

Согласно мнению М. Койчукулова, «природа проявления экстремизма носит протестный характер: неудовлетворенность политическим режимом, социальным неравенством, положением в обществе определенных социальных слоев, этнических, расовых и конфессиональных групп» [7, с. 10].

«Приведенные выше суждения о природе данного явления раскрывают его сущность исключительно как политического феномена, но не раскрывают правовой природы данного явления. В то же время, учитывая, что в рассмотренных определениях заложена конфликтогенность данного явления, его определение должно содержать характеристики противоправного характера экстремистских деяний», — отмечает В. В. Ревина [8, с. 36–40].

Молодежный экстремизм как массовое явление последнего десятилетия выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам поведения [9, с. 352]. В. Т. Лисовский характеризует экстремизм как «особую форму отчуждения и прежде всего отчуждения общечеловеческих, общекультурных ценностей» [цит. по: 10, с. 67–69]. Молодежный экстремизм отличается от взрослого меньшей организованностью, стихийностью. По мнению Л. С. Рубан, «наиболее массовым и активным участ-

ником межэтнических конфликтов выступает молодежь, которой удобно манипулировать из-за недостатка у нее социального опыта, относительно легкой внушаемости, излишне эмоциональной оценки событий и реакции на них» [11, с. 28–30].

Все приведенные мнения исследователей достаточно авторитетны и, безусловно, имеют право на жизнь и достижение определенного научного результата. Однако, если анализировать природу экстремизма, особенно молодежного, именно с криминологической точки зрения, то все перечисленные мнения направлены только на анализ либо причин существования этого негативного явления в нашем обществе, либо условий, либо факторов. Чтобы в макросмысле понять природу какого-либо явления, необходимо исследовать весь процесс детерминации экстремизма в нашей стране, его интеграцию в социум.

Речь следует вести именно о природе молодежного экстремизма в целях выработки наиболее эффективных мер ранней индивидуальной профилактики, при этом под ранней индивидуальной профилактикой молодежного экстремизма следует понимать комплекс мероприятий по формированию личностных качеств, не позволяющих конкретному человеку переступить установленные в обществе правила и нормы поведения. И перечень субъектов данной деятельности чрезвычайно широк, начиная с института семьи, дошкольных учреждений, учителя общеобразовательной школы, ближайшего окружения, подростковых общественных организаций.

Сказанное выше вполне можно считать одними из главных проблем противодействия молодежному экстремизму, поскольку именно вопросам ранней индивидуальной (криминологической и виктимологической) профилактики сегодня внимание не уделяется по многим причинам. В числе основных можно назвать и отсутствие централизованной системы правоохранительных органов по предупреждению преступности, в чьи обязанности должно входить только предупреждение и профилактика преступлений, и нерациональное распределение обязанностей между сотрудниками органов внутренних дел (например, участковый уполномоченный полиции отвечает, в том числе, и за раскрываемость преступлений на территории обслуживания, хотя основное его предназначение — профилактика и предупреждение преступлений и правонарушений на своем участке), и недостаток соответствующих штатов и необходимой квалификации.

Стоит обратить внимание, что согласно последним изменениям законодательства молодежью является социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации¹.

Почему именно сегодня лица этой возрастной категории наиболее подвержены криминальному воздействию со стороны лидеров экстремистских организаций? Наиболее точно об этом высказалась Р. М. Афанасьева: «Молодежь в целом субъектом экстремизма быть не может. Она может быть лишь социальной средой экстремистских проявлений» [12, с. 11]. В этом суждении достаточно кратко представлен ответ на основной вопрос об эволюции молодежного экстремизма, поскольку именно в среде социально дезориентированной молодежи достаточно просто посеять убежденность в инакомыслии, необходимости кардинальных действий и отсутствии морали и нравственности в обществе.

Анализ тенденций экстремизации российского общества свидетельствует о продолжающемся воздействии со стороны внешних и внутренних деструктивных сил на распространение радикальной идеологии в молодежной среде в целях дестабилизации общественно-политической обстановки [9, с. 354]. Факторами глобализации экстремизма являются следующие.

1. Воздействие на *сознание молодежи*.

Нарастает криминализация общественного сознания («промывка мозгов», видео- и фотофейки, социальные мессенджеры и т. п.). Экстремистские идеи привлекательны для молодых людей в силу простоты и однозначности своих постулатов, обещания незамедлительного результата.

2. *Искажение исторического наследия России*.

В. В. Путин на торжественном мероприятии, посвященном победе над фашизмом, отметил: «Мы будем рассказывать в том числе о победах и поражениях Красной армии, о трагической судьбе наших пленных, о мужестве подпольщиков и позоре коллаборационистов, о трагедии Холокоста и преступлениях против мирных жителей, о бесчинствах националистов, приспешников Гитлера»². Попытка переписать историю — это попытка выбить культурный фундамент нации, который может противостоять и таким криминальным явлениям, как экстремизм.

3. *Стирание границ правоупотребительного поведения*.

Природа асоциального поведения обусловлена такими криминологическими и социальными категориями, как социальная дезориентация, негативизм

¹ О молодежной политике в Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I), ст. 28.

² Заседание Российского организационного комитета «Победа». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62293> (дата обращения: 15.04.2023).

и радикализм суждений, конформность. По мнению В. В. Константинова, Р. В. Осина, радикализм бывает двух видов. Конструктивный, революционный — направлен на качественное, революционное, прогрессивное преобразование существующей социальной системы, высшим проявлением выступает социальная революция. Деструктивный радикализм направлен на сохранение, консервацию изживших себя социальных отношений с помощью деструктивных, агрессивных действий против тех сил и социальных явлений, которые выражают революционное преобразовательное начало, либо против всей существующей социальной системы или социальной ситуации в целом. «Деструктивный радикализм не лечит критическую болезнь социального организма, а калечит его тело, словно безграмотный шаман, лишь усугубляя эту критическую болезнь» [13, с. 10].

4. Пропаганда неофашизма, насилия и жестокости.

В сегодняшних геополитических условиях противодействие неофашизму, насилию и жестокости обретает особый смысл. Разрушительное влияние западных экстремистских направлений и организаций, подпитанное в определенном смысле и финансовой составляющей, и иными «благами» западной цивилизации, создает условия для существования таких резонансных криминологических явлений, как насилие, наркотизация, терроризм и др. Еще в конце прошлого столетия известный актер Леонид Филатов отметил: «Количество пошлых и бездарных произведений множится с такой удручающей скоростью, что скрыться от них невозможно... Это ужасно, это формирует вкус нации»³.

5. Социальная аномия⁴.

Роберт Мертон в своих исследованиях проблем, связанных с наличием в обществе правового нигилизма, низкой степени социальной ответственности, цинизма и отрицания правил поведения, отмечал, что «общество, в котором нет уважения к старшим, обладает социальной аномией» [14].

Главными отличиями молодежного экстремизма от взрослого являются:

- деформация сознания;
- увлеченность новыми религиозными направлениями, нетрадиционными для нашей страны;
- фанатичность в своем мировоззрении;
- излишняя внушаемость;
- ситуационное участие в деятельности радикальных групп в связи со своими убеждениями [15, с. 9].

В настоящее время основными источниками распространения экстремистских материалов слу-

жат интернет-ресурсы. Наиболее явно это прослеживается в социальных сетях, которые являются сферой интересов каждого представителя молодежи: здесь общаются с друзьями, заводят новые знакомства и получают информацию. В социальных сетях люди вступают в сообщества «по интересам», где обмениваются своими идеями с единомышленниками. Как раз на такие сообщества направлена деятельность экстремистских организаций. В них они завуалированно, в процессе общения высказывают свои идеи, в том числе, экстремистского характера и ждут положительного отклика от других. Получив одобрение от некоторых людей, экстремисты начинают работать с ними уже целенаправленно, внушая, навязывая свои идеи. В последующем человек продолжает транслировать экстремистские материалы в кругу своих знакомых, прививая им ложное миропонимание и отношение к происходящему вокруг, в том числе политическому управлению и различным социальным противоречиям.

Особое внимание необходимо уделить лицам с маргинальным поведением, выпускникам детских домов, детям из неблагополучных семей. В таких условиях у людей достаточно часто имеются определенные пробелы в воспитании. Особенно это может отразиться в отсутствии у них четкой правоуполномоченной позиции, что может способствовать становлению их как активных участников экстремистских течений.

Еще одним фактором, обуславливающим приверженность лица к радикальным экстремистским направлениям, выступает невозможность, а порой и нежелание найти себе соответствующую работу или вовсе ее отсутствие. Появляется некая озлобленность на существующее общественное устройство, желание найти группу единомышленников, примкнуть к какому-либо сообществу, позволяющему преодолеть некое чувство отчуждения, социальной несправедливости. Но это желание часто является столь же асоциальным, как и его носитель.

В деле противодействия экстремистским проявлениям в молодежной среде важно уделять внимание диагностике основных объектов, детерминирующих криминальное экстремистское поведение, в том числе личности (внутренняя диспозиция, склонности, потребности, мотивация и асоциальные установки). При этом ключевое значение имеют социальные коммуникации, способы реализации интересов, увлечения и хобби, а также источники деструктивного психологического воздействия.

Сферами диагностики экстремистского поведения должны быть микрогруппы, социальная среда,

³ *Время дураков уходит? // Аргументы и факты. 2002. 16 сент.*

⁴ Э. Дюркгейм определил аномию как социальную болезнь, неспособность общества регулировать естественные импульсы и желания индивидов.

интернет-ресурсы и криминальные последствия для общества.

В процессе проведенных нами исследований в области противодействия экстремистским проявлениям в молодежной среде отработаны и оптимизированы разработанные ранее механизмы криминологической диагностики признаков экстремистского поведения молодежи [3, с. 355].

1. Невключенное наблюдение — качественный метод исследования, который позволяет проводить изучение студентов в их естественной среде и в повседневных жизненных обстоятельствах, т. е. изучение социальной группы «изнутри».

2. Применение методик диагностики диспозиций насильственного экстремизма — в качестве диагностических категорий предлагается использовать диспозиции, отражающие неспецифическую склонность к экстремистскому поведению и в зависимости от ситуации ведущих к формированию частных враждебных установок на конкретные объекты.

3. Опросы и анкетирование (легендированные) — следует выбирать критерии, выявляющие допустимость экстремистской агрессии, субкультуру, интолерантность, конвенциональное предупреждение, социальный пессимизм, правовой нигилизм, уровень социальной аномии, степень социальной ответственности, уровень цинизма, уровень протестной активности, уровень конформизма.

4. Интернет-серфинг социальных сетей — мониторинг интернет-ресурсов (социальных групп, мессенджеров, интернет-страниц и т. п.) на наличие деструктивного и экстремистского контента.

Э. Дюркгейм и Р. Мертон определяли преступность как болезнь нашего общества. И не случайно деструктурирующее воздействие криминальных проявлений в той или иной областях общественных отношений по ощущениям и последствиям тожде-

ственны биологическим заболеваниям человека. Видимо, поэтому большинство теоретиков называют криминологов врачами нашего общества.

Именно криминология как прикладная наука является основной в деле поиска оптимальных решений для «лечения» такого социального заболевания, как преступность. Познание природы молодежного экстремизма позволяет выработать наиболее эффективные профилактические меры, способные оградить молодых людей с несформировавшимся мировоззрением и неокрепшей психикой, но обладающих при этом социальной активностью, как от инакомыслия на ранних этапах, так и от совершения преступлений в будущем.

Поэтому особое внимание должно уделяться профилактике и предупреждению негативных криминальных ситуаций в обществе.

В целях эффективной профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде предлагается осуществить комплекс мероприятий:

1) социальная иммунизация подростков в отношении экстремизма;

2) уроки толерантности — ознакомление учащихся с многообразием различных культур;

3) создание общественных культурно-спортивных организаций в системе образования (организация позитивного развивающего досуга студентов и школьников);

4) взаимодействие педагогического состава с родительским комитетом по профилактике асоциального поведения;

5) введение в практику образовательных организаций в рамках объективного освещения ситуации единого информационного дня (политинформация);

6) пропаганда правопослушного поведения среди студенческой молодежи, организация и проведение межвузовских культурно-просветительских мероприятий (конференции, диспуты, семинары, форумы, баттлы, флеш-мобы и т. п.).

Список источников

1. Антонян Ю. М. Терроризм. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. М., 1998.
2. Ячменев С. П., Степанов Г. И., Овсепян Г. М. О проблеме экстремизма и терроризма как последствия развития социальных отношений в XXI в. // Административное право и процесс. 2022. № 5.
3. Кишеньков Д. Г., Ревягин А. В. Предупреждение экстремизма среди студенческой молодежи : учеб. пособие. Омск, 2016.
4. Ситникова М. П. Криминологическая характеристика личности преступника в сфере экстремистской деятельности молодежи // Российский юридический журнал. 2018. № 1.
5. Баева Л. В. Проблема противостояния молодежному экстремизму в современной России // Информационное сопровождение геополитической безопасности территории юга России и Прикаспийского региона : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Астрахань, 2010.
6. Кугай А. И. Экстремизм: природа, симптоматика, опыт и условия противодействия // Управленческое консультирование. 2015. № 2.
7. Койчуколов М. Факторы религиозного экстремизма // Казахстан-Спектр. 2002. № 4.

8. *Ревина В. В.* К вопросу о понятии экстремизма // Российский следователь. 2009. № 13.
9. *Бойко О. А., Кишеньков Д. Г., Ревягин А. В.* Профилактика экстремизма в среде студенческой молодежи // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. № 3(86).
10. *Садыков Э. Р.* Профилактика экстремизма в молодежной среде // Социально-педагогические и социально-психологические исследования: актуальные и приоритетные направления : сб. науч. ст. магистрантов и аспирантов кафедры социальной педагогики и психологии факультета педагогики и социальной работы Астраханского государственного университета. Астрахань, 2018.
11. *Рубан Л. С.* Дилемма XXI века: толерантность и конфликт : монография. М., 2006.
12. *Афанасьева Р. М.* Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007.
13. *Константинов В. В., Осин Р. В.* Психология экстремизма : учеб. пособие. М., 2019.
14. *Merton R. K.* Social structure and anomie // American sociological rev. Wash., 1938. Vol. 3, № 5.
15. *Зализняк Н. Л., Лундовских И. В., Синеглазова А. Г.* Профилактика экстремизма и формирование толерантности в молодежной среде : методическое руководство. Казань, 2020.

УДК 343.288

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-208-213

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Спорные вопросы применения смягчающих наказание обстоятельств, не указанных в уголовном законе

Елизавета Владимировна Шиманович

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ liza_shimanovi4@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

На основе анализа судебной практики утверждается, что в качестве смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, суды учитывают обстоятельства, которые сами по себе не уменьшают общественную опасность преступления или лица, его совершившего, и требуют обязательной мотивировки их применения. Отмечается, что отражение в установленном законодателем перечне, закрепленном в ч. 1 ст. 61 УК РФ, альтернативных смягчающих обстоятельств с отсылкой к иным действиям и отсутствие в приговорах разграничения смягчающих обстоятельств на указанные и не указанные в законе, ведут к противоречивой судебной практике в части, касающейся учета смягчающих наказание обстоятельств. Рассматривается также вопрос о правильном применении судами смягчающего обстоятельства «стечение тяжелых жизненных обстоятельств».

Ключевые слова: смягчающее обстоятельство, мотивировка, перечень смягчающих обстоятельств, альтернативное смягчающее обстоятельство, стечение тяжелых жизненных обстоятельств

Для цитирования: Шиманович Е. В. Спорные вопросы применения смягчающих наказание обстоятельств, не указанных в уголовном законе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 208–213.

Controversial Issues of Application of Mitigating Circumstances not Specified in the Criminal Law

Elizaveta V. Shimanovich

Postgraduate student¹,

✉ liza_shimanovi4@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Based on the analysis of judicial practice, it is argued that the courts take into account circumstances not specified in the law as mitigating, which in themselves do not reduce the social danger of the crime or the person who committed it, and require mandatory motivation for their application. It is noted that the reflection of alternative mitigating circumstances with reference to other actions in the list established by the legislator and enshrined in Part 1 of Art. 61 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the fact that the sentences lack separation of mitigating circumstances specified in the law from those not specified in the law, lead to conflicting judicial practice with regard to consideration of mitigating circumstances. The issue of the correct application by the courts of the mitigating circumstance of «a combination of difficult life circumstances» is also under study.

Keywords: mitigating circumstance, motivation, a list of mitigating circumstances, an alternative mitigating circumstance, a combination of difficult life circumstances

Citation: Shimanovich E. V. Controversial Issues of Application of Mitigating Circumstances not Specified in the Criminal Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 208–213 (In Russ.).

Соблюдение общих начал назначения наказания служит гарантией эффективного достижения его целей. Само по себе наказание является карательной мерой, но при его назначении суд применяет к осужденному также и поощрительные нормы, включающие и смягчающие наказание обстоятельства, которым в настоящее время в отечественном уголовном законе уделяется большое внимание.

С учетом того, что смягчающие наказание обстоятельства занимают особое место в системе назначения наказания, считаем необходимым уделить внимание практике их применения и прежде всего не указанных в законе (учтенных на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ). Согласно официальным статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2016 г. смягчающие

обстоятельства были применены судом примерно к 58% осужденных, в 2017 г. — к 78%, в 2018 г. — к 80%, в 2019 г. — к 84%, в 2020 г. — к 85%¹. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что востребованность ст. 61 УК РФ у правоприменителей с каждым годом растет. Всего в период с 2016 по 2020 гг. включительно было осуждено 3 225 886 лиц, из них к 2 450 389 (76%) были применены смягчающие обстоятельства.

Количество смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, возможно установить лишь эмпирическим путем. Проведенное нами исследование² показало, что в проанализированных приговорах судами было учтено 41 смягчающее обстоятельство, из них 35 не указаны в законе. В общей сложности в этих приговорах было выявлено 2065 случаев применения смягчающих обстоятельств, из них 1397 (67,65%) не указанных в уголовном законе (на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ). Подобный анализ проводился и другими исследователями. Так, Д. С. Дядькин писал в своей статье, что смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, встречаются в несколько раз чаще, чем в законе указанные (в отношении примерно 4:1) [1, с. 23]. А в статье О. А. Мясникова приведена статистика, согласно которой смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, применялись в 65 % дел [2, с. 51]. Таким образом, смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, значительно преобладают над теми, которые приводятся в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Согласно ч. 2 ст. 61 УК РФ и абз. 2 п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», суд вправе признать в качестве смягчающих наказание любые обстоятельства, не указанные в законе, которые сочтут таковыми. При этом порядок отнесения тех или иных обстоятельств к смягчающим в законе четко не оговорен, и полностью зависит от правосознания и опыта судей. Обращаясь к анкетированию судей, можно отметить: 56 (56,57%) опрошенных ответили, что чаще используют смягчающие обстоятельства, перечисленные в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ, остальные 43 (43,43%) — иные, на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ. Это расходится с приведенными выше результатами анализа приговоров, где последние смягчающие обстоятельства преобладали над теми, что предусмотрены в законе. При этом большинство судей (58, или 58,59%) поддерживают тот факт, что на практике чаще используются смягчающие обстоятельства, не указанные в законе (ч. 2 ст. 61 УК РФ).

Фактически в настоящее время судам для применения смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, достаточно обратить внимание на наличие определенного обстоятельства и придать ему статус смягчающего. Верно отмечает относительно свободы судей при учете смягчающих обстоятельств А. Г. Миншикова: «Образуется тонкая грань между свободой волеизъявления судьи и его злоупотребления от таких возможностей, что является поводом задуматься» [3, с. 49]. На наш взгляд, для признания какого-либо обстоятельства смягчающим на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ необходимо еще и мотивировать, каким образом оно уменьшает общественную опасность деяния или самого виновного, как это было рекомендовано в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» (утратил силу). Данный пункт имел следующее содержание: «Статьей 61 УК РФ не ограничен перечень обстоятельств, смягчающих наказание. Поэтому при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и другие обстоятельства, не предусмотренные этой статьей. Признание такого обстоятельства смягчающим наказание должно быть мотивировано в приговоре». Тот факт, что данное положение отсутствовало в последующих двух постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по тому же вопросу (от 11 января 2007 г. № 2 и от 22 декабря 2015 г. № 58) не свидетельствует о том, что суды были освобождены от мотивирования своего решения о признании не указанного в уголовном законе смягчающего обстоятельства применительно к каждому конкретному случаю назначения наказания. Возможно, высший судебный орган считал такое правило само собой разумеющимся и вытекающим из п. 4 ст. 307 УПК РФ, где предписывается в описательно-мотивировочной части приговора излагать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания. Однако нижестоящие суды восприняли исключение процитированной выше формулировки из последующих текстов постановлений иначе, а именно, что никакой мотивировки при признании не указанных в законе обстоятельств смягчающими можно не приводить. В результате к настоящему времени сложилась ситуация упрощенного подхода к применению таких обстоятельств. На вопрос «Следует ли законодательно закрепить обязательность приведения в приговоре мотивов признания тех или иных обстоятельств, не перечисленных в ч. 1 ст. 61 УК РФ, в качестве смягчающих?» 72 судьи (72,73%) ответили отрицательно.

¹ Здесь и далее, если не указано иное, показатели рассчитаны по: *Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 12 месяцев 2016–2020 гг.*

² Проанализированы 500 приговоров с применением смягчающих обстоятельств, вынесенных судами во всех субъектах Российской Федерации в период с 2016 по 2020 гг., а также проведено анкетирование 99 судей Омской и Иркутской областей, республик Ингушетия и Коми, Красноярского края.

Поддерживая позицию Л. А. Долиненко, по мнению которой «в приговоре обязательно должен содержаться ответ на вопрос, почему и как именно оценено каждое из анализируемых обстоятельств и какое влияние оказывает оно на назначение наказания» [4, с. 33], отметим, что полная свобода при учете судами смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, ставит под угрозу справедливость вынесенных обвинительных приговоров.

Так, ни в одном из изученных приговоров суды не мотивировали учет смягчающих обстоятельств, не указанных в законе. При этом многие из них никак не уменьшают общественную опасность преступления или лица, его совершившего, и соответственно, не должны выступать в качестве смягчающих обстоятельств. Например, в некоторых приговорах суды, перечисляя учтенные по делу смягчающие обстоятельства, просто пишут «состояние здоровья подсудимой/подсудимого»³, «неблагоприятное состояние здоровья»⁴. Что с их здоровьем и как этот факт уменьшает степень общественной опасности виновных, остается непонятным.

Указанную проблему, на наш взгляд, можно решить путем закрепления на законодательном уровне обязательности приведения судами мотивов, а именно — изложив ч. 2 ст. 61 УК РФ в следующей редакции: «При назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи, если суд мотивировал, каким образом они снижают общественную опасность преступления или лица, его совершившего».

В перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ имеются альтернативные (комплексные) смягчающие обстоятельства (пп. «а», «д», «ж», «з», «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), которые должны содержать исчерпывающее количество условий отнесения их к смягчающим обстоятельствам. Указание в перечне смягчающих обстоятельств на иные действия, как это сделано в п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ «оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему»,

размывает перечень типовых смягчающих обстоятельств. Позиция каждого смягчающего обстоятельства из перечня ч. 1 ст. 61 УК РФ должна быть закрытой, следовательно, и иные действия должны учитываться в рамках ч. 2 ст. 61 УК РФ как смягчающие обстоятельства, не указанные в законе.

Так, в одной ситуации суд применил смягчающее обстоятельство «принесение извинений потерпевшему» к виновному Ш. на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ⁵, а поведение виновного Б. в аналогичной ситуации другой суд расценил как действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему в рамках п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ⁶. Получается, что одним и тем же действиям виновных суды придают разное значение, учитывая, что последний виновный оказался в более выгодном положении, так как ч. 1 ст. 62 УК РФ дает привилегию осужденным, в отношении которых применен п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Здесь прослеживается нарушение принципа равенства перед законом.

Исходя из этого предлагается исключить из п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ слова «иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему».

Одной из проблем является то, что суды не указывают, на основании какой части ст. 61 УК РФ они учитывают смягчающие обстоятельства, придавая им при этом одинаковый правовой статус, что, на наш взгляд, неверно. Так, в 387 из 500 приговоров (77,4%) судьи просто приводят «набор» смягчающих обстоятельств. В большинстве приговоров описательно-мотивировочная часть, касающаяся смягчающих обстоятельств, выглядит следующим образом:

1. «В качестве обстоятельств, смягчающих наказание Доржиева Д. В. за совершенное преступление, суд признает полное признание им своей вины, раскаяние в содеянном, положительные характеристики по месту жительства, активное содействие расследованию преступления, выразившееся в даче признательных показаний, указании места и времени возникновения преступного умысла и места незаконного приобретения наркотического средства, проверке показаний на месте, совершение преступления впервые, молодой возраст»⁷. Судом не от-

³ *Приговор* Тагилстроевского районного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области от 6 декабря 2016 г. № 1-556/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PCTvIAsDkHu/> (дата обращения: 14.04.2023); *приговор* Казанского районного суда с. Казанское Тюменской области от 18 декабря 2017 г. № 1-89/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cALZ4aVYovoS/> (дата обращения: 14.04.2023).

⁴ *Приговор* Орджоникидзеvского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 29 декабря 2016 г. № 1-705/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cyL9KKdVjnJ0/> (дата обращения: 14.04.2023).

⁵ *Приговор* Рыбинского городского суда г. Рыбинска Ярославской области от 30 декабря 2019 г. № 1-702/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XSrwQKDi3pJm/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁶ *Приговор* Агаповского районного суда с. Агаповка Челябинской области от 29 декабря 2017 г. № 1-95/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CZ1ADqxJhwgR/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁷ *Приговор* Бичурского районного суда с. Бичура Республики Бурятия от 30 декабря 2019 г. № 1-132/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/85jmdielim6n/> (дата обращения: 15.12.2022).

мечено, что «активное способствование расследованию преступления» учтено в рамках п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а остальные смягчающие обстоятельства — на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ.

2. «В качестве смягчающих обстоятельств Орелкину М. Ю. суд учитывает: полное признание вины и раскаяние в содеянном, активное способствование расследованию преступления и изобличению других участников преступления, болезненное состояние здоровья подсудимого (наличие тяжелых заболеваний), а также принимает во внимание, что после задержания Орелкин М. Ю. признался в совершении преступления, добровольно дал объяснения по обстоятельствам совершения им преступления, что в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации суд признает смягчающим наказание подсудимого обстоятельством — явкой с повинной»⁸. В данном приговоре суд указал, в рамках какой нормы учел только одно смягчающее обстоятельство, хотя «активное способствование расследованию преступления и изобличению других участников преступления» наряду с «явкой с повинной» указаны в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Относительно остальных смягчающих обстоятельств, как и в предыдущем примере, в приговоре необходимо было указать, что они учтены на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ.

3. «Обстоятельствами, смягчающими наказание подсудимому Дворяткину Ю. М., в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ суд учитывает явку с повинной, признание вины, раскаяние в содеянном, наличие на иждивении двоих несовершеннолетних детей, добровольное возмещение имущественного вреда, причиненного в результате преступления»⁹. В приговоре указано, что смягчающие обстоятельства суд применяет в рамках ч. 2 ст. 61 УК РФ, однако перечисляет и те, которые имеются в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Еще в советский период данную проблему отмечал С. Г. Мирецкий: «Смягчающие и отягчающие обстоятельства надо не просто „привести“ в приговоре суда, а изложить таким образом, чтобы была ясна оценка судом степени их влияния на назначенное наказание» [5, с. 63]. Уже в нынешнее время по этому поводу выска-

зался А. В. Курц: «Суды в приговорах указывают на все обстоятельства комплексно, единым блоком, различая их лишь по направленности влияния на назначаемое наказание: если эти обстоятельства говорят в пользу подсудимого, суды называют их смягчающими, если против — отягчающими» [6, с. 38].

Приведем примеры более правильного описания в приговоре смягчающих обстоятельств.

1. «В качестве смягчающих наказание обстоятельств Труфановой Д. Б. суд учитывает в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ — наличие малолетних детей у виновной, п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ — явку с повинной и активное способствование раскрытию и расследованию преступления; в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ признание вины и раскаяние в содеянном»¹⁰.

«К смягчающим наказание Якуниной Л. А. обстоятельствам суд относит в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса РФ — активное способствование Якуниной Л. А. расследованию преступления, т. е. Якунина Л. А. сотрудничала с органами дознания в начальной стадии и до окончания дознания: не скрывала существенные обстоятельства совершенного ею преступления, давала полные и правдивые показания об обстоятельствах совершенного ею преступления, ранее не известные органу дознания, благодаря чему были установлены все значимые по делу обстоятельства. В соответствии с ч. 2 ст. 61 Уголовного кодекса РФ к смягчающим наказание Якуниной Л. А. обстоятельствам суд относит раскаяние Якуниной Л. А. в содеянном»¹¹.

Однако и данные примеры можно было бы признать образцовыми только в том случае, если бы суд мотивировал применение смягчающих обстоятельств, не указанных в законе.

Еще одной проблемой видится тот момент, что в одной ситуации суд учитывает какие-либо факты как данные о личности и влияние на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а в другой — как смягчающее обстоятельство.

Например, гражданину О. суд учел в качестве смягчающего обстоятельства то, что он не судим¹², а виновным С.¹³ и Т.¹⁴ не стал учитывать данный

⁸ Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорск Челябинской области от 30 декабря 2019 г. № 1-514/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UFHb00GOjJVH/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁹ Приговор Кавказского районного суда ст-цы Кавказская Кавказского района Краснодарского края от 27 ноября 2020 г. № 1-112/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UmvsyuLIw1Qv/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁰ Приговор Лузского районного суда г. Луза Кировской области от 17 июля 2020 г. № 1-49/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uHWs38USxdZm/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹¹ Приговор Шацкого районного суда г. Шацк Рязанской области от 13 июля 2020 г. № 1-26/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eddyocMtoMWJ/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹² Приговор Читинского районного суда г. Чита Забайкальского края от 27 ноября 2020 г. № 1-319/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XzctqSKJHJ1/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹³ Приговор Рузского районного суда г. Руза Московской области от 27 июля 2020 г. № 1-72/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mpc1GQqOmLU0/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁴ Приговор Яшкульского районного суда п. Яшкуль Республики Калмыкия от 15 октября 2020 г. № 1-2/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/062ByJkl9JX/> (дата обращения: 15.12.2022).

факт, хотя из вводной части обоих приговоров следует, что виновный не судим. Или аналогичный пример с пенсионным возрастом виновного. Одному виновному суд учел этот факт в качестве смягчающего¹⁵, другому — нет, просто констатировав это во вводной части приговора¹⁶. С. В. Анощенкова обращает внимание на то, что в некоторых случаях суды вообще игнорируют наличие смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, при назначении виновному наказания [7, с. 110].

Итак, считаем, что суды должны указывать, в рамках каких пунктов ч. 1 ст. 61 УК РФ применили смягчающее(ие) обстоятельство(а), после чего, сославшись на ч. 2 ст. 61 УК РФ, перечислить смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, мотивировав каждое из них.

С учетом того, что суды придают одинаковое значение смягчающим обстоятельствам, указанным и не указанным в законе, и перечисляют все эти смягчающие обстоятельства одним списком, что было обозначено ранее в данной статье, они не в полной мере оценивают, можно ли какие-либо смягчающие обстоятельства, формулировок которых нет в ч. 1 ст. 61 УК РФ, отнести к смягчающим обстоятельствам, указанным в законе. Так, «наличие непогашенной задолженности бывшего супруга по алиментам на содержание их детей», «тяжелое материальное положение, послужившее поводом для совершения преступления», «проблемы со здоровьем», «наличие на иждивении или воспитании детей и близких родственников» и другие смягчающие обстоятельства, которые суды учитывают как не указанные в законе, на наш взгляд, во многих случаях могут быть учтены в рамках п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ «совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания», который ни разу нам не встретился при изучении приговоров. Судьи не используют его, при этом учитывают разные обстоятельства, которые повлияли на совершение виновным преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств. Необходимо разобраться, что судьи должны понимать под стечением тяжелых жизненных обстоятельств. По мнению А. И. Рарога «тяжелыми жизненными обстоятельствами могут быть признаны самые разнообразные обстоятельства лично-семейного или служебно-личного характера: смерть близкого человека, вызвавшая резкое ухудшение материального положения лица, его болезнь или болезнь его ребенка, супруга или других близких ему лиц; потеря работы, а также обстоятельства, создающие безвы-

ходное положение для виновного и лишаящие его сдерживающих факторов» [8, с. 211]. А. П. Кузнецов считает, что «тяжелыми жизненными обстоятельствами признаются обстоятельства, возникшие под воздействием внешних объективных факторов, негативных жизненных ситуаций, оказавших влияние на выбор виновным своего поведения, которому он не мог воспрепятствовать, противостоять в силу безысходности сложившегося положения» [9, с. 45]. При анкетировании судей нами был задан вопрос «Как Вы считаете, что из перечисленного может быть расценено как “стечение тяжелых жизненных обстоятельств”? Результаты распределились следующим образом:

Содержание смягчающего обстоятельства	Количество ответивших, выбравших данный вариант	Доля от общего числа отвечающих, % *
Плохое состояние здоровья подсудимого	14	14,14
Проблемы со здоровьем членов семьи подсудимого	10	10,1
Уклонение супруга(и) подсудимой(ого) от уплаты алиментов на содержание детей	4	4,04
Наличие на иждивении нетрудоспособных членов семьи	11	11,11
Наличие инвалидности нерабочей группы	19	19,19
Тяжелое материальное положение	20	20,2
Отсутствие доходов в связи с невозможностью трудоустроиться	20	20,2
Различное сочетание двух и более из указанных выше факторов	74	74,75
Иное (впишите свой вариант)	2	2,02

* Общее количество ответивших превышает 100%, так как допускалось указать несколько вариантов ответа.

Теми, кто выбрал вариант «иное», были предложены следующие варианты:

- все индивидуально;
- невозможность решить возникшую жизненную ситуацию иным путем.

Мы придерживаемся позиции большинства респондентов и считаем, что под стечением тяжелых жизненных обстоятельств (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ) следует понимать наличие двух и более факторов, побудивших виновного к совершению преступления. Эти факторы могут заключаться, в частности,

¹⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Ростов-на-Дону Ростовской области от 19 августа 2019 г. № 1-335/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uR3ifLjcqGU9/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁶ Приговор Новопокровского районного суда ст. Новопокровская Новопокровского района Краснодарского края от 21 августа 2019 г. № 1-132/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GiCRG3m7JhWi/> (дата обращения: 15.12.2022).

в проблемах со здоровьем виновного и его близких на фоне крайне ограниченного материального положения виновного и отсутствия возможности увеличить свои доходы законным способом (устроиться на работу, получать алименты и т. п.).

Итак, мы пришли к следующим выводам, которые, на наш взгляд, способствуют решению обозначенных в статье проблем:

1. Статус второстепенных, дополнительных смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, обусловлен тем, что практика их применения крайне противоречива без указания мотивов их учета. Следует изменить формулировку ч. 2 ст. 61 УК РФ, указав на обязательную мотивацию применения таких смягчающих обстоятельств и изложив ее следующим образом: «При назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи, если изложит в приговоре мотивы их применения».

2. Альтернативное смягчающее обстоятельство из перечня ч. 1 ст. 61 УК РФ должно содержать исчерпывающее количество условий и не давать указания на иные действия, которые размывают перечень типовых обстоятельств, где позиция каж-

дого смягчающего обстоятельства должна быть закрытой. Поэтому «иные действия виновного, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему» необходимо исключить из п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ и учитывать со ссылкой на ч. 2 ст. 61 УК РФ.

3. При учете смягчающих обстоятельств в приговоре следует указывать, в рамках какого пункта(ов) ч. 1 ст. 61 УК РФ применено смягчающее(ие) обстоятельство(а), после чего, сославшись на ч. 2 ст. 61 УК РФ, перечислить смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, если они имеются, мотивировав каждое из них применительно к конкретным обстоятельствам данного уголовного дела.

4. При наличии различных сочетаний двух и более факторов, побудивших виновного к совершению преступления, которые суды учитывают в качестве отдельных смягчающих обстоятельств на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ, необходимо оценивать, не является ли такое сочетание стечением тяжелых жизненных обстоятельств, и если является, то ссылаться в приговоре следует не на эти отдельные смягчающие обстоятельства, не указанные в уголовном законе, а на п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Список источников

1. Дядькин Д. С. Обстоятельства, смягчающие наказание, не указанные в законе // Российский следователь. 2008. № 11.
2. Мясников О. А. О смягчающих наказание обстоятельствах, не указанных в законе // Российская юстиция. 2001. № 4.
3. Меньшикова А. Г. Обстоятельства, смягчающие наказание // Виктимология. 2020. № 3.
4. Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания : учеб. пособие / В. И. Арькова, Г. Б. Виттенберг, Г. С. Гаверов, С. С. Гаскин [и др.] ; отв. ред. Г. Б. Виттенберг. Иркутск, 1978.
5. Приговор суда ; отв. ред. М. А. Шапкин. М., 1989.
6. Куриц А. В. Следует ли перечень обстоятельств, смягчающих наказание, оставлять открытым? // Уголовное право. 2004. № 2.
7. Анощенкова С. В. Основа справедливого наказания // Журнал российского права. 2017. № 4.
8. Рарог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная . Изд. 6-е. М., 2008.
9. Кузнецов А. П. Обстоятельства, смягчающие наказание // Ius Publicum et Privatum. 2019. № 1.

УДК 343.45

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-214-219

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Персональные данные в социальных сетях: теория и судебная практика толкования общедоступности

Елена Васильевна Хохлова

судья¹, аспирант²,

✉ khokhlova1975@bk.ru

¹ Второй кассационный суд общей юрисдикции

² Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Рассматриваются основанные на анализе научных трудов и материалов судебной практики проблемы определения персональных данных человека, размещенных в сети Интернет, в контексте интерпретации предмета преступления. Исследуются правовые позиции Конституционного Суда РФ и разъяснения Верховного Суда РФ, раскрывающие понятие юридической категории «общедоступность» персональных данных. Раскрывается авторская позиция по вопросу юридической оценки сбора или распространения персональных данных, размещенных в сети Интернет самим пользователем. Формулируются положения, дополняющие частную теорию квалификации преступлений, совершенных с персональными данными или в отношении персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, частная жизнь, право на неприкосновенность частной жизни, тайна, общедоступность, социальные сети, судебная практика

Для цитирования: Хохлова Е. В. Персональные данные в социальных сетях: теория и судебная практика толкования общедоступности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 214–219.

Personal Data in Social Networks: Theory and Judicial Practice of the Interpretation of Public Availability

Elena V. Khokhlova

Judge¹, Postgraduate student²,

✉ khokhlova1975@bk.ru

¹ of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction

² Southwest State University (Kursk, Russia)

Based on the analysis of scientific works and materials of judicial practice, the problems of determining a person's personal data posted on the Internet are considered in the context of interpreting the subject of a crime. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, which reveal the concept of the legal category «publicity» of personal data, are under examination. The author's position is revealed as to the issue of legal assessment of the collection or dissemination of personal data posted on the Internet by the user himself. Provisions are formulated that supplement the private theory of qualification of crimes committed with personal data or against personal data.

Keywords: personal data, private life, right to inviolability of private life, privacy, public availability, social networks, judicial practice

Citation: Khokhlova E. V. Personal Data in Social Networks: Theory and Judicial Practice of the Interpretation of Public Availability. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 214–219 (In Russ.).

В теории уголовного права научные споры вызывают подходы к установлению вины в отношении сбора или распространения общедоступных персональных данных, квалифицируемых, как правило, по ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Дискуссия касается неопределенности в понимании того, когда тайна персональных

данных может быть нарушена правомерно. Пленум Верховного Суда РФ через разделительный союз «либо» в п. 2 постановления «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. ст. 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) от 25 декабря 2018 г. № 46 (далее — ППВС № 46) назвал два условия

уголовной ненаказуемости сбора или распространения сведений о частной жизни гражданина: если они, сведения, *«ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле»*, как и за их совершение в государственных, общественных или иных публичных интересах¹.

Российская дискуссия в этом смысле представлена разными вариантами юридической оценки открытого доступа к персональным данным, прежде всего размещенным на сайтах или в социальных сетях самим гражданином. Ее суть объясняет Н. И. Пикуров: «Настоящий бум обмена сведениями, относящимися к частной жизни конкретного лица, связан с появлением социальных сетей. Возникает проблема отграничения допустимого сбора и распространения информации, прежде всего визуального характера, размещенной на сайтах самим гражданином, от незаконных действий, нарушающих право такого гражданина на неприкосновенность частной жизни при дальнейшем распространении информации иными лицами» [1, с. 53].

В попытке найти пути ее решения одни правоведы прибегают к приравниванию регистрации в публичных (блогах, страницах в соцсетях, приложениях, иных сайтах) как публичном пространстве к согласию на совершение каких-либо действий с персональными данными другого человека, размещаемыми им в социальных сетях. По мнению А. К. Жаровой и В. М. Елина, если личная информация размещается в сети самим субъектом персональных данных, то дальнейшее ее использование возможно [2, с. 74]. По той же причине Р. И. Дремлюга считает, что информация, размещенная в блогах, не подпадает под определение охраняемых законом сведений [3, с. 57]. Другие же авторы предлагают оценивать правомерность действий с чужими персональными данными с позиции принятых мер пользователем по защите своего аккаунта [4, с. 38].

Неединообразная квалификация противоправных деяний с персональными данными обусловлена приданием правоприменителем разного смысла термину «общедоступность». Его содержание не разъяснялось авторами ППВС № 46, сославшимися на принятое ранее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г.

№ 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ». В нем Верховный Суд РФ отметил: «Обнародование изображения гражданина, в том числе размещение его самим гражданином в сети Интернет, и *общедоступность такого изображения сами по себе не дают иным лицам права на свободное использование такого изображения без получения согласия изображенного лица*». И в этом же пункте высшая судебная инстанция сделала противоречивую оговорку: «Обстоятельства размещения гражданином своего изображения в сети Интернет могут свидетельствовать о выражении таким лицом согласия на дальнейшее использование данного изображения, например, если это предусмотрено условиями пользования сайтом, на котором гражданином размещено такое изображение»².

Такое разночтение не могло не повлиять на однородность судебной практики при сборе и распространении третьими лицами размещенных гражданином своих персональных данных в социальных сетях и на веб-сайтах: если пользователь согласился с политикой распространения информации на интернет-платформе, суды признают персональные данные, им размещенные, общедоступными, руководствуясь в том числе п. 4 ст. 7 Федерального закона от 29 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — ФЗ об информации)³. Так, в Апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 26 ноября 2014 г. по делу № 33-17300/2014 приводится следующее обоснование отказа в удовлетворении жалобы: «Данные истца, такие как фамилия, имя, возраст, а также его фотография, которые были опубликованы в журнале, были размещены на личной странице С.С.В. в социальной сети «ВКонтакте», открытой для доступа неограниченному кругу лиц и не защищенной никакими настройками приватности. Разместив указанную фотографию на сайте в открытом для неопределенного круга лиц доступе, истец фактически своими действиями выразил добровольное волеизъявление на обнародование своего изображения»⁴.

¹ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 29 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 26 ноября 2014 г. по делу № 33-17300/2014 (документ опубликован не был).

⁵ О персональных данных : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ.

Вторым вариантом решения судов является непризнание персональных данных общедоступными при отсутствии у социальных сетей какого-либо подтвержденного согласия на обнародование личных данных. Например, АО «НБКИ» обратилось в суд с заявлением о признании недействительными пунктов 1 и 4 предписания Управления Роскомнадзора по ЦФО № П-77/07/524-нд/1/230 от 26 августа 2016 г. Заявитель был признан нарушителем требований Федерального закона № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. «О персональных данных» (далее — ФЗ № 152)⁵, поскольку для оценки кредитоспособности осуществлял обработку персональных данных заемщиков либо потенциальных клиентов финансовой организации из аккаунтов в социальных сетях и интернет-порталах без их согласия. Решением Арбитражного суда г. Москвы в удовлетворении заявления было отказано на том основании, что «информация о субъекте (в том числе персональные данные), содержащаяся в социальных сетях (в сети Интернет), не может быть отнесена к персональным данным, сделанным субъектом общедоступными, поскольку социальные сети не являются источником общедоступных персональных данных применительно к положению ст. 8 Закона. Без письменного согласия субъекта персональных данных не представляется возможным утверждать, что они предоставлены именно указанным субъектом»⁶.

Девятый арбитражный апелляционный суд, оставив в силе решение Арбитражного суда г. Москвы, отметил: «Применительно к положениям ч. 1 ст. 8, п. 4 ч. 2 ст. 22 Закона о персональных данных не являются общедоступными обрабатываемые обществом персональные данные, содержащиеся в открытых источниках (социальных сетях: ВКонтакте, Одноклассники, МойМир, Instagram, Twitter; интернет-порталов Авито и Авто.ру). По смыслу Закона о персональных данных размещение в указанных открытых источниках не делает их автоматически общедоступными. Следовательно, не допускается обработка таких данных без согласия субъекта»⁷. Арбитражным судом Московского округа это постановление было оставлено без изменения⁸. Не нашел оснований для отмены обжалуемых судебных актов и Верховный Суд РФ⁹.

Логика решений судебных инстанций была основана на положениях ст. 8 ФЗ № 152: общедоступ-

ными являются только те персональные данные, которые, *во-первых*, поименованы в качестве источников персональных данных (справочники, адресные книги, открытые любому человеку). Персональные данные, размещенные в аккаунтах социальных сетей, на веб-сайтах или на других публичках, не могут считаться, по мнению судов, общедоступными, поскольку эти интернет-платформы прямо не указаны в ст. 8 ФЗ № 152. Последнее обоснование вызвало критику одних ученых, другие же считают позицию судов подлежащей нормативному оформлению [5, с. 35]. Так, по мнению М. А. Рожковой, общедоступные источники персональных данных неверно толкуются судами как прямо названные ресурсы, что влечет ошибочный вывод о необщедоступности непоименованных персональных данных с открытым доступом в сети Интернет [6]. Возражая против такого подхода, укажем, что М. А. Рожкова считает понятия «общедоступные источники персональных данных» и «общедоступные персональные данные» равнозначными, а это, как верно подмечает А. В. Кучеренко, не одно и то же [7, с. 86]. Действительно, применительно к положению статьи 8 ФЗ № 152 социальные сети источником общедоступных персональных данных не являются, а потому решения судов в этой части следует признать соответствующими закону.

Во-вторых, персональные данные, размещенные в социальных сетях самими пользователями, являются открытыми, но не общедоступными. Думается, когда сам субъект раскрывает свои персональные данные, например, на своей странице в социальной сети, т. е. в открытом доступе, без режима приватности, то они становятся общедоступными и выводятся из-под запрета их сбора и использования. Так, согласно п. 5.11. Пользовательского соглашения сайта «ВКонтакте» после регистрации пользователь получает право самостоятельно в личных целях создавать, использовать и определять содержание собственной персональной страницы и условия доступа других пользователей к ее содержанию. Как обладатель информации, размещенной пользователем на персональной странице, он осознает, что администрация сайта не принимает участия в формировании и использовании содержания и контроле доступа других пользователей к персональной странице пользователя. Размещая на странице свои персональные данные, пользователь соглашает-

⁶ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 5 мая 2017 г. по делу № А40-5250/17-144-51 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YLVZ7F3cAwU0/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 июля 2017 г. № 09АП-31744/2017 по делу № А40-5250 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ADkm2q8j8irQ/> (дата обращения: 04.11.2022).

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 ноября 2017 г. № Ф05-16382/17 по делу № А40-5250. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 29 января 2018 г. № 305-КГ17-21291 по делу № А40-5250/2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ся с тем, что указанная информация может быть доступна другим пользователям сети Интернет (п. 5.12.)¹⁰. А потому публикуя свои персональные данные на разных ресурсах в сети Интернет, участник свободно, своей волей и в своем интересе выражает согласие на то, что они доступны для ознакомления и использования, в том числе незаконно, другими участниками онлайн-площадки. Так, социальные сети и другие платформы в Глобальной сети активно используются и правоохранительными органами для определения местонахождения преступников, правонарушителей и должников, а также их имущества [8, с. 229].

В-третьих, обработка сделанных общедоступными персональными данными требует согласия верифицированных пользователей сайтов объявлений и социальных сетей и в письменной форме. В качестве его доказательства судебные органы не приняли электронную «галочку-согласие» ввиду невозможности идентифицировать пользователя. Этот вывод подытожил в своем определении Верховный Суд РФ: «Обрабатываемые персональные данные, содержащиеся в открытых источниках (социальных сетях: ВКонтакте, Facebook, Instagram, Одноклассники, МойМир и т. д.), не являются общедоступными, так как согласно требованию п. 1 ч. 1 ст. 6 ФЗ № 152 «О персональных данных» согласия субъектов персональных данных на обработку их персональных данных получено не было». Отметим противоречивость такого требования к операторам социальных сетей. Суд ссылается на ст. 7 «Конфиденциальность персональных данных» ФЗ № 152, где прописана обязанность оператора, получившего доступ к персональным данным, не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия их субъекта, если иное не предусмотрено федеральным законом. Полагаем, испрашивать отдельное и письменное согласие именно на обработку ставших общедоступными персональных данных, по ФЗ № 152, не обязательно, кроме их обработки для распространения (ч. 2 ст. 10.1 ФЗ № 152). Именно потому сам Роскомнадзор на своем официальном сайте разъяснил, в каких случаях для обработки персональных данных не требуется согласия субъекта персональных данных: когда осуществляется обработка персональных данных, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен субъектом персональных данных либо

по его просьбе (далее — персональные данные, сделанные общедоступными субъектом персональных данных)¹¹.

В-четвертых, отсутствие согласия на обработку общедоступных персональных данных пользователей в целях, не совместимых с целями сбора персональных данных кредитно-финансовой организации. Возражая против такой оценки, отметим, что, единожды выразив свою волю на предоставление доступа неограниченному кругу лиц к своим персональным данным, размещенным на общедоступных сайтах, субъект тем самым подтверждает согласие каждому на обработку указанных данных в любых, не противоречащих закону целях. Согласие требуется на распространение сделанных самим человеком общедоступными персональных данных (п. 2 ст. 10.1 ФЗ № 152), а для их собирания и систематизации из открытого профиля оно необязательно. Фактически кредитно-финансовая организация осуществляла непротивоправную обработку общедоступных персональных данных пользователей социальных сетей и сайтов объявлений в форме их сбора, систематизации, накопления, хранения, извлечения и использования без распространения.

При изложенных обстоятельствах возникает вопрос о том, являются ли предметом уголовно-правовой охраны правдивые персональные данные, сделанные общедоступными нарушителем или злоумышленником помимо воли их обладателя? Практикующие юристы полагают, что если персональные данные размещены неустановленным лицом и не проверены на подлинность, нельзя их рассматривать как персональные¹². Правовую позицию о фейковых аккаунтах в соцсетях сформулировал и Роскомнадзор: «Если персональные данные другого человека — будь то ФИО или его фотография — будут использоваться для создания фальшивого аккаунта, то имеет место нарушение закона, поскольку „цель его создания не может быть признана социально значимой“. Правила пользования большинства популярных соцсетей (например, Facebook) предполагают соблюдение политики „реальных имен“. Если такое нарушение имело место, следует обратиться к администраторам сайта с требованием удалить аккаунт. При этом можно апеллировать к правовой позиции в соответствии с российским законодательством по защите персональных данных»¹³. По нашему мнению,

¹⁰ Правила пользования Сайтом «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 04.02.2023).

¹¹ Обращения в сфере персональных данных // Роскомнадзор. URL: <https://26.rkn.gov.ru/p8926/p10713/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹² Емельяников М. Ю. Судебное решение: соцсети и сайты объявлений в России теперь незаконны? URL: <https://emeliyannikov.blogspot.com/2017/12/blog-post.html> (дата обращения 26.12.2022).

¹³ Ведомости: «Фейковые» аккаунты в соцсетях нарушают закон о персональных данных // Роскомнадзор. URL: <https://rkn.gov.ru/press/publications/news29215.htm> (дата обращения: 15.12.2022).

при использовании чужих персональных данных только для создания поддельного аккаунта при отсутствии умысла на совершение преступлений регистрация фэйковой страницы может быть квалифицирована как несанкционированная обработка персональных данных, предусмотренная ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ «Нарушение законодательства РФ в области персональных данных». Уголовная же ответственность будет зависеть от того, с какой целью ложная страница от имени другого лица регистрировалась. Действия, выражающиеся в создании фальшивого аккаунта в виде страницы-клона с указанием действительных персональных данных реально существующего человека («кража личности») с добавлением в друзья его контактов и получение злоумышленником от них, например, денежных средств якобы в качестве долга, будут квалифицироваться по ст. 159 УК РФ как мошенничество. Если же фэйковая страница создавалась для распространения сведений о частной жизни, составляющих личную и семейную тайну (например, фото обнаженного человека), то содеянное содержит признаки нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ). Клеветой (ст. 128¹ УК РФ) могут признаваться размещенные на фальшивой странице сведения, порочащие честь и достоинство скомпрометированного человека (например, связанные с рассылкой якобы от его имени предложения об оказании платных секс-услуг).

Таким образом, в целях совершенствования частной теории квалификации преступлений, связанных с посягательством в отношении персональных данных или с их использованием, предлагается ее дополнить *следующими положениями*.

1. Уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности персональных данных как самую репрессивную должно исключать, *во-первых*,

согласие лица на предание огласке личных данных о себе, *во-вторых*, их общедоступность. Право на тайну персональных данных является абсолютным личным правом, а потому от волеизъявления лица зависит юридически значимый факт: если дано согласие обладателя этого права на ознакомление с содержанием персональных данных, состав преступления отсутствует.

2. Не подлежит уголовной ответственности сбор или распространение чужих персональных данных, сделанных общедоступными самим их владельцем, в том числе путем размещения в сети Интернет (публичный профиль в социальной сети, на сайтах, форумах и иных онлайн ресурсах). В этом случае согласие на сбор, хранение, систематизацию и распространение общедоступных персональных данных презюмируется. В иных обстоятельствах при отсутствии общедоступности персональных данных согласие их субъекта должно быть конкретным, информированным, сознательным и в любой подтверждающей его наличии форме.

3. При решении вопроса о виновности в совершении указанных деяний необходимо устанавливать, охватывалось ли умыслом лица, что персональные данные другого человека хранятся им в тайне. Следует иметь в виду, что установление обладателем персональных данных порядка обращения с ними (ограничение доступа, режим конфиденциальности с закрытым доступом) свидетельствует о желании контролировать и самостоятельно определять степень их открытости. Любое деяние, направленное на получение персональных данных, находящихся в режиме приватности, следует признавать совершенным против или помимо воли их владельца и квалифицировать как посягательство в отношении неприкосновенности чужих персональных данных.

Список источников

1. Пикуров Н. Проблемы квалификации преступных посягательств на частную жизнь: теория и судебная практика // Уголовное право. 2019. № 2.
2. Жарова А. К., Елин В. М. Источники понятий «персональные данные» и частная жизнь лица в российском праве // Вестник Академии права и управления. 2017. № 1(46).
3. Дремлюга Р. И. Компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ // Уголовное право. 2018. № 4.
4. Филатова М. А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. 2021. № 11.
5. Солдатова В. И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Lex Russica. 2020. № 2(159).
6. Рожкова М. А. «Общедоступная информация», «открытые данные» и «персональные данные, разрешенные субъектом для распространения» — что это такое и как они между собой связаны? // Закон. ру. 2021. 13 января. URL: <https://zakon.ru/blog/2021/1/13obsched>.

7. *Кучеренко А. В.* Правовое регулирование персональных данных в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.

8. *Павлюков В. В.* Правовая и практическая возможность объединения данных в информационно-поисковых системах МВД РФ с информацией из сети Интернет // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 3.

УДК 343.132

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-220-223

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проникновение в жилище для производства осмотра

Александр Михайлович Баранов

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ baranowam@list.ru

Екатерина Сергеевна Ткачёва

адъюнкт адъюнктуры¹, ✉ ektkacheva92@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена проблемным вопросам проникновения в жилище для производства следственного действия «осмотр». Рассматривается содержание категории «лица, проживающие в жилище». Исследуются ситуации получения согласия на проникновение от лиц, проживающих в жилище. Анализируется порядок проникновения в жилище по судебному решению и без такового.

Ключевые слова: осмотр жилища, проникновение в жилище, лица, проживающие в жилище, судебное решение на проникновение в жилище

Для цитирования: Баранов А. М., Ткачёва Е. С. Проникновение в жилище для производства осмотра // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 220–223.

Entering a Dwelling-House to Conduct a Search

Alexander M. Baranov

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the Chair of Criminal Procedure¹, ✉ baranowam@list.ru

Ekaterina S. Tkacheva

Postgraduate student¹, ✉ ektkacheva92@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article is devoted to the problematic issues of entering a dwelling-house to conduct an investigative action of «search». The content of the category «persons living in the dwelling-house» is under consideration. Situations of obtaining consent to entry from persons living in the dwelling-house are examined. Under analysis is the procedure for entering a dwelling-house with a court decision and without it.

Keywords: search of dwelling, entering a dwelling-house, persons living in the house, court decision on entering a house

Citation: Baranov A. M., Tkacheva E. S. Entering a Dwelling-House to Conduct a Search. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 220–223 (In Russ.).

Конституция Российской Федерации в ст. 25 установила неприкосновенность жилища и запрет на проникновение против воли проживающих в нем лиц. Это право может быть ограничено в порядке, установленном федеральным законом, или на основании судебного решения. В статье 12 УПК РФ продублировано данное право на неприкосновенность жилища в качестве принципа уголовного судопроизводства, конкретизировано, что осмотр жилища может быть проведен только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, а обыск и выемка — только на основании судебного решения.

За 1 полугодие 2022 г. судами общей юрисдикции рассмотрено 86 725 ходатайств о производстве

следственных действий в жилище (21 136 о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; 65 589 о производстве обыска и (или) выемки в жилище), из них удовлетворено 82 970 (95,6%), отказано в удовлетворении 2 073 ходатайств (2,4%)¹. Каждое четвертое проникновение в жилище на основании судебного решения осуществляется в целях производства осмотра. Несмотря на достаточно активное применение осмотра жилища правоприменитель сталкивается с различными трудностями.

Проблема первая и, пожалуй, основная. Закон не раскрывает, кого следует понимать под «лицами, проживающими в жилище». Вторая проблема. По закону необходимо согласие на осмотр жилища всех

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2022 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения: 12.02.2023).

проживающих в нем лиц. Как быть, если на момент производства осмотра некоторые из них отсутствуют? Третья проблема состоит в том, что непонятно, как действовать, если часть лиц, проживающих в жилище, дали согласие, а часть возражает против проникновения в жилище.

Осмотр жилища является одним из видов осмотра и проводится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 176 УК РФ)². По общему правилу, осмотр жилища производится после возбуждения уголовного дела, и его производство не требует вынесения следователем отдельного постановления. Постановление потребуется при производстве осмотра жилища в случаях, не терпящих отлагательства, при отсутствии согласия со стороны проживающих в нем лиц.

Жилище может быть местом происшествия³. В качестве места происшествия его следует рассматривать не только в тех случаях, когда в нем было совершено преступное деяние (жилой дом, в котором произошло убийство, из которого было похищено имущество), но и когда в нем было сокрыто похищенное имущество, орудие совершения преступления и т. п. [2, с. 59]. Осмотр места происшествия, являющегося жилищем, может быть произведен до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176 УПК РФ) при наличии сообщения о преступлении, предусмотренного уголовно-процессуальным законом и зарегистрированного в установленном порядке⁴. Но и в этом случае для производства осмотра жилища потребуется согласие проживающих в нем лиц либо судебное решение в соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ. Иной позиции придерживается профессор В. А. Семенцов. По его мнению, если жилище является местом происшествия, то его осмотр возможен без согласия проживающих в нем лиц и без получения судебного разрешения на его производство [3, с. 7–11]⁵.

Кого следует понимать под «проживающими в жилище лицами»? В юридической литературе нет единства определения этого понятия. По мнению С. Д. Долгинова, под таковыми понимаются совершеннолетние лица, постоянно или временно проживающие в подлежащем осмотру жилом помещении или владеющие им на правах частной собственности, независимо от факта их регистрации в этом жилище [4, с. 58–62]. Более широкого подхода придерживается В. М. Харзинова. По ее мнению, под «проживающими в жилище лицами» следует понимать постоянно или временно проживающих в нем собственников, нанимателей помещения по договору социального найма или по договору аренды, граждан, а также проживающих совместно с ними совершеннолетних членов их семей (супруга, детей, родителей и др.) и других родственников и иных лиц, вселенных в помещение в установленном законом порядке [5, с. 48–51]. На наш взгляд, вышеприведенные определения, при всей широте толкования категории «лица, проживающие в жилище», не охватывают всех ситуаций, которые могут возникнуть на практике.

Ключевым и определяющим является факт проживания лица в жилище, независимо от наличия регистрации в нем, владения жилищем на праве собственности, а также продолжительности проживания (постоянно или временно). Согласие на производство осмотра жилища следует получать от всех этих лиц⁶.

Перед началом осмотра жилища должностному лицу органа предварительного расследования необходимо: 1) установить, кто проживает здесь; 2) где находится на момент производства следственного действия; 3) выяснить отношение каждого проживающего и находящегося в жилище (за исключением несовершеннолетних и недееспособных лиц) к проведению следственного действия; 4) письменно зафиксировать согласие на производство осмотра всех проживающих и присутствующих в жилище лиц

² Например, для установления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ).

³ Под местом происшествия понимается участок местности, помещение (жилое и нежилое) или сооружение, на (в) котором обнаружены предметы и следы, указывающие на возможное совершение преступления, а также иные данные, имеющие значение для дела [1, с. 162].

⁴ *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2014 № 518-О. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Правоприменительная практика в исключительных случаях, признавая проведенный осмотр места происшествия допустимым доказательством, исходит из аналогичных аргументов (см., напр.: *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 25 октября 2018 г. № 50-АПУ18-13). Считаем такой подход неверным. Следственные действия, связанные с ограничением права на неприкосновенность жилища, могут осуществляться лишь с предоставлением гарантий, предусмотренных ст. 25 Конституции РФ.

⁶ Верховный Суд РФ с учетом положений ч. 5 ст. 177 УПК РФ указал, что на производство осмотра жилища требуется разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра (см.: пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»).

(о которых было известно на момент проведения следственного действия).

Необходимость получения согласия проживающих, но отсутствующих на момент осмотра в жилище лиц зависит от конкретной ситуации:

1) в жилище, подлежащем осмотру, проживает заявитель (потерпевший), т. е. лицо, заинтересованное в его проведении. В данном случае получения согласия только от него может быть достаточно, так как другие члены семьи, проживающие в жилище, скорее, не будут возражать против его производства. Анализ судебно-следственной практики показал, что в такой ситуации письменное согласие получается только от одного проживающего в жилище лица⁷;

2) в жилище, подлежащем осмотру, проживает лицо, причастное к совершенному преступлению. Здесь интересы органов предварительного расследования и лица, в жилище которого производится осмотр, вступают в противоречие, имеется вероятность, что заподозренное лицо или проживающие с ним лица могут высказать возражение на производство осмотра, поэтому получение согласия на его производство только от одного проживающего в жилище лица не является безусловным.

Когда жилище сдано в аренду, согласие на его осмотр следует получать от арендатора (арендаторов) проживающего в нем. Получение согласия собственника жилища не требуется, если он не проживает в жилище⁸.

Согласие на производство осмотра жилища должно распространяться на все помещение (все комнаты), если проживающие лица возражают против осмотра отдельных комнат, это означает, что согласие на осмотр жилища отсутствует.

Если выяснить позицию проживающего в жилище лица невозможно ввиду того, что его местонахождение не установлено, он скрывается от органов предварительного расследования, отсутствует связь с данным лицом (находится в командировке и т. п.), необходимо учитывать и ориентироваться на позицию находящихся на момент осмотра в помещении лиц и их интерес. Однако при наличии сведений, указывающих на то, что проживающее в жилище, но отсутствующее на момент его осмотра лицо, может возражать против этого, рекомендуем производить следственное действие по судебному решению (в порядке чч. 1–4 ст. 165 УПК РФ).

Предложенный порядок действий возможен только в идеальной ситуации, когда следователь заведомо планирует производство осмотра в жилище и у него есть достаточно времени для сбора данных о «лицах, проживающих в жилище» в самом широком толковании. И даже в такой ситуации следователь, исходя из широкого толкования конституционного запрета на проникновение в жилище, чтобы исключить возможность признания осмотра жилища и полученных доказательств недопустимыми, будет обращаться за судебным разрешением до начала производства следственного действия, а не после того как будет заявлен отказ на проникновение в жилище.

Иной порядок действий, когда проникновение в жилище необходимо при производстве осмотра места происшествия и при других случаях осмотра жилища в условиях, не терпящих отлагательства. В этой ситуации следователь должен проникать в жилище, для производства осмотра на основании и в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, для чего выносится постановление о производстве осмотра жилища в случае, не терпящем отлагательства. Аналогичный порядок необходимо использовать, если местонахождение и данные проживающих в жилище лиц не установлены. В юридической литературе высказана точка зрения, что осмотр жилища может быть произведен при отсутствии проживающих в нем лиц (без получения судебного решения), но с участием в осмотре местной администрации или той организации, в ведении которой находится жилое помещение (ЖЭУ, ДЭЗ, ТСЖ) [6]. Считаем, что согласие представителя местной администрации или работника жилищно-эксплуатационной организации при проникновении в жилище в отсутствие лиц, в нем проживающих, нельзя рассматривать как законный способ преодоления конституционного запрета на неприкосновенность жилища. Участие в осмотре жилища представителя местной администрации или работника жилищно-эксплуатационной организации может выступать гарантией законности порядка производства и результатов осмотра, но не как правовое средство преодоления запрета, установленного в ст. 25 Конституции РФ.

Изучение судебно-следственной практики показало, что согласие на производство осмотра жилища может быть зафиксировано: 1) в тексте протокола осмотра; 2) в виде отдельного заявления. Оба вари-

⁷ Здесь и далее будут приводиться примеры и результаты изучения более 100 уголовных дел, расследованных в ряде районных следственных отделов СУ МВД по Республике Бурятия, СУ УМВД России по Омской области. Изучение протоколов осмотра места происшествия показало, что, как правило, согласие на производство осмотра, получают от одного из проживающих в жилище лиц, находящихся в нем в момент его производства. Сведения о других проживающих в жилище лицах и их отношении к производству осмотра из текста протокола определить невозможно.

⁸ Такая практика признается допустимой. См., напр.: *Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 15 июля 2019 г. № 201-АПУ19-21.*

анта оформления согласия признаются допустимыми судебной практикой⁹.

При фиксации согласия на проникновение в жилище в протоколе осмотра рекомендуется делать запись на первом листе протокола. Согласно требованию ст. 166 УПК РФ протокол составляется лицом, производящим следственное действие. Правоприменитель при фиксации в протоколе согласия на проникновение в жилище считает, что запись, отражающая в протоколе осмотра согласие на проникновение, должна быть выполнена собственноручно лицом, дающим согласие. В изученных протоколах осмотра жилища используются следующие формулировки: «осмотр разрешаю», «с осмотром согласен».

Несмотря на то что суды по умолчанию допускают такую формулировку согласия, с точки зрения закона, она неверна. Закон требует от лиц, проживающих в жилище, согласия не на производство осмотра жилища, а на проникновение в него. Поэтому запись в протоколе осмотра жилища по своему содержанию должна отражать согласие именно на проникновение в жилище. Допустимы следующие формулировки: 1) «согласен на проникновение в жилище»; 2) «согласен с проникновением в жилище для его осмотра». Текст согласия должен быть заверен подписью и фамилией лица, давшего разрешение.

Согласие на проникновение в жилище и производство осмотра может быть составлено в виде отдельного заявления. Такое заявление составляется собственноручно лицом, выразившим свое согласие на проникновение в жилище и производство его осмотра, на имя должностного лица, производящего следственное действие. На практике имеют место случаи, когда такое заявление о согласии на проникновение в жилище адресованы на имя начальника полиции, руководителя следственного органа или прокурора. Такая практика не совсем соответствует закону. Конечно, из самого заявления вытекает, что

лицо, проживающее в жилище, дает согласие на проникновение и производство осмотра, но формально это согласие дано иному должностному лицу.

Заявление лица о согласии на проникновение в жилище может быть дано в произвольной форме. В то же время в содержании заявления должно быть указано: 1) что разрешение дано на проникновение в жилище, с указанием адреса жилища; 2) кем дано разрешение и на каком основании данное лицо проживает в этом жилище; 3) кому дано разрешение на проникновение в жилище.

В обязательном порядке в заявлении должны быть зафиксированы дата и время выдачи разрешения на проникновение в жилище. Указанное в заявлении время должно быть раньше времени начала осмотра жилища, указанного в протоколе.

Изучение правоприменительной практики получения согласия на проникновение в жилище выявило, что в ряде случаев лицо, давшее согласие на проникновение, в ходе производства осмотра меняло свое решение и заявляло о несогласии с проведением осмотра. В этой ситуации следователи поступали следующим образом: 1) отражали в протоколе осмотра жилища факт отказа от согласия на осмотр и продолжали следственное действие; 2) выносили постановление о производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства (в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

По смыслу ст. 25 Конституции РФ и ст. 12 УПК РФ, согласие на проникновение в жилище получают до начала производства в жилище процессуальной деятельности, и это согласие действует, пока не будет завершено производство следственного действия. Отказ от разрешения на проникновение и осмотр жилища, заявленный лицом, ранее давшим согласие в порядке, установленном законом, подлежит занесению в протокол следственного действия согласно ч. 6 ст. 166 УПК РФ, наряду с иными заявлениями и замечаниями.

Список источников

1. Шошин А. А. Некоторые проблемы определения понятия «место происшествия» // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2012. № 5.
2. Кальницкий В. В., Марфицин П. Г. Производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан : учеб. пособие. Омск, 2004.
3. Семенов В. А. О допустимости производства отдельных следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2010. № 12.
4. Долгинов С. Д. Осмотр жилища: уголовно-процессуальные аспекты // Вестник Пермского университета. 2009. № 3(5).
5. Харзинова В. М. Проблемы производства следственного осмотра // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 1(19).
6. Власенко Н., Иванов А. Осмотр жилища. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Апелляционное определение Приморского краевого суда от 22 июня 2015 г. по делу № 22-3523/15 ; Приговор Верховного суда Республики Бурятия от 27 апреля 2015 г. в отношении К. В., И. П. С., К. Л. ; Постановление Саратовского областного суда от 7 ноября 2013 г. по делу № 7-608/13.

УДК 342.9

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-224-230

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Административные правонарушения несовершеннолетних: причины и способы минимизации

Анна Львовна Боренштейн

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и трудового права¹,

✉ annalbor@yandex.ru

¹ Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Проблема предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних не теряет своей значимости. Проанализированы причины и условия их совершения, классифицированные в зависимости от сферы общественной жизни на социальные, экономические, психологические, нравственные и политико-правовые. Доказано, что ведущую роль в профилактике административных правонарушений несовершеннолетних играют семья и школа. Критически оценено современное состояние правового регулирования административной ответственности лиц, не достигших возраста совершеннолетия. Отмечается обоснованность систематизации норм, регламентирующих особенности привлечения несовершеннолетних к административной ответственности. Определена необходимость снижения минимальных возрастных границ привлечения к административной ответственности. Разработаны способы минимизации правонарушений в данной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, несовершеннолетний, предупреждение, административное правонарушение, семья, противоправное поведение, подростки

Для цитирования: Боренштейн А. Л. Административные правонарушения несовершеннолетних: причины и способы минимизации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 224–230.

Administrative Offenses committed by Juveniles: Causes and Ways to Minimize

Anna L. Borenstein

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the Chair of Administrative and Labour Law¹,

✉ annalbor@yandex.ru

¹ Southwest State University (Kursk, Russia)

The problem of preventing administrative offenses among juveniles is still important. The causes and conditions for their commission are analyzed and classified according to the sphere of public life into social, economic, psychological, moral, political and legal. It is proved that the main role in prevention of administrative offences among juveniles is played by the family and school. The current state of legal regulation of administrative liability of persons who have not attained legal adulthood is critically assessed. The validity of the systematization of the norms regulating the features of bringing minors to administrative responsibility is noted. The need to reduce the minimum age limits for bringing to administrative responsibility is determined, with ways as to minimize offenses in this area developed.

Keywords: administrative liability, juvenile, prevention, administrative offence, family, unlawful behavior, adolescents

Citation: Borenstein A. L. Administrative Offenses committed by Juveniles: Causes and Ways to Minimize. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 224–230 (In Russ.).

Одной из наименее социально защищенных категорий российского населения, которая испокон веков нуждается в особом внимании со стороны государства, выступают несовершеннолетние. На фоне провозглашения в Российской Федерации Десятилетия детства (2018–2027 гг.), а также в условиях постепенного построения основ ювенальной юстиции особую значимость приобретает рассмотрение вопроса об искоренении противоправного поведения несовершеннолетних, что является сегодня важнейшим направлением внутренней политики нашего государства. Динамика, структура, криминологиче-

ские показатели совершаемых подростками правонарушений находятся под пристальным вниманием теоретиков, практиков и представителей общественности, однако говорить о существовании в стране единой налаженной системы противодействия данным противоправным деяниям не представляется возможным.

Несмотря на количественное снижение в последние несколько лет числа несовершеннолетних, совершающих административные правонарушения, их доля остается стабильной и в среднем составляет 3,1% от общей массы нарушителей (табл. 1).

Таблица 1. Количество выявленных несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения¹

Год	2017	2018	2019	2020	2021
Число несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения	233941	221531	203197	203898	198900
Всего лиц, совершивших административные правонарушения	7364404	6225599	7018402	7033723	6512118
Доля несовершеннолетних от общего числа нарушителей	3,2%	3,6%	2,9%	2,9%	3,1%

Кроме того, в стране наблюдается устойчивая тенденция, связанная с ростом поставленных на учет в подразделения по делам несовершеннолетних подростков, а также их родителей и законных представителей: если в 2020 году данный учет пополнили 215 509 человек, то в 2021 г. — уже 219 532². Представленные статистические показатели свидетельствуют о необходимости качественного пересмотра основ современной российской политики в сфере противодействия правонарушениям, совершаемым несовершеннолетними. При этом оптимизация подобных мер не должна реализовываться по стандартному сценарию. При разработке основных мероприятий по искоренению и нейтрализации такого негативного явления, как правонарушения детей и подростков, следует исходить из характеристики причин и условий, способствующих их совершению.

Ключевым условием построения эффективной, системной и последовательной работы по устранению любой проблемы является тщательное исследование ее детерминант. Согласно основным философским представлениям возникновение любых объектов и систем, изменение их свойств во времени вызвано предшествующими состояниями [1, с. 53]. Соответственно, любое противоправное поведение несовершеннолетнего обусловлено конкретными причинами и условиями, без познания сущности которых невозможно говорить о результативной предупредительной деятельности.

В современной юридической доктрине существуют различные точки зрения на классификацию причин противоправного поведения несовершеннолетних. Ученые дифференцируют их в зависимости от юридической природы (объективные и субъективные) [2, с. 3], глубины (основные и неосновные) [3, с. 56], влияния социальных факторов (микросоциальные и макросоциальные) [4, с. 845] и т. д. Однако объективное, комплексное исследование причин и условий административных правонарушений, совершаемых исследуемой категорией населения, будет основано на иной, более репрезентативной классификации, построенной в зависимости от сферы общественной жизни.

1. *Социальные.* Не случайно одной из наиболее «популярных» причин противоправного поведения несовершеннолетних многие теоретики и практики называют условия их жизни и воспитания. Именно семья и близкое окружение оказывают безусловное воздействие на физическое, психическое, нравственное здоровье ребенка, на его психофизиологическую полноценность. Такая связь легко объяснима: та сфера, где подросток проводит большую часть времени, становится для него типичной, привычной моделью поведения, которой необходимо следовать. Соответственно, различные негативные факторы (развод, алкоголизм, наркомания и токсикомания родителей, их антиобщественный образ жизни, факты насилия, оскорбления и унижения в семье и т. д.) оказывают наибольшее негативное влияние на личность ребенка, накладывая отрицательный отпечаток на его сознание. Об аморальном поведении многих родителей свидетельствует и тот факт, что в РФ подавляющее большинство (около 70%) детских травм носят семейно-бытовой характер [5, с. 286].

Однако несовершеннолетние правонарушители — это не всегда представители неблагополучных семей. В последние годы в стране сформировалась тенденция увеличения числа подростков — субъектов административных правонарушений, воспитываемых в благоприятных семейных условиях. Основная причина их противоправной мотивации — чрезмерная любовь родителей. В таких семьях с раннего детства оправдываются все негативные поступки ребенка, в результате чего у последнего формируются чувства безнаказанности и вседозволенности. Важная негативная черта подобных моделей семей — перекладывание ответственности за любое совершенное деяние на плечи родителей. Практика знает немало получивших широкий общественный резонанс случаев, когда высокопоставленные должностные лица, известные артисты, представители крупного бизнес-сообщества помогали своим детям избегать мер юридической ответственности за совершенные ими противоправные деяния.

Данная группа семей отличается приоритетами, связанными с получением дохода. В частности,

¹ Количество выявленных несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36187> (дата обращения: 10.01.2022).

² Число состоявших на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел и поставленных на учет лиц в отчетном периоде всего, из них: несовершеннолетних; родителей или иных законных представителей. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36186> (дата обращения: 10.01.2022).

из-за постоянной занятости родителей, обусловленной стремлением к улучшению материального положения, дети, которым внимание уделяется «по остаточному принципу», фактически оказываются предоставленными сами себе, ведь их досуг никем не контролируется. Такие финансово обеспеченные подростки, не окруженные заботой родителей, часто нарушают административный закон.

В целях выяснения обстоятельств подобного поведения был проведен анализ дел об административных правонарушениях, находящихся в производстве Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в Центральном округе г. Курска. По результатам эмпирического исследования было выявлено, что подростки из финансово независимых семей совершали административные правонарушения по следующим причинам: желание самоутвердиться перед друзьями (34%), получение новых ощущений, адреналина (28%), скука (19%), стремление получить признание у лиц противоположного пола (в большей степени характерно для мальчиков — 10%), подстрекательство со стороны компании — 9%. Важно отметить, что согласно изученным материалам среди исследуемых высока доля несовершеннолетних, нарушивших административный закон под воздействием алкоголя и (или) наркотических веществ (более 46% лиц).

Таким образом, семья, неверно выполняющая возложенные на нее функции, выступает центральным, основным фактором формирования криминогенного поведения подростка. Наиболее полно типология таких «негативно окрашенных» семей описана доктором юридических наук, исследователем девиантного поведения детей и молодежи С. Л. Сибиряковым, который разработал четыре парадигмы, характеризующие отношения родителей и несовершеннолетних — будущих правонарушителей:

- парадигма игнорирования (равнодушное отношение родителей к ребенку);
- парадигма конфликта (взаимное непонимание между детьми и родителями, перетекающее в постоянные конфликты);
- парадигма девиантных проявлений (негативный пример родителей, употребляющих алкоголь и наркотики);
- парадигма разрушения семьи (развод родителей, смерть или тяжелая болезнь одного из них, приводящие к отторжению семейных ценностей) [6, с. 14].

Наряду с семьей к социальным причинам правонарушений несовершеннолетних можно отнести негативное влияние учебных учреждений (как правило, школы), а также ближайшего окружения подростка

(одноклассники, друзья и т. д.). Так, в современных образовательных учреждениях недостаточное внимание уделяется привитию морально-нравственных, патриотических, идеологических ценностей. При наличии многочисленных форм и видов учебной и внеурочной деятельности в стороне остаются такие важнейшие аспекты, как воспитательный, психологический, морально-правовой. К сожалению, в условиях современной реальности многие школы перестали выполнять воспитательную функцию и превратились в формальные институты передачи знаний. Об этом свидетельствует отсутствие достаточного стимулирования обучающихся к получению образования, низкий уровень профессионализма педагогов, неблагоприятные социальные условия (отсутствие в школах контроля за сквернословием, курением и т. д.). Сложившуюся ситуацию усугубляет отсутствие должной координации между руководством школ и родителями.

Также безусловное влияние на личность подростка оказывает «негативная» компания, которая навязывает стереотипы девиантного поведения. В свою очередь, несовершеннолетний, на подсознательном уровне желающий получить признание новых «друзей» и стать частью их коллектива, совершает административные правонарушения. Относительная легкость вовлечения подростков в объединения криминальной направленности во многом обусловлена традиционно присущим данному возрасту «групповым инстинктом».

2. *Экономические.* Центральное место в системе экономических факторов противоправного поведения несовершеннолетних занимает низкий уровень жизни российского населения. Речь идет о неудовлетворительном материальном положении многих семей, имеющих детей. По оценкам экспертов, к данной категории в настоящее время относится около 82% от общего числа всех бедных семей в России³.

Эта проблема носит глобальный и многоаспектный характер. Прежде всего недостаточный уровень финансового обеспечения семьи «подталкивает» подростка к совершению ряда административных правонарушений, таких как мелкое хищение, уничтожение или повреждение чужого имущества и т. д. Несовершеннолетний совершает их в корыстных целях (получить желаемое имущество, которое не могут позволить приобрести родители), а также по мотивам зависти или мести (нередко подростки, осознавая несправедливость социального неравенства, умышленно совершают порчу или уничтожение гаджетов, скутеров, мотоциклов и иных дорогостоящих вещей, принадлежащих их ровесникам).

³ В России более 82% всех бедных составляют семьи с детьми. URL: <https://ria.ru/20201019/semi-1580456514.html> (дата обращения: 15.01.2022).

В наиболее тяжелых ситуациях, когда финансовое положение семьи не позволяет удовлетворить базовые потребности, несовершеннолетние вынуждены самостоятельно добывать средства к существованию, что приводит к таким крайним формам материальной бедности, как попрошайничество и бродяжничество. По объективным причинам такие подростки вовлекаются в криминальный сектор (занятие проституцией, торговля алкогольной и табачной продукцией и т. д.).

Кроме того, семьи, находящиеся на грани бедности, не имеют материальных возможностей оплачивать детям кружки, секции, курсы, оздоровительные лагеря и санатории, дополнительные занятия, что приводит к наличию у подростков свободного времени, которое они проводят по своему усмотрению. Неорганизованность досуга становится одной из причин, по которой подростки оказываются втянутыми в совершение различного рода административных правонарушений.

Важнейшим экономическим условием, оказывающим косвенное влияние на противоправное поведение несовершеннолетних, выступает высокий уровень безработицы в стране. Так, отсутствие постоянной занятости в совокупности с низкой материальной обеспеченностью нередко приводит к злоупотреблению членами семьи алкоголем и одурманивающими веществами, к утрате семейных ценностей, а значит, рождает почву для роста правонарушений среди подростков.

3. Психологические. Подобная группа причин и условий имеет непосредственное отношение к возрастным особенностям подростков. Данная категория населения отличается набором психофизиологических качеств, обуславливающих их негативное девиантное поведение, которое часто перерастает в противоправное. Речь идет о бурном физическом развитии организма, которое нередко сопровождается чрезмерным выплеском энергии. Подобная повышенная, порой, неконтролируемая активность находит отражение в различных запрещенных законом формах: порча имущества, хулиганство, мелкое хищение и т. д.

Противоправное поведение несовершеннолетнего также обусловлено наличием ряда психологических свойств и качеств, среди которых: повышенная возбудимость и ранимость, нестабильность психики, частые перепады настроения, крайний индивидуализм, импульсивность и несдержанность, грубость, раздражительность, неустойчивость эмоционально-волевой сферы, демонстративность поведения, лживость, акцентуированность отдельных черт характера, пренебрежительное отношение к обществу и его ценностям, неоднозначное восприятие жизненных явлений, хвастливость, заносчивость и т. д.

К наиболее серьезным психологическим причинам административных правонарушений несовершеннолетних следует относить различные по своему характеру и уровню запущенности психические аномалии, т. е. отклонения, представляющие собой пограничные состояния, не исключающие вменяемости, а значит, не освобождающие от применения мер административной ответственности. Среди таких отклонений выделяют следующие: неврозы, расстройства сексуальной направленности, психопатии, алкоголизм и наркоманию, легкую степень дебильности и т. д. Указанные аномалии не относятся к категории тяжелых, неизлечимых и стойких заболеваний, имеют, как правило, приобретенный характер и являются следствием ранее рассмотренных неблагоприятных условий жизни и воспитания подростка.

4. Нравственные. Выделение данных причин в отдельную классификационную группу обусловлено незавершенностью не только физического, но и духовного становления личности несовершеннолетнего, а значит, свидетельствует о несформированности его мировоззрения, моральных принципов, идеалов и ценностей. Результат этого — асоциальное поведение, перетекающее в противоправное. Из-за отсутствия в сознании устойчивых положительных ориентаций подросток имеет искаженное представление о базовых нравственных ценностях, а также глубокие деформации в ценностно-мотивационной и эмоционально-волевой сферах и не чувствует границ дозволенного.

Негативным влиянием на формирование моральных ценностей несовершеннолетнего также обладает современная «четвертая власть» — средства массовой информации (далее — СМИ). Современные продукты киноиндустрии отличаются скрытой и явной пропагандой насилия, жестокости, алкоголизма, курения, половой распущенности, неуважения к правоохранительным органам, преступного обогащения за счет других лиц. Права в данном аспекте О. В. Ильина, убежденная в том, что СМИ и сеть Интернет несут угрозу формирования у несовершеннолетних ложных представлений о смысле жизни и главных ее ценностях, а их влияние подталкивает подростков к совершению противоправных деяний [7, с. 99]. Результат насаждения подобных стандартов поведения — антиобщественное поведение детей, которое карается не только моральными, но и правовыми нормами (потребление алкогольной продукции и наркотических средств в общественных местах, появление в общественных местах в состоянии опьянения, мелкое хулиганство, заведомо ложный вызов специализированных служб, занятие проституцией и т. д.).

5. Политико-правовые. Данная совокупность причин и условий вызвана несовершенством сло-

жившейся в стране системы управления, а также отдельными недостатками правового характера. На сегодняшний день активной критике ученых, практиков и представителей общественности подвергается эффективность работы уполномоченных органов в сфере противодействия административным правонарушениям несовершеннолетних (органы полиции, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства и т. д.). К основным проблемам их функционирования можно отнести:

- недостаточное ресурсное и кадровое обеспечение субъектов, снижающее результативность предупредительной работы;
- фактическое отсутствие общественных организаций и иных независимых институтов гражданского общества, осуществляющих профилактическую деятельность среди несовершеннолетних;
- игнорирование и формализм проводимых уполномоченными субъектами мероприятий по предупреждению административных правонарушений несовершеннолетних;
- незнание сотрудниками уполномоченных органов педагогических техник общения с подростками;
- неоказание своевременной социальной и психологической помощи семьям с «трудными» подростками и т. д.

При изучении затронутой группы проблем также целесообразно остановиться на рассмотрении вопроса о несовершенном правовом регулировании противодействия административным правонарушениям несовершеннолетних. В частности, при наличии множества нормативных правовых актов, регламентирующих данную сферу, в действующем Кодексе об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) отсутствует самостоятельный раздел, посвященный особенностям привлечения к административной ответственности лиц, не достигших возраста совершеннолетия (как это сделано в действующем Уголовном кодексе РФ или в административном законодательстве зарубежных стран, например, Республики Казахстан). Однако подробный анализ нормативных положений КоАП РФ позволяет выделить ряд специфических особенностей, характерных для несовершеннолетних субъектов административных правонарушений:

- ограниченный перечень возможных для применения мер принуждения;
- обязательное информирование родителей или законных представителей несовершеннолетнего о фактах задержания последнего за совершение административного правонарушения;
- возможность рассмотрения дела об административном правонарушении несовершеннолетнего в присутствии его законного представителя;

— право несовершеннолетнего на освобождение от административной ответственности с применением к нему мер воздействия и т. д.

Таким образом, при наличии четко установленной в рамках различных норм КоАП РФ специфики привлечения несовершеннолетних к административной ответственности и наказанию российский законодатель не упорядочил и не систематизировал данные нормы в рамках указанного нормативного акта, что, безусловно, создает трудности у правоприменителя и препятствует эффективной борьбе с административными правонарушениями, совершаемыми исследуемой категорией лиц.

Другой важнейший недостаток правового регулирования связан с установлением завышенных возрастных пределов привлечения несовершеннолетних к административной ответственности. На фоне тенденций ранней акселерации, а также растущей детской жестокости многими современными исследователями критикуется положение о минимально допустимых границах субъектов административных правонарушений, составляющих 16 лет [8; 9]. Подобная критика вполне обоснованна, так как опасность и противоправность отдельных, наиболее распространенных среди подростков административных правонарушений (связанных с незаконным оборотом наркотиков, нарушением общественного порядка и т. д.) осознается несовершеннолетними в гораздо более раннем возрасте. Так, совершение, к примеру, 15-летним подростком правонарушения не влечет мер административной ответственности, а значит, формирует в его сознании чувство безнаказанности и рождает почву для повторного нарушения административного закона.

Подводя промежуточный итог изложенному, следует отметить, что причины административных правонарушений несовершеннолетних представляют собой сложный комплекс социальных, экономических, психологических, нравственных, а также политико-правовых факторов. На основании их подробного анализа, а также с учетом специфических возрастных, психологических, физиологических, социальных и иных особенностей детей и подростков целесообразно определить основные направления минимизации административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

По аналогии с ранее использованной классификационной моделью причин и условий рациональным представляется разработать перспективы совершенствования в зависимости от конкретной сферы общественной жизни.

1. Социальные:

- повышение роли семьи в современном обществе, усиленная пропаганда семейно-брачных ценностей;

— налаживание практики реагирования со стороны несовершеннолетних на жестокое обращение родителей;

— проведение школьными педагогами индивидуальной профилактической работы с «проблемными» семьями;

— целенаправленная совместная работа классного руководителя, социального педагога и родителей «трудновоспитуемых» подростков, склонных к совершению противоправных действий;

— вовлечение несовершеннолетних в проводимые в образовательных учреждениях мероприятия патриотической, нравственной, просветительской направленности, помощь в организации внешкольного досуга;

— расширение круга специальных педагогических знаний среди родителей обучающихся (родительские собрания, беседы с психологами, сотрудниками полиции и т. д.);

— проведение с подростками бесед в области правового просвещения (разъяснение особенностей привлечения несовершеннолетних лиц к юридической ответственности).

2. Экономические:

— расширение сети бесплатных кружков, секций, курсов, доступных для подавляющего большинства семей несовершеннолетних;

— увеличение числа проводимых за счет средств федерального и региональных бюджетов семейных мероприятий (спортивные праздники, эстафеты, квесты, забавы, конкурсы, игры);

— усиление мер государственной финансовой поддержки семьям с детьми;

— активизация трудовой занятости несовершеннолетних, увеличение потенциально возможных мест их трудоустройства.

3. Психологические:

— разработка новых, инновационных способов и методов психологической работы с «трудными» подростками;

— повсеместная психологическая диагностика учащихся образовательных организаций и последующий поэтапный контроль их состояния в целях раннего диагностирования и коррекции выявленных негативных установок;

— оказание обязательной и своевременной психологической помощи детям из групп риска (сироты, дети из неполных семей, дети, подвергшиеся домашнему насилию, и т. д.);

— организация курсов повышения квалификации сотрудников уполномоченных ведомств (полиция, комиссии по делам несовершеннолетних) в части обучения технологиям общения с несовершеннолетними.

4. Нравственные:

— увеличение в рамках учебной нагрузки времени на проведение классных часов, а также бесед морально-этической направленности;

— пропаганда со стороны родителей нравственных норм, традиций, принципов и идеалов;

— приобщение несовершеннолетних к произведениям искусства (художественная литература, музыка, кинематограф и т. д.), имеющим духовно-нравственную подоплеку;

— установление цензуры в СМИ в части нейтрализации насилия, агрессии, жестокости, алкоголизма и наркомании, проституции.

5. Политико-правовые:

— усиление внимания вопросам ресурсного и кадрового обеспечения подразделений по делам несовершеннолетних, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов опеки и попечительства;

— распространение практики участия институтов гражданского общества в сфере защиты прав и свобод несовершеннолетних;

— налаживание планомерной, систематической и последовательной индивидуально-профилактической работы с неблагополучными семьями (с обязательным привлечением психологов);

— установление в КоАП РФ самостоятельной главы, регламентирующей особенности привлечения несовершеннолетних к административной ответственности (понятие «несовершеннолетних», виды и особенности назначения им административных наказаний и т. д.);

— снижение возраста привлечения к административной ответственности по отдельным составам административных правонарушений до 14 лет.

В заключение необходимо отметить следующее. Административные правонарушения несовершеннолетних — сложное социальное и правовое явление, обусловленное целой совокупностью взаимосвязанных причин и условий, которые классифицируются в зависимости от сферы общественной жизни на социальные, экономические, психологические, нравственные и политико-правовые. Наибольшую роль в вопросах минимизации административных правонарушений несовершеннолетних играют первичные агенты социализации: семья и школа. Разработанные по результатам исследования механизмы, конечная цель которых — минимизация и нейтрализация административных правонарушений несовершеннолетних, способны дать наибольший социальный эффект при их грамотном, комплексном претворении в жизнь. Только посредством объединения усилий заинтересованных субъектов можно решить важнейшую задачу, связанную с искоренением правонарушений, совершаемых представителями подрастающего поколения.

Список источников

1. *Корма В. Д.* Теория причинности как система понятий // Norwegian journal of development of the international science. 2018. № 17-5.
2. *Дворецкий М. Ю., Авдеев Р. В.* Причины и условия преступности // Вестник ТГУ. 2014. № 12(140).
3. *Редькин С. Ю.* Классификация причин (условий) преступности // Вестник магистратуры. 2020. № 2-3(101).
4. *Камбиева М.* Факторы, влияющие на формирование противоправного поведения подростков // Молодой ученый. 2014. № 4(63).
5. *Ситникова С. А.* Профилактика и предупреждение правонарушений, совершаемых трудными подростками // Педагогическое мастерство : мат-лы IV междунар. науч. конф. М., 2014.
6. *Сибиряков С. Л.* Преступность несовершеннолетних: особенности личности как субъекта преступления. М., 2012.
7. *Ильина О. В.* Причины совершения несовершеннолетними правонарушений // Наука. Общество. Государство. 2020. № 1(29).
8. *Шкатулов К. О.* К вопросу о снижении возрастного порога для привлечения к административной ответственности // Молодой ученый. 2020. № 21(311).
9. *Ильгова Е. В., Сметанникова А. И.* К вопросу о снижении возраста административной ответственности // Вестник СГЮА. 2018. № 5(124).

УДК 342.9:343.102

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-231-235

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Административная ответственность сотрудников оперативных подразделений за невыполнение требований прокурора

Виктор Федорович Луговик

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел¹,
ведущий научный сотрудник²,

✉ vlug@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

² ФКУ НИИ ФСИН России (Москва, Россия)

Рассматриваются проблемные вопросы административной ответственности сотрудников оперативных подразделений полиции за умышленное невыполнение требований прокурора. Статья основана на результатах изучения оперативно-розыскной и судебной практики, актов прокурорского реагирования, интервьюирования сотрудников оперативных подразделений и авторском опыте подготовки правовых позиций в рамках судебного производства по административным делам.

Ключевые слова: прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность, оперативные подразделения, административная ответственность, невыполнение требований прокурора

Для цитирования: Луговик В. Ф. Административная ответственность сотрудников оперативных подразделений за невыполнение требований прокурора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 231–235.

Administrative Liability of Operational Units' Officers for Non-Compliance with the Requirements of the Prosecutor

Viktor F. Lugovik

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the Chair of Operational Crime Detection in Law Enforcement Agencies¹, leading researcher²,

✉ vlug@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

² the Scientific Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service (Moscow, Russia)

Under consideration are the problematic issues of administrative liability of operational police units' officers for deliberate failure to comply with the requirements of the prosecutor. The article is based on the results of studying the operational detection and judicial practice, acts of prosecutor's response, interviewing officers of operational units and the author's experience in preparing legal positions in the framework of judicial proceedings on administrative cases.

Keywords: prosecutor's supervision, operational crime detection, operational units, administrative liability, non-compliance with the requirements of the prosecutor

Citation: Lugovik V. F. Administrative Liability of Operational Units' Officers for Non-Compliance with the Requirements of the Prosecutor. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 231–235 (In Russ.).

Прокурорский надзор за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) является специальным направлением надзорной деятельности и осуществляется специально уполномоченными

прокурорами. Согласно нормативным правовым актам надзор за исполнением органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), требований Закона об ОРД возлагается на Генерального прокурора Российской Федерации

и уполномоченных им прокуроров, которыми являются прокуроры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним военные и другие специализированные прокуроры, прокуроры городов, округов и районов, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуроры, а также выделенные для этой цели приказами прокуроров субъектов Российской Федерации уполномоченные прокуроры, а в Генеральной прокуратуре Российской Федерации — заместители Генерального прокурора Российской Федерации, Главный военный прокурор и его заместители, начальники главных управлений, управлений и отделов и их заместители (старшие помощники и помощники), старшие прокуроры и прокуроры управлений (отделов) в соответствии с их функциональными обязанностями¹.

Выявленные нарушения закона отражаются в представлениях, протестах, требованиях, постановлениях. Акты прокурорского реагирования универсальны для всех отраслей надзора, взаимосвязаны и дополняют друг друга. Применительно к предмету обсуждения это проявляется в том, что во всех актах излагаются прокурорские требования, подлежащие в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) безусловному исполнению в установленный срок.

Последние годы характеризуются наращиванием органами прокуратуры количества императивных предписаний к оперативным подразделениям органов внутренних дел и увеличением репрессивного давления в целях побуждения к их выполнению. Средства такого давления самые разные и не всегда легитимные: неоднократность направления требований, неинституциональное воздействие на руководителей органов внутренних дел, неформальный нажим, увязывание исполнения требований с подписанием прокурором статистических карточек на раскрытые преступления (формы 1.1), отказ по надуманным причинам от утверждения обвинительных заключений и др. Особое место в перечне мер воздействия принадлежит использованию прокурором административно-правового потенциала, позволяющего возбуждать в отношении сотрудников органов внутренних дел административного производства по ст. 17.7 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом,

а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. Схема действий прокурорских работников достаточно проста: в акте прокурорского реагирования излагается требование, указывается срок его исполнения, а если оно не выполнено либо выполнено с несоблюдением установленного срока, то прокурор возбуждает дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП РФ, и в соответствии со ст. 23.1 КоАП РФ направляет материалы мировому судье.

Казалось бы, имеется полная правовая определенность, однако этого не наблюдается в правоприменении. Как показывает анализ судебной и оперативно-розыскной практики, требования прокуроров не всегда являются законными и обоснованными, соответственно, имеет место незаконность выносимых прокурорами постановлений о привлечении сотрудников оперативных подразделений и руководителей органов внутренних дел к административной ответственности за умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом. Таким образом, прокурор не всегда прав, а следовательно, сотрудники оперативных подразделений и руководители органов внутренних дел при несогласии с прокурором имеют право не исполнять незаконные требования, а также обжаловать постановления прокурора и судебные решения о привлечении их к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ.

Прокуратура всегда активно отстаивала свои властные полномочия. Показательно в этом отношении Указание Генпрокурора России от 1 декабря 1997 г., в котором отмечалось, что продолжается практика «уговаривания» прекратить нарушения закона, а в актах прокурорского реагирования прокурор формулирует свое предложение не в форме требования, а в виде просьбы, что сразу же создает у должностных лиц, в чей адрес они направлены, мнение о необязательности исполнения. Далее выражалось недовольство относительно бытующего в средствах массовой информации мнения, что требования прокурора, в отличие от судебных решений, не подлежат обязательному исполнению. Все это, по мнению Генпрокуратуры, снижает возможности прокурорских работников в укреплении правопорядка в стране и требует принятия неотложных эффективных мер².

¹ О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: указание Генпрокуратуры РФ № 215/69, МВД РФ № 1/7818 от 29 сентября 2008 г. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об усилении воздействия на должностных лиц, не выполняющих законные требования прокуроров: указание Генпрокуратуры РФ от 1 декабря 1997 г. № 72/7 (утратило силу в связи с изданием приказа Генпрокуратуры РФ от 28.05.2004 г. № 16).

Настойчивость прокуратуры проявилась и в сфере уголовно-правового правоприменения. Проиллюстрируем это на показательном примере дискуссии прокурорских работников с представителями Следственного комитета Российской Федерации, когда на идею Председателя Следственного комитета А. И. Бастрыкина о предоставлении следователям права обжаловать незаконные решения прокуроров бывший Генпрокурор России Ю. Я. Чайка, выступая с докладом в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в апреле 2011 г., заявил, что он категорический противник **всякого** (выделено нами. — В. Л.) обжалования действий прокуроров, так как «задача следователей — расследовать уголовные дела, а не обжаловать действия прокурора»³. Контекстом в таком возращении звучит: прокурор в своих требованиях непогрешим, его правота сомнению не подлежит. Дискуссии предшествовала активизация репрессивной активности прокуратуры в отношении следователей.

Именно в этот период прокурорами стали выноситься постановления о привлечении следователей к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за умышленное невыполнение их требований по уголовным делам. И в это время появилась правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, который признал незаконным привлечение к административной ответственности следователя, не выполнившего указание прокурора по уголовному делу. В судебном решении была представлена следующая аргументация. В силу ст. ст. 1, 30 Закона о прокуратуре надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД и предварительное следствие, представляет собой самостоятельный вид прокурорского надзора, а полномочия прокурора при осуществлении данного надзора устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами, регулирующими соответствующие виды деятельности. Именно поэтому взаимоотношения между следователем и прокурором при осуществлении такого надзора регулируются не положениями КоАП РФ, а специально предусмотренными нормами законодательства Российской Федерации. Исходя из этого следователь, расследующий уголовное дело и не выполнивший указаний прокурора по данному делу, не может быть привлечен к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ⁴.

Видимо, юридической силы судебного решения Верховного Суда Российской Федерации, который в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации вправе давать судам разъяснения по вопросам судебной практики⁵, для правоприменителя было недостаточно и в 2014 г. законодатель внес изменения в статью 17.7, дополнив ее примечанием следующего содержания: «Положения настоящей статьи не распространяются на урегулированные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации отношения, связанные с осуществлением прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия»⁶.

Представляется, что такой подход следовало бы распространить и на урегулированные оперативно-розыскным законодательством отношения, связанные с осуществлением прокурором надзора за ОРД, так как в ст. 30 Закона о прокуратуре сказано, что полномочия прокурора при производстве надзора органами, осуществляющими ОРД, устанавливаются федеральными законами, регулирующими соответствующие виды деятельности. Думается, что это соответствовало бы логике единства уголовно-процессуального и оперативно-розыскного правоприменения в уголовно-правовой сфере, ведь ОРД — это, по сути, негласное расследование преступлений. Именно поэтому определение потребного объема оперативно-розыскных мер и направления ОРД не входит в задачи надзорной деятельности. При таком взгляде, по нашему мнению, не могут быть признаны соответствующими духу права постановления прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении по ст. 17.7 КоАП РФ в отношении сотрудников оперативных подразделений, отказавшихся выполнять его требования, например, о проведении или не проведении оперативно-розыскных мероприятий, внесении изменений в планы по делам оперативного учета, выдвигении и отработке версий и др.

Рассмотрим типичные ситуации и практику привлечения сотрудников оперативно-розыскных органов к административной ответственности за умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных законодательством.

Ситуация 1. Прокурор вынес постановление о привлечении руководителя органа внутренних

³ Чайка категорически против идеи Бастрыкина об обжаловании следователями решений прокуроров. URL: <https://pravo.ru/news/view/53087> (дата обращения: 24.01.2023).

⁴ Постановление Верховного Суда РФ от 26 октября 2005 г. № 25-АД05-4.

⁵ О судебной системе Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ст. 19).

⁶ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» : федеральный закон от 22 декабря 2014 г. № 439-ФЗ.

дел по ст. 17.7 КоАП РФ к административной ответственности за неисполнение требования о дисциплинарном наказании сотрудника, который, по мнению прокурора, допустил какие-либо нарушения.

Требования о дисциплинарном наказании сотрудников оперативных подразделений содержатся в большинстве прокурорских представлений об устранении нарушений закона. Представляется, что главным побудительным мотивом, стимулирующим прокуроров добиваться дисциплинарного наказания сотрудников оперативных подразделений и привлечения руководителей органов внутренних дел за невыполнение данного требования к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ, выступает не только следование репрессивным традициям, но и формирование соответствующих цифровых показателей эффективности деятельности. И это происходит несмотря на то что прокурорам известно о незаконности таких требований, более того, на это обращено внимание в соответствующих методических материалах, подготовленных для работников прокуратуры⁷.

Верховный Суд Российской Федерации уже давно сформулировал позицию по данному вопросу и многократно обращал внимание, что требование прокурора не может быть основанием дисциплинарной ответственности как сотрудника органов внутренних дел, так и иных работников. Применение мер дисциплинарного воздействия является правом, а не обязанностью работодателя и производится исключительно в установленном законом порядке⁸. В частности, Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание, что дисциплинарные взыскания на сотрудника органов внутренних дел налагаются прямыми руководителями в пределах предоставленных им прав. Поэтому невыполнение руководителем органа внутренних дел требования прокурора о наказании сотрудника полиции не является основанием привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.7 Ко-

декса Российской Федерации об административных правонарушениях⁹. Такой подход полностью согласуется с положениями Трудового кодекса Российской Федерации и Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁰, регламентирующих вопросы наказания и поощрения сотрудников органов внутренних дел.

Ситуация 2. Прокурор вынес постановление о привлечении сотрудника органа внутренних дел к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за неисполнение его требований о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Специфика разрешения ситуации определяется содержанием требований прокурора и здесь важно уяснить их законность и обоснованность. Например, распространенной прокурорской практикой стало давать указания дополнить план по делу оперативного учета, отработать версии, провести какие-либо дополнительные оперативно-розыскные мероприятия и т. п. Между тем это выступает безусловными элементами организации и тактики ОРД, что не входит в предмет прокурорского надзора¹¹. Изученные нами представления показывают, что прокуроры достаточно формально подходят к формулированию своих требований в этой части: опираясь на положения ст. 6 Закона об ОРД, определяющей перечень оперативно-розыскных мероприятий, в представлении просто перечисляют несколько из них и требуют их выполнения. При рассмотрении административного дела в суде или обжаловании действий прокурора необходимо учитывать, что прокурор с 24 июля 2007 г. лишен права давать указания о проведении оперативно-розыскных мероприятий¹², в какой бы форме они ни выражались: требования, предписания, просьбы и др. Соответственно, его требования в этой части необоснованны, а административное производство возбуждено без достаточных оснований.

Ситуация 3. Прокурор вынес постановление о привлечении сотрудника органа внутренних дел

⁷ *Привлечение к административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора : методические рекомендации / А. В. Мелехин [и др.]. М., 2015.*

⁸ *Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 2 августа 2019 г. № 57-АД19-40 ; Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 30 октября 2017 г. № 30-АД17-2 ; Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 85-АД17-5.*

⁹ *Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2016 г. № 47-АД16-1.*

¹⁰ *О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.*

¹¹ *О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : указание Генпрокуратуры РФ № 215/69, МВД РФ № 1/7818 от 29 сентября 2008 г.*

¹² *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“» : федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ.*

к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП России за нарушение сроков реагирования на его требование (протест, представление).

Это касается вопросов, которые, скорее, можно отнести к категории процедурных, поэтому сотрудники органов внутренних дел считают их второстепенными и допускают нарушение сроков направления ответов прокурору. Нужно иметь в виду, что даже несогласие с требованием прокурора не оправдывает непредставления ему ответа, который, безусловно, необходимо направлять в установленный Законом о прокуратуре срок (ст. ст. 6, 21, 23, 24). Отправным посылом здесь выступает то, что несвоевременный ответ прокурору может служить основанием привлечения должностного лица органа внутренних дел к административной ответственности¹³.

Субъективную сторону данного правонарушения характеризует умысел. В решении Верховного Суда Российской Федерации отмечается, что привлечение к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ возможно лишь в том случае, если невыполнение требования прокурора носит умышленный характер, т. е. имеет место вина субъекта административного деликта в форме умысла¹⁴. Умысел в данном случае заключается в сознательном неисполнении или игнорировании сроков исполнения законного требования прокурора. Но если должностному лицу органа внутренних дел не было известно о требовании прокурора (отпуск, командировка и др.) либо его реализация требовала дополнительного времени, то неисполнение срока не может быть вменено в вину. Причем если отведенного времени недостаточно, то об этом необходимо письменно уведомить прокурора и согласовать окончательные сроки осуществления требуемых мер.

Ситуация 4. Прокурор вынес постановление о привлечении сотрудника органа внутренних дел к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за неисполнение его требований, содержащихся в протесте или представлении.

Ни протест, ни представление прокурора не обладают абсолютной и неоспоримой силой. Правовая

позиция Верховного Суда Российской Федерации заключается в том, что законодатель не возлагает на лицо, принявшее опротестовываемый прокурором акт, обязанности по отмене или изменению этого акта. Данному лицу в силу требований ч. 2 ст. 23 Закона о прокуратуре необходимо рассмотреть поступивший протест в десятидневный срок и сообщить о результатах рассмотрения прокурору в письменной форме¹⁵. Таким образом, закон обязывает не исполнить, а рассмотреть протест не позднее чем в десятидневный срок с момента его поступления, представление же — в течение месяца (ст. 24). Судебная практика идет по пути признания протеста актом рекомендательного характера, а должностное лицо, которому адресован протест, обязано сообщить прокурору в письменной форме о согласии или несогласии с содержанием протеста¹⁶. Не отличается в этой части и порядок реагирования на представление прокурора. В то же время при отрицательном ответе прокурор вправе возбудить административное производство по ст. 17.7 КоАП РФ¹⁷. В этом случае он обязан в суде доказать законность и обоснованность своих требований.

Подводя итог изложенному, можно заключить:

1. Объективную сторону правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ, составляет невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, закрепленных в Законе о прокуратуре и Законе об ОРД.

2. Требования прокурора и судебные решения о привлечении руководителей и сотрудников органов внутренних дел к административной ответственности за умышленное невыполнение его требований могут быть обжалованы.

3. Требование прокурора о привлечении сотрудников оперативных подразделений полиции к дисциплинарной ответственности не подлежит обязательному исполнению, так как противоречит закону и ограничивает самостоятельность руководителей органов внутренних дел.

4. Сотрудники оперативных подразделений полиции должны выполнять законные требования прокурора и соблюдать сроки рассмотрения и направления ответов на представления и протесты.

¹³ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2009 года: утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 5.

¹⁴ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. № 45-АД12-1.

¹⁵ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 59-АД11-1.

¹⁶ Определение Следственного Комитета по административным делам Приморского краевого суда от 14 марта 2013 г. по делу № 33-2126.

¹⁷ Постановление Нижегородского областного суда от 1 июня 2017 г. по делу № 4а-836/2017; Решение Свердловского областного суда от 20 декабря 2016 г. по делу № 71-666/2016; Решение Хабаровского краевого суда от 30 августа 2017 г. по делу № 12-473/2017.

УДК 343.132

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-236-240

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Стадия возбуждения уголовного дела: необходимо реформирование

Олег Евгеньевич Головкин

кандидат юридических наук, ведущий эксперт отдела уголовно-процессуального законодательства
и информационного права Уголовно-правового управления¹, ✉ ogolovkin4@mvd.ru

Екатерина Сергеевна Крамская

кандидат юридических наук, ведущий юрист (Москва, Россия), ✉ ekrsn@mail.ru

¹ Договорно-правовой департамент МВД России (Москва, Россия)

В статье поднимаются назревшие проблемы, связанные с недостатками начального этапа уголовного судопроизводства, которые рассматриваются в условиях существующей потребности оптимизации предварительного расследования, сокращения его сроков при одновременном повышении качества процессуальной деятельности в целом. Авторами выработаны конкретные пути решения обозначенных проблем, отрицательно влияющих на достижение назначения уголовного судопроизводства. Предлагается перевод проверки сообщения о преступлении в правовое поле предварительного расследования, что позволит разрешить вопрос отсутствия процессуального статуса участников стадии возбуждения уголовного дела, в частности, заявителя. С указанного момента в полном объеме будут функционировать институты обжалования и заявления ходатайств. Особенности производства следственных действий обеспечат соблюдение прав личности, а также повысят эффективность процессуальной деятельности на начальном этапе досудебного производства. При этом сохраняются гарантируемые Конституцией Российской Федерации права неприкосновенности личности, собственности, охраняемых федеральным законом тайн. Указанные предложения подкреплены результатами анализа статистических данных, судебной практики.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное уголовное судопроизводство, возбуждение уголовного дела, проверка сообщения о преступлении

Для цитирования: Головкин О. Е., Крамская Е. С. Стадия возбуждения уголовного дела: необходимо реформирование // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 236–240.

The Stage of Initiating a Criminal Case: Reform is Urgent

Oleg E. Golovkin

Candidate of Science (in Law), Leading Expert of the Department of Criminal Procedural Law and Information Law
of the Directorate of Criminal Law¹, ✉ ogolovkin4@mvd.ru

Ekaterina S. Kramskaya

Candidate of Science (in Law), Leading Lawyer, (Moscow, Russia), ✉ ekrsn@mail.ru

¹ Contract and Legal Department of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The article raises urgent problems related to the shortcomings of the initial stage of criminal proceedings, which are considered in the context of the current need to optimize the preliminary investigation and reduce its time while improving the quality of procedural activity in general. The authors have developed specific ways to solve the identified problems that negatively affect the achievement of the purpose of criminal proceedings. It is proposed to transfer the verification of a crime report into the legal field of a preliminary investigation, which will resolve the issue of lack of procedural status of the participants at the stage of initiating a criminal case, in particular, the plaintiff. From this moment, the institutes of appeal and filing petitions will function in full force. Features of carrying out investigative actions will ensure the observance of individual rights, as well as increase the efficiency of procedural activities at the initial stage of pre-trial proceedings. At the same time, the rights of inviolability of the person, property, secrets protected by the federal law, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, will be preserved. These proposals are supported by the results of the analysis of statistical data and judicial practice.

Keywords: criminal trial, pre-trial criminal proceedings, initiation of a criminal case, verification of a crime report

Citation: Golovkin O. E., Kramskaya E. S. The Stage of Initiating a Criminal Case: Reform is Urgent. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 236–240 (In Russ.).

Статьей 2 Конституции Российской Федерации защита прав и свобод человека названа обязанностью государства, при этом защита потерпевших от преступлений является назначением уголовного судопроизводства.

Одновременно сама сфера уголовного судопроизводства, включая ее начальный этап, является очень «чувствительной» для граждан с учетом потенциальной возможности вторжения в их личную жизнь, нарушения их имущественных прав, а также права на свободу и честное имя.

В связи с этим в каждом случае обнаружения признаков преступления должны приниматься меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Таким образом, возбуждение уголовного дела должно быть незамедлительным после установления признаков преступления, чтобы в возможно короткие сроки выяснить обстоятельства, достаточные для направления уголовного дела в суд либо его прекращения.

Однако положения, содержащиеся в УПК РФ, на наш взгляд, препятствуют этому. Правовое регулирование деятельности на этапе проверки сообщения о преступлении подвергается постоянной критике многими учеными-процессуалистами [1, с. 11–15; 2, с. 33–35].

Ранее предпринятые законодателем усилия по повышению эффективности процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела (расширение перечня допустимых к производству процессуальных действий, новые поводы для возбуждения уголовного дела и особый порядок их рассмотрения, обеспечение права на защиту лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении) должных результатов не дали.

Напротив, развитие процессуальной формы проверки сообщения о преступлении привело к неоправданному увеличению ее сроков и повышению требований к объему данных, достаточных для возбуждения уголовного дела, что вызывает следующие проблемы:

- затрудняется доступ потерпевших к правосудию [3, с. 494];
- нарушается принцип разумного срока уголовного судопроизводства;
- несвоевременно обеспечивается право на защиту лицам, подозреваемым в совершении преступлений (основания возникновения статуса лица, в отношении которого проверяется сообщение о преступлении, УПК не установлены; право на защиту обеспечивается путем предоставления возможности пользоваться услугами адвоката, оплата труда которого до возбуждения уголовного дела не предусмотрена);

- лица, с участием которых проводятся процессуальные действия в ходе проверки сообщения о преступлении, не имеют определенного процессуального статуса;

- снижается результативность раскрытия преступлений, поскольку большинство следственных действий и отдельные оперативно-розыскные мероприятия допустимы лишь в рамках расследования уголовного дела;

- необоснованно увеличивается нагрузка на органы дознания, в том числе подразделения, правомочные осуществлять оперативно-розыскную деятельность, а также органы предварительного расследования, что затрудняет реализацию поставленных перед ними задач (после возбуждения уголовного дела сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, повторно собираются путем производства следственных действий; неоднократно отменяются решения об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе в случаях, когда установлено отсутствие признаков преступления; постановления о возбуждении уголовного дела признаются незаконными и необоснованными в случаях, когда установлены не все признаки состава преступления, что не требуется УПК);

- формируется негативное общественное мнение о работе правоохранительных органов;

- нерационально расходуются средства федерального бюджета.

Однако мнение о наличии указанных проблем разделяют не все ученые. Спорной представляется точка зрения со ссылкой на ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ, что УПК не обязывает (исключает в ряде случаев необходимость) дублировать процессуальные действия, произведенные на стадии проверки сообщения о преступлении [1, с. 13; 2, с. 33–35]. При этом процессуалистами не подвергается анализу второе предложение указанной части ст. 144 УПК РФ, из которой следует прямая обязанность следователя (дознавателя) удовлетворять ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы после возбуждения уголовного дела, если указанное процессуальное действие было произведено до вынесения данного решения.

Стадия возбуждения уголовного дела в последнее время утратила какие-либо значимые различия со стадией предварительного расследования как по перечню допустимых для производства процессуальных действий, так и по срокам. В итоге проверка сообщения о преступлении стала, по сути, дублировать производство предварительного расследования, на что обращается внимание многими авторами [4, с. 7–10; 5, с. 197].

В органы внутренних дел Российской Федерации в 2022 г. поступило 11 937 538 (в 2021 г. —

11 625 063) сообщений о преступлениях. При этом только по 13,5%, или 1 615 309 (в 2021 г. — по 14,3%, или 1 669 580) из них возбуждены уголовные дела, а по 49,9%, или 5 963 959 (в 2021 г. — по 56,6%, или 5 694 244) отказано в возбуждении уголовного дела. При этом 99% решений об отказе в возбуждении уголовного дела в указанные периоды были приняты в связи с отсутствием события или состава преступления в деянии (пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Таким образом, значительные силы и средства правоохранительных органов затрачиваются на проверку информации о событиях, которые не являются преступлениями, возникают материальные и процессуальные затраты на уголовное судопроизводство в целом, сокращение и оптимизация которых является одним из современных трендов процессуально-права [6, с. 89–94].

Действующая редакция УПК РФ препятствует своевременному началу расследования, поскольку благоприятствует формированию практики возбуждения уголовных дел по очевидным преступлениям и только при высокой вероятности их направления в суд. Этому способствует уже то, что на начальном этапе уголовного преследования, с его усеченными сроками и перечнем следственных действий, в постановлении о возбуждении уголовного дела необходимо указывать конкретную квалификацию деяния, обстоятельства совершенного преступления, которые затем фактически переносятся в содержание обвинительного приговора (ст. 140, ч. 2 ст. 146, ст. 307 и ч. 1 ст. 138 УПК РФ). Осуществляя проверку так называемых «неочевидных» сообщений о преступлениях, правоприменители всегда учитывают негативные последствия реабилитации лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию (ст. ст. 135 и 136 УПК РФ), а потому, как правило, проводят ее в максимальные сроки. Так, в 2022 г. по 44,1%, или 5 272 681 (2021 г. — 43,7%, или 5 091 182) сообщений о преступлениях решения были приняты в срок свыше 3 суток.

Кроме того, согласно УПК РФ отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела возможна даже при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела. И напротив, постановление о возбуждении уголовного дела может быть отменено при отсутствии оснований для отказа в возбуждении уголовного дела [7, с. 32–35; 8, с. 30–33; 9, с. 31–33]. Это порождает неоднократные дополнительные проверки сообщений о преступлении при наличии данных, достаточных для окончательного решения вопроса о начале расследования. Так, в 2022 г. отменено 966 941 (в 2021 г. — 1 018 864) постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, при этом только 17,7%, или 171 164 (в 2021 г. — 16,8 %, или 172 037) из общего числа постановлений об отказе в возбужде-

нии уголовного дела отменены с последующим возбуждением уголовного дела.

Указанная практика, формируемая на основе действующей редакции глав 19 и 20 УПК РФ, противоречит правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой затягивание решения вопроса о возбуждении уголовного дела ведет к ограничению доступа потерпевших к правосудию. Неоднократное изменение позиции правоохранительных органов относительно оснований возбуждения уголовного дела признано одним из условий для обращения граждан с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

В целях обеспечения своевременной реализации потерпевшими права на доступ к правосудию, соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства, оптимизации процессуальной деятельности на первоначальном этапе уголовного судопроизводства требуется реформирование стадии возбуждения уголовного дела через создание условий для незамедлительного возбуждения уголовного дела после поступления сообщения о преступлении.

Производство по уголовному делу должно начинаться с момента приема сообщения о преступлении, т. е. при наличии любых признаков преступления. Вместе с тем отсутствие признаков преступления должно обуславливать прекращение проверки сообщения о преступлении, законность и обоснованность которой будет отнесена к предмету как ведомственного процессуального контроля, так и прокурорского надзора.

В настоящее время для начала производства процессуальных действий в ходе проверки сообщения о преступлении не требуется принятия процессуального решения. Применительно к началу производства по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления, следует использовать аналогичный подход. При этом задачи проверки сообщения о преступлении необходимо решать в ходе производства предварительного расследования, в результате которого уголовное дело может быть направлено в суд либо прекращено.

Таким образом, производимая сейчас предварительная проверка сообщения о преступлении фактически будет поглощена производством по уголовному делу, что исключит необоснованное дублирование процессуальных действий после возбуждения уголовного дела и увеличение общего количества досудебных производств.

Предлагаемый порядок не повлечет нарушения прав личности, поскольку само по себе возбуждение уголовного дела по факту преступления не будет основанием для начала уголовного преследования конкретного лица. При этом по отдельным катего-

риям уголовных дел следует сохранить действующие подходы к возбуждению уголовных дел (например, по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения, о налоговых преступлениях, в отношении отдельной категории лиц (ст. 447 УПК РФ).

Полагаем, что в случаях, когда отсутствуют данные о характере и размере вреда, причиненного преступлением (степень вреда здоровью, стоимость похищенного), которые необходимы для точной квалификации, в постановлении о возбуждении уголовного дела должна быть ссылка на статью или главу Уголовного кодекса Российской Федерации, охраняющую соответствующие интересы личности, общества и государства, которым причинен вред. Однако производство процессуальных действий и принятие решений, направленных на уголовное преследование лица или иным образом ограничивающих права личности, будут возможны только после квалификации деяния по конкретной норме уголовного закона, которая должна быть указана в соответствующих процессуальных документах (протокол задержания, постановление об избрании меры пресечения либо об объявлении в розыск, уведомление о подозрении в совершении преступления, ходатайство о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров).

Общеизвестно, что предусмотренные УПК РФ основания для принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела аналогичны (ч. 1 ст. 24). В связи с этим для их принятия требуется одинаковый объем данных. Поскольку эффективность доказывания в рамках предварительного расследования выше, чем при проверке сообщения о преступлении, есть основания полагать, что предлагаемый порядок позволит ускорить собирание таких данных.

Представляется, что прекращение проверки сообщения о преступлении следует вывести в ка-

честве самостоятельного решения взамен постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором исчезает необходимость, поскольку соответствующий комплекс процессуальных действий будет осуществляться с момента поступления сообщения о преступлении. При наличии соответствующих оснований, предусмотренных УПК РФ (ст. ст. 24, 25, 25¹, 27 и т. д.), будет выноситься постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

В целях повышения эффективности участия должностных лиц органов дознания в процессуальной деятельности предлагается установить, что производство неотложных следственных действий может быть поручено лицу, которое проводит по уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия, что соотносится с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации. При этом важно закрепить в УПК РФ положение о том, что неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым отсутствуют данные, достаточные для привлечения конкретного лица в качестве подозреваемого или обвиняемого, производятся в течение 30 суток.

Реализация данных предложений и внесение изменений в УПК РФ позволит обеспечить доступ потерпевших к правосудию, получить объективную характеристику состояния преступности в государстве, рационализировать деятельность правоохранительных органов, исключить дублирование процессуальных действий до и после возбуждения уголовного дела, снизить продолжительность уголовного судопроизводства с момента приема сообщения о преступлении до принятия окончательного решения по нему, исключить неоднократные отмены решений о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела.

Список источников

1. Власова Н. А., Мусеилов А. Г. О целесообразности стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2020. № 11.
2. Кутуев Э. К., Логунов О. В. Совершенствование стадии возбуждения уголовного дела как средство устранения причин и условий, способствующих принятию необоснованных процессуальных решений // Российская юстиция. 2020. № 11.
3. Крамская Е. С. Некоторые проблемы реализации прав граждан на этапе проверки сообщения о преступлении в порядке статей 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика : мат-лы X междунар. науч.-практ. конф. (16–17 апреля 2021 г.). Тамбов, 2021.
4. Гаврилов Б. Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2.
5. Победкин А. В., Лавров В. П. Проверка сообщения о преступлении: условия конституционности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2.
6. Арутюнян Д. А., Головкин О. Е. Цифровизация процессуальных действий: путь к ускорению и удешевлению производства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2.

7. *Шекшурова О. Н.* Возбуждение уголовного дела: когда и почему // Российский следователь. 2022. № 9.
8. *Буфетова М. Ш., Морозов М. А.* К вопросу о реализации участниками проверки сообщения о преступлении отдельных процессуальных прав // Адвокатская практика. 2022. № 3.
9. *Чиковани М. А.* Можно ли избежать «отказа» в итоговом процессуальном решении первой стадии уголовного процесса? // Российский следователь. 2021. № 10.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-241-246

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Ольга Алексеевна Фарафонова

адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров)¹,

✉ ofarafonova99@mail.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

Достижения в области информационных технологий открывают новые возможности для использования технических ресурсов в целях решения процессуальных задач. Видео-конференц-связь — одна из таких технологий, которая все сильнее и сильнее проникает в уголовное судопроизводство, позволяя оперативно и качественно разрешать задачи, стоящие перед целым рядом следственных, судебных, иных процессуальных действий. Успешно применяемая с 1999 г. в судебных инстанциях технология доказала свою эффективность и спустя более 20 лет распространила свое действие и на досудебную стадию. Шаг законодателя к внедрению подобной технологии в досудебные стадии процесса обеспечил возможность производства некоторых следственных действий посредством использования видео-конференц-связи. Анализ зарубежного опыта, а также исследование этапов развития в российском уголовном процессе позволяют сделать вывод о том, что дополнения уголовно-процессуального законодательства, внесенные Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ, стали ожидаемыми и вполне закономерными.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, информационные технологии, следственные действия, судебное производство, предъявление для опознания, допрос, очная ставка

Для цитирования: Фарафонова О. А. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 241–246.

Video Conferencing in Criminal Proceedings of the Russian Federation

Olga A. Farafonova

Postgraduate student at the 3rd Faculty (science research and pedagogical personnel training)¹,

✉ ofarafonova99@mail.ru

¹ the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Advances in information technology provide new possibilities for using technical resources to solve procedural problems. Video conferencing is one of such technologies, that is increasingly penetrating into criminal proceedings, and thus ensures quick and efficient resolution of the tasks faced by a number of investigative, judicial, and other procedural actions. The technology successfully used since 1999 in the courts has proven its effectiveness and, more than 20 years later, extended its influence on the pre-trial stage. The step of the legislator towards the introduction of such a technology in the pre-trial stages of the proceedings provided the possibility of performing some investigative actions through the use of video conferencing. The analysis of foreign experience, as well as the study of the stages of development in the Russian criminal procedure enabled the author to conclude that the additions to the criminal procedural legislation introduced by Federal Law No. 501-FZ of December 30, 2021 have become expected and quite logical.

Keywords: video conferencing, information technologies, investigative actions, court proceedings, identity parade, interrogation, confrontation

Citation: Farafonova O. A. Video Conferencing in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No. 3(90). Pp. 241–246 (In Russ.).

Результаты стремительного развития информационных технологий рано или поздно должны были найти отклик в сфере уголовно-процессуальных отношений. А. В. Победкин указывал, что «уголовное судопроизводство — сфера информационных процессов, протекающих под знаком задачи установления обстоятельств собы-

тия прошлого» [1, с. 35]. Современные технологии все активнее проникают в уголовное производство, что позволяет судам и органам предварительного расследования быстро и эффективно разрешать стоящие перед ними задачи.

Одной из таких технологий является видео-конференц-связь (далее — ВКС). Ее очевидным

преимуществом и большой практической ценностью являются удобство использования, а также процессуальная экономия. Система ВКС позволяет отказаться от сложных и дорогостоящих процедур организационно-технического характера.

Американские процессуалисты в конце XX в. стали первыми в мире, кто использовал ВКС для обеспечения нужд уголовного судопроизводства. Это было частью проекта «Судебный процесс XXI века», в рамках которого разрабатывались современные технологии и демонстрировались возможности оборудованного ими зала судебного заседания. В 2002 г. в США Окружной суд штата Массачусетс «впервые установил глобальную систему ВКС с тремя судами, находящимися на разных континентах, в ходе которой были продемонстрированы возможности современных технологий в ходе судебного заседания. В ходе сеанса связи участники процесса могли находиться в виртуальном пространстве, которое полностью отражало место совершения преступления, при этом было использовано дополнительное оборудование (очки для трехмерного видения, экраны, голографические технологии и аудиосистемы)» [2, с. 55].

Стоит отметить, что и в других государствах подобные технологии успешно используются на протяжении довольно продолжительного времени. Уголовный кодекс Канады в ч. 1 ст. 650 предусматривает возможность присутствия в судебном заседании посредством аудиоконференции или видеоконференции¹. Кроме того, законодателем определены случаи, в которых свидетель может давать показания с помощью данной технологии. К таким обстоятельствам относятся: местонахождение лица и личные обстоятельства, которые препятствуют личному участию, затраты, которые лицо вынуждено будет понести для непосредственного участия в процессе, природа ожидаемых показаний.

Ряд государств, таких как Великобритания, Эстония, Финляндия, Италия, Новая Зеландия, успешно применяют в деятельности правоохранительных и судебных органов данную технологию. В отличие от вышеперечисленных государств, предпосылкой использования ВКС индийскими судами послужила нехватка сотрудников полиции, которые

обеспечивают конвоирование лиц в зал судебного заседания [3, с. 18–20].

Уголовно-процессуальное законодательство стран ближнего зарубежья также предусматривает возможность использования ВКС. В УПК Казахстана (ст. 370 «Допрос свидетелей»)², Беларуси (ч. 3.1 ст. 286 «Непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства», ст. 341.1 «Проведение допроса, опознания с использованием систем видеоконференцсвязи»)³ регламентируется использование ВКС в ходе судебного заседания при дистанционном участии в нем лиц.

Примечательно, что непосредственно в ходе судебных заседаний ВКС впервые была применена в России. Данная технология в уголовном судопроизводстве Российской Федерации применяется с 1999 г. [4, с. 109–117]. В мае Челябинский областной суд приступил к созданию пилотной видео-конференц-сети для дистанционного участия осужденных в судебных заседаниях, а уже в ноябре впервые в мировой практике состоялось судебное заседание по рассмотрению кассационной жалобы посредством ВКС. 16 ноября 2001 г. Совет судей в своем постановлении рекомендовал использовать положительный опыт применения ВКС Челябинским судом при создании систем ВКС в региональных судах⁴. Но на законодательном уровне вопросы применения ВКС начали формироваться только с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г.⁵

Несмотря на то что до 1999 г. ВКС не применялась в судах и возможность ее использования еще не была законодательно предусмотрена, интерес представляет постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1998 г. № 27-П. В данном акте судебной власти указывалось на то, что осужденный, при изъявлении желания участвовать в судебном заседании, не может быть лишен возможности заявлять отводы и ходатайства, знакомиться с позициями участников заседания, давать объяснения и т. д. Но фокус внимания концентрируется на предусмотренных в решении способах реализации данных гарантий — посредством личного участия в судебном заседании и иным способом. Конституционный Суд напрямую не указал, что под «иными способами» стоит пони-

¹ Уголовный кодекс Канады (Criminal Code — R.S.C.) // Опубликовано Министерством юстиции Канады на сайте (Published by the Minister of Justice of Canada). URL: <http://laws-lois.iustice.gc.ca>. 1985 (дата обращения: 16.02.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 13.02.2023).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 13.02.2023).

⁴ Об информатизации и автоматизации судов : постановление Совета судей РФ от 16 ноября 2001 г. № 65. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.

мать ВКС, но позиция, изложенная в постановлении, заложила основу для будущих решений Конституционного Суда РФ в части применения данной технологии в уголовном судопроизводстве.

Первые шаги на уровне федерального законодательства к внедрению данной технологии в уголовное судопроизводство были осторожными. В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что вслед за нормативным положением, которое предусматривало возможность использования систем ВКС в целях обеспечения права осужденного на участие в судебном заседании в случае изъявления им желания присутствовать при рассмотрении кассационной жалобы или представления на приговор, последовала череда определений и постановлений Конституционного Суда, которые касались отдельных вопросов применения ВКС в судебном производстве⁶.

Многочисленные решения Конституционного Суда послужили основанием для того, чтобы законодатель в 2010 г. принял решение внести изменения в УПК РФ, дополнив его положениями, регламентирующими порядок использования ВКС в уголовном судопроизводстве. Таким образом, за лицом, содержащимся под стражей, или осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, было закреплено право заявить ходатайство о непосредственном участии в судебном заседании либо участии путем использования ВКС⁷. Кроме того, в 2010 г. лицам с психическими расстройствами, к которым применены принудительные меры медицинского характера, было предоставлено право непосредственно либо путем ВКС участвовать в кассационном или надзорном производстве, согласно некоторым изменениям⁸. В декабре того же года нормативно были

закреплены положения, позволяющие обвиняемому участвовать в судебном заседании посредством ВКС при изменении территориальной подсудности уголовного дела⁹. В 2011 г. ч. 2 ст. 399 УПК РФ закрепила обязанность суда (при наличии ходатайства) обеспечивать осужденному его непосредственное участие в судебном заседании либо обеспечить возможность изложить свою позицию путем использования ВКС¹⁰. Последовавшие за этим дополнения УПК РФ, касающиеся ВКС, на законодательном уровне закрепили положения, предусматривающие возможность участия содержащегося под стражей осужденного в судебном заседании при рассмотрении апелляционной жалобы или представления, а также правила дистанционного исследования доказательств судом апелляционной инстанции¹¹.

Следующий шаг законодателя позволил судам первой инстанции допрашивать свидетелей и потерпевших в ходе судебного следствия посредством ВКС¹². В 2014 г. в УПК РФ были внесены изменения, позволяющие судам принимать решение о дистанционном участии в судебном заседании содержащегося под стражей подсудимого в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, была также предусмотрена возможность подсудимого огласить последнее слово посредством ВКС¹³.

Таким образом, поэтапно было введено применение указанной информационной технологии во всех судебных инстанциях: от первой до надзорной. Ввиду признаваемой большинством специалистов удачности идеи об использовании ВКС в части судебных стадий уголовного процесса и появления вполне работоспособных технических средств введение

⁶ См., напр.: *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белашева Владимира Ильича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2003 г. № 319-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шолуха Олега Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 370-О ; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карачакова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 4, частью третьей статьи 376, пунктами 1 и 2 части второй статьи 386, частью третьей статьи 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также частью третьей статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. № 481-О-О.

⁷ *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 323-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2010. № 49, ст. 6419.

⁸ Там же.

⁹ *О внесении* изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 346-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 52 (ч. 1), ст. 6422.

¹⁰ *О внесении* изменений в статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 40-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 13, ст. 1687.

¹¹ *О внесении* изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 1, ст. 45.

¹² Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст. 240 УПК РФ была дополнена частью 4.

¹³ *О внесении* изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 251-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 30(ч. 1), ст. 4252.

аналогичных механизмов для досудебного производства стало лишь вопросом времени¹⁴.

Уже к осени 2012 г. система ВКС была успешно внедрена в 123 судах общей юрисдикции и 168 учреждениях уголовно-исправительной системы, охватив все субъекты РФ. На тот момент подобная система являлась единственной в мире и не имела аналогов.

Ретроспективный анализ использования систем ВКС в зарубежном уголовном судопроизводстве, а также генезиса данной технологии в судебных стадиях российского уголовного процесса позволяет сделать вывод, что внедрение ВКС на досудебную стадию стало закономерным и вполне ожидаемым шагом законодателя к еще более глубокому проникновению современных информационных технологий в уголовный процесс.

С 2018 г. фокусируется внимание на вопросе применения ВКС на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в России и начинаются попытки его нормативного закрепления. Законопроект, внесенный членом Федерального Собрания РФ А. В. Кутеповым, предоставляющий следователю право допрашивать свидетеля с использованием ВКС при невозможности личного участия последнего в производстве по уголовному делу, получил положительную оценку в комитете Государственной Думы РФ. Но в итоге данный законопроект был отозван инициатором.

И только Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в УПК РФ была введена ст. 189¹, которая закрепила возможность проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания посредством использования систем ВКС¹⁵.

Несмотря на более чем двадцатилетний опыт применения ВКС российскими судами и еще более длительный период ее использования другими государствами, ученые-процессуалисты и практические работники до настоящего времени не прекращают вести дискуссии о преимуществах и недостатках, связанных с ее использованием. Не вызывает сомнений, что данный шаг законодателя позволил решать задачи, стоящие перед правоохранительными органами более эффективно, с наименьшими временными и финансовыми затратами, при этом соблюдая права участников уголовного судопроизводства.

В научном сообществе высказываются мысли о том, что процедура дистанционного проведения следственных действий недостаточно урегулирова-

на, в связи с чем существует необходимость совершенствования норм УПК РФ в части регламентации проведения следственных действий посредством ВКС [6, с. 94; 7, с. 58–62]. Открытый круг участников уголовного судопроизводства, с которыми возможно проведение допроса, очной ставки, опознания с применением ВКС, недостаточно подробно прописанная процедура их производства, отсутствие четко определенных технических средств для установления ВКС, вопросы, касающиеся применения видеозаписи в ходе следственного действия — все это, по мнению некоторых ученых, оказывает негативное влияние на качество результатов проведения следственных действий. Хотя стоит отметить, что некоторые важные положения, действительно, не нашли отражения в тексте нормы. Так, О. Н. Лаврова и О. Е. Алехин предлагают установить срок исполнения поручения следователя или дознавателя об организации участия лица в следственном действии [8, с. 38].

Ко всем выдвигаемым в доктрине предложениям по изменению законодательства стоит относиться с определенной долей скептицизма, так как не все «неучтенные» законодателем моменты требуют отражения в тексте УПК РФ. С. Б. Россинский отмечает, что тенденции, направленные на гиперформализацию уголовного судопроизводства приводят к тому, что законодатель стремится облечь в нормы уголовно-процессуального права более широкий круг правил поведения, чем того требует действительность, тем самым превращая УПК РФ в памятку для «неграмотных правоприменителей» [9, с. 216]. Эта позиция представляется рациональной. Правила, предусматривающие технические требования к составлению процессуальных документов, организационные и тактические рекомендации должны оставаться вне поля нормативной регламентации. Но если все же возникает необходимость в унификации и оптимизации правоприменительной практики, отдельные правила и рекомендации могут быть отражены в методической литературе или в ведомственных подзаконных нормативно-правовых актах [10, с. 49].

Несмотря на кадровый голод, который на протяжении нескольких лет только закрепляет свои позиции, уровень профильного образования работников следственного аппарата позволяет сделать вывод, что нет необходимости регламентировать каждый шаг правоприменителя, нужно полагаться на его профессионализм и опытность.

¹⁴ На доктринальном уровне эти вопросы начали подниматься намного раньше. Так, еще в 1970 г. А. И. Винберг обращал внимание на недостаточность уровня развития техники для нужд уголовного процесса. В этой связи ученый говорил о потребности отражения в уголовно-процессуальном законе достижений научно-технического прогресса и разумного использования их потенциала для потребностей различных следственных действий [5, с. 91].

¹⁵ *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ // Российская газета. 2022. 11 янв.

Подводя итог, стоит еще раз обратить внимание на то, что возможность дистанционного производства следственных действий не стала для правоприменителей абсолютной неожиданностью. Дискуссии о целесообразности ее введения и о преимуществах использования велись на протяжении нескольких лет. Положительный зарубежный опыт, многолетняя практика использования ВКС в судебных инстанциях, качество современной техники позволили упростить процедуры проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания в случаях невозможности личного присутствия участников. Как и любое изменение законодательства, введение ст. 189¹ в УПК РФ вызвало множество вопросов, но по мере наработки практики производства следственных действий в новом формате эти вопросы будут находить свое решение.

В результате принятия в конце 2022 г. Федерального закона № 610-ФЗ¹⁶ ряд статей подвергся дополнению и изменению (п. 3¹ ч. 1 ст. 51, ч. 4 ст. 108, ч. 4 ст. 240, ч. 1 ст. 253, чч. 1, 3 ст. 258, ст. 278, ч. 1 ст. 293).

Особый интерес вызывает введенная данным законом ст. 241¹ «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи». Подсудимому и иным лицам предоставлено право участвовать в судебном заседании посредством ВКС при соблюдении нескольких условий. Во-первых, в суде должна быть техническая возможность обеспечить дистанционное участие лица. Во-вторых, обязательно наличие ходатайства подсудимого об участии в судебном заседании путем использования ВКС или же обстоятельств, из-за которых у него отсутствует возможность фи-

зического присутствия. В случаях, когда речь идет об «иных лицах», суд может принять решение самостоятельно. Статья урегулировала и ряд других вопросов, касающихся участия защитника и невозможности использования ВКС в тех случаях, когда дело рассматривается с участием присяжных заседателей. Кроме того, в чч. 7 и 8 ст. 241¹ отражен организационный порядок обеспечения участия лица.

Таким образом, законодатель не останавливается на тех нормативных положениях, касающихся применения ВКС, которые уже успешно работают на протяжении десятилетий. Область применения указанной технологии продолжает расширяться, а законодатель не игнорирует данный факт, своевременно реагируя на вновь появляющиеся возможности использования достижений процесса цифровизации.

Учитывая частоту вносимых в УПК РФ изменений и дополнений, касающихся применения ВКС в судебных стадиях уголовного процесса, а также принимая во внимание тот факт, что законодатель сделал серьезный шаг к внедрению указанной технологии и в сферу досудебного производства, можно констатировать, что ВКС является достаточно востребованной процедурой в условиях цифровизации общественных отношений. Не исключено, что, оценив эффективность подобной процедуры, законодатель будет предпринимать шаги к дальнейшему распространению ВКС на досудебных стадиях уголовного процесса (возможно, произойдет расширение перечня следственных действий, которые могут проводиться в дистанционном формате, или изменения коснутся и иных процессуальных действий).

Список источников

1. *Победкин А. В.* Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
2. *Клементьев А. С.* Телекоммуникационное обеспечение уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.
3. *Архипова Е. А.* Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
4. *Щерба С. П.* Правовые основы применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4.
5. *Винберг А. И.* Техника и уголовное судопроизводство // Советское государство и право. 1970. № 7.
6. *Топчиева Т. В.* Перспективы применения видео-конференц-связи в ходе производства по уголовным делам // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23(1).
7. *Ушаков А. Ю., Кириянина И. А.* О введенной в уголовно-процессуальный закон норме, позволяющей проводить отдельные следственные действия посредством дистанционных ресурсов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 1.

¹⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ // Российская газета. 29 декабря.

8. *Лаврова О. Н., Алехин О. Е.* Особенности проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. М., 2023.

9. *Россинский С. Б.* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации постепенно превращается в «учебник криминалистики»: случайность или закономерность? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2(18).

10. *Россинский С. Б.* О проникновении в Уголовно-процессуальный кодекс правил следственного дело-производства // Правда и закон. 2022. № 3(21).

УДК УДК 342.9 (09)

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-247-251

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Специальная литература как средство правовой подготовки чинов полиции Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв.

Александр Владимирович Быков

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства¹,

✉ aleksandr091070@rambler.ru

Анастасия Геннадьевна Быкова

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права²,

✉ anastasyigen@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

² Сибирский юридический университет (Омск, Россия)

Представлены результаты проведенного исследования специальной литературы, издаваемой в период второй половины XIX — начала XX вв. для чинов полиции Российской империи. Определены причины, обусловившие необходимость разработки и опубликования изданий, ориентированных на служащих полиции и содержащих нормативные акты, регламентировавшие их деятельность, иные материалы. Анализ выявленных изданий позволил выделить несколько видов литературы в зависимости от особенностей изложения материала, структуры, ориентированности на различные категории служащих полиции. Представлено описание и аналитика отдельных изданий, наиболее ярко демонстрирующих особенности и характерные черты каждого из видов. Сделаны выводы о роли исследованной специальной литературы в совершенствовании деятельности чинов полиции, имевшихся недостатках.

Ключевые слова: специальная литература, полиция, законодательство, Российская империя, обязанности, кадры, самообучение, чины полиции

Для цитирования: Быков А. В., Быкова А. Г. Специальная литература как средство правовой подготовки чинов полиции Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 247–251.

Special Literature as the Means of Legal Training of the Ranks of the Police of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th centuries

Alexander V. Bykov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the Chair of State and Law Theory and History¹,

✉ aleksandr091070@rambler.ru

Anastasia G. Bykova

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the Chair of Constitutional and Administrative Law²,

✉ anastasyigen@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

² Siberian Law University (Omsk, Russia)

The paper contains the results of the study of special literature published in the second half of the 19th — early 20th centuries for the ranks of the police in the Russian Empire. The reasons, which determined the development and publication of issues aimed at police officers and containing regulations governing their activities and other materials, are identified. The analysis of the revealed publications enables the authors to specify several types of literature according to the peculiarities of the description, the structure, focus on different categories of police officers. Some publications with the most vivid features of each of the type are described and examined. The conclusions made refer to the significance of the studied literature for improvement of activities performed by the ranks of the police and concern the drawbacks.

Keywords: special literature, police, legislation, the Russian Empire, responsibilities, personnel, self-training, ranks of the police

Citation: Bykov A. V., Bykova A. G. Special Literature as the Means of Legal Training of the Ranks of the Police of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 247–251 (In Russ.).

В период второй половины XIX — начала XX вв. полиция Российской империи испытывала ряд проблем, связанных с законодательной регламентацией деятельности ее служащих и отсутствием системы обучения, подготовки полицейских кадров.

На полицию возлагались многочисленные и весьма разноплановые обязанности, законодательно регламентированные во множестве нормативных актов, принятых в период конца XVIII–XIX вв. Соответственно служащий полиции должен был знать содержание всех этих законов в части, его касающейся. Для рядового полицейского представлялось весьма затруднительным отыскивать необходимые нормы в томах Свода законов Российской империи. Кроме того, приобретать эти книги для личного пользования было достаточно дорого. В Российской империи отсутствовала общегосударственная система обучения, подготовки служащих полиции. Школы, курсы создавались локально, по инициативе местного начальства [1, с. 37–42]. При этом возникала потребность в печатных материалах, которые могли бы служить пособиями для самообучения чинов полиции. Труды по полицейскому праву были малопригодны, поскольку ориентированы на университетское образование, а не на использование в практической деятельности полиции.

Решением данных проблем становится издание специальной литературы для чинов полиции. В современных трудах, посвященных истории развития отечественных органов внутренних дел, такие издания упоминаются, используются в качестве источников исследования по отдельным аспектам полицейской деятельности (организация охраны общественного порядка, службы чинов полиции (городовых, околоточных надзирателей и др.), борьба с отдельными видами правонарушений, кадровая работа и др.) [2, с. 13–21; 3, с. 155–163; 4, с. 125–131; 5, с. 369–376; 6, с. 358–361]. Отдельного упоминания заслуживает диссертационное исследование А. В. Ушанова «Организационно-правовые основы предупреждения правонарушений в Российской империи», в котором проанализировано значительное число изданий по соответствующей тематике [7].

Предпринятое нами исследование имело целью сбор, анализ специальных изданий для чинов полиции как элемента совершенствования полицейской деятельности в Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. Хронологические рамки

обусловлены значительными изменениями отечественных органов внутренних дел, что повлекло существенное увеличение подготовки и публикации специальных изданий для полиции. Ранее данные издания не являлись предметом особого комплексного изучения. Результаты подобной работы могут иметь значение для последующих научных изысканий, найти применение при подготовке учебных, справочных изданий.

Опыт подготовки литературы для должностных лиц, исполнявших полицейские функции, имелся уже в первой половине XIX в. В качестве примера можно привести издание «Правила должности городского унтер-офицера С: Петербургской Полиции» 1813 г.¹ и составленный в 1824 г. П. М. Гуляевым сборник законодательных норм «Права и обязанности градской и земской полиций, и всех вообще жителей Российского государства по их состояниям»². Можно предположить, что подобные издания формировали основные тенденции разработки специальной литературы.

Во второй половине XIX в. отмечается значительное увеличение количества изданий для полиции, которые можно разделить на несколько видов.

К первому виду можно отнести *сборники нормативных актов, относящихся к деятельности полиции*. Такие труды характеризуются простым изложением статей нормативных актов, авторская переработка отсутствует или минимальна.

Одним из «классических» образцов подобной литературы является «Сборник узаконений о полиции», подготовленный Д. Н. Коковцевым и изданный в 1857 г.³ Сборник состоит из глав, содержащих статьи законодательных актов, регламентирующих структуру полицейских органов, обязанности полиции. Каждая глава посвящена определенному направлению полицейской деятельности. Приложение содержит полностью или в извлечениях акты, имеющие особое значение (например, «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок») или носящие вспомогательный, справочный характер (например, «Списки ядовитых или сильнодействующих веществ»). Статьи, нормативные акты помещались в исходном виде, без комментариев.

В целом сходную основу имел «Сборник узаконений, постановлений и распоряжений, относящихся до обязанности исполнительных чинов

¹ *Правила должности городского унтер-офицера С: Петербургской Полиции*. СПб., 1813.

² *Права и обязанности градской и земской полиций и всех вообще жителей Российского государства по их состояниям* / Сочинение титулярного советника Петра Гуляева. Ч. 1: О полиции. М., 1824.

³ *Сборник узаконений о полиции: составленный по Своду законов 1857 года, Продолжениям к нему и позднейшим распоряжениям правительства* / сост. Д. Н. Коковцевым. М., 1873.

полицейский», составленный секретарем Миусского окружного полицейского управления Н. И. Ефремовым в 1879 г.⁴ Во введении автор разъясняет причины, побудившие его составить сборник: потребность в относительно компактном, удобном для повседневного использования собрания важнейших законодательных норм, знание которых необходимо полицейским для исполнения служебных обязанностей. Отмечается также и то, что ранее изданные аналогичные справочники устарели в связи с обновлением законодательства. Основная часть сборника состоит из глав, содержащих пункты с изложением норм, регламентирующих основные обязанности чинов полиции («По предупреждению и пресечению преступлений против веры», «По предупреждению и пресечению преступлений против имущества» и т. д.). Статьи законов, непосредственно содержащие обязанности полиции, приведены в полном объеме. Статьи же, служащие объяснением или косвенно относящиеся к полицейским обязанностям, автором приводятся в сокращенном виде. Такой подход, думается, позволял обеспечить лучшее понимание смысла статей закона, связь «полицейских норм» с иными, без увеличения объема издания. После каждого пункта в скобках приводятся указания на том, часть, номер, под которым нормативный правовой акт расположен в Своде законов Российской империи, или номер статьи в конкретном нормативном правовом акте (например, Уложении о наказаниях уголовных и исправительных). Для удобства поиска имелся алфавитный «азбучный» указатель по ключевым словам. Таким образом, в данном сборнике мы видим сочетание систематизированного простого изложения статей и ограниченной переработки основных статей в виде их сокращения.

Примером краткого изложения является «Алфавит полицейских законов»⁵. В нем в алфавитном порядке расположены извлечения из законов по определенному вопросу. Например, «Железные дороги»: приводятся нормы, регламентировавшие обязанности жандармских полицейских управлений, общей полиции, служащих железной дороги, иных лиц в ситуациях, связанных с железными дорогами. Таким образом, чины полиции могли достаточно легко найти требуемую правовую информацию не только о прямо предписываемых им обязанностях.

Это должно было иметь положительное значение, поскольку полиция призвана была контролировать и обеспечивать исполнение законов в целом.

Наиболее многочисленными являются *издания, предназначенные для конкретных категорий полицейских* — городских, околоточных надзирателей, урядников, нижних чинов земской полиции (десятских и сотских), сельских полицейских стражников.

Инструкции городским издавались во многих крупных городах, в первую очередь, столичных (Санкт-Петербурге и Москве), а также в Киеве, Одессе, Архангельске, Казани, Костроме, Ставрополе, Калуге, Пятигорске⁶.

Инструкции имели подобную структуру и стиль. В начале содержатся краткие сведения о статусе, основах службы городских. Основное содержание составляет изложение обязанностей городских. Они подразделялись на общие (исполнявшиеся всеми городскими постоянно) и особенные (исполнявшиеся только во время несения службы по конкретному назначению). К общим обязанностям относили, в том числе, правила поведения во время несения службы и вне ее, требования к моральному облику полицейского, обращению с «публикой», правила отдания чести. В некоторых случаях в инструкциях помещались правила приема и увольнения со службы. К особенным относили обязанности: при дежурстве на постах; при назначении в наряды (обеспечение общественного порядка в театре, церкви, во время празднеств, народных гуляний и т. п.); во время состояния подчасками (городовые в течение шести часов перед заступлением в наряд или на пост должны были находиться по месту жительства, составляя резерв на случай чрезвычайных ситуаций) и иные.

Обязанности излагались доступным языком, отсутствовали указания на нормативные акты, являвшиеся их правовой основой. Введение чаще всего отсутствовало, однако можно отметить очень краткое, но интересное, актуальное и в настоящее время, введение Инструкции городским Ставропольской городской полиции (1908 г.): «Знание инструкции, конечно, необходимо, и инструкция является полезным пособием для городских, особенно в первое время их службы. ... Но никакая инструкция не поможет людям нетрезвым, ленивым, которые не из-

⁴ Сборник узаконений, постановлений и распоряжений, относящихся до обязанности исполнительных чинов полиции: составленный по Своду законов изд. 1857 г. и 1876 г. Новониколаевская, 1879.

⁵ Доброленский М. И. Алфавит полицейских законов. СПб., 1894.

⁶ Инструкция городским Московской полиции. М., 1883; Инструкция городским Киевской полиции. Киев, 1897; Инструкция для нижних чинов Казанской городской полиции 1898 года. Казань, 1898; Инструкция городским Одесской городской полиции. Одесса, 1875; Инструкция для городских городской полиции. Одесса, 1912; Архангельское городское полицейское управление: инструкция городским Архангельской городской полиции. Архангельск, 1888; Инструкция городским Архангельской городской полиции. Архангельск, 1916; Инструкция нижним полицейским чинам Костромской городской полиции. Кострома, 1899; Инструкция городским Минераловодской полиции. Пятигорск, 1910.

учат до мельчайших подробностей вверенного его надзору квартала или поста»⁷.

Инструкции околоточным надзирателям также издавались во многих городах⁸. Структурно данные издания сходны с инструкциями для городских, в них излагаются общие и особенные обязанности, однако язык в них более официальный, присутствуют отсылки к нормативным правовым актам. Например, в Инструкции околоточным надзирателям Московской столичной полиции (1906 г.) [8, с. 95–104] имеется ряд отсылок к статьям Устава уголовного судопроизводства вместо их непосредственного изложения. Инструкции околоточным содержат меньше указаний морально-этического характера. Они были, очевидно, рассчитаны на лиц с более высоким, чем у городских, уровнем образования.

Специальная литература издавалась не только для чинов городской полиции, но и для уездной (земской) полиции. Следует отметить, что в большинстве своем эти издания изначально были рассчитаны на *использование уездной полицией разных местностей Российской империи*.

Прежде всего выделяются издания, ориентированные на низших служащих сельской полиции — десятских и сотских. В них достаточно кратко излагались основные обязанности, полномочия, порядок выборов на должность и смещения с должности (досрочного), подчиненность и иные вопросы.

Могли содержаться и вспомогательные материалы. Например, книга «Права и обязанности сотских и десятских (Законное наставление о службе нижних чинов уездной полиции)» в качестве дополнения содержала советы по оказанию первой помощи при несчастных случаях и заболеваниях⁹. Издание «Сборник узаконений о полицейских сотских и десятских» имело алфавитный указатель, позволявший проводить поиск статей нормативных правовых актов по ключевым словам¹⁰.

В 1878 г. учреждается должность полицейского урядника. Именно они становятся важнейшим звеном сельской полиции. Имевшиеся издания для городской полиции или для десятских и сотских не

вполне были пригодны для урядников, требовалось восполнить данный пробел. Прежде всего отдельно была опубликована Инструкция полицейским урядникам и особенные обязанности нижних чинов уездной полиции (сотских и десятских), утвержденная 19 июля 1878 г. министром внутренних дел¹¹. Данная инструкция регламентировала основные обязанности урядников и в качестве приложения имела извлечения из законодательных актов об обязанностях десятских и сотских, подчиненных урядникам. Однако одной инструкции оказалось недостаточно, и в 1879 г. по распоряжению министра внутренних дел была подготовлена и опубликована «Справочная книжка для полицейских урядников»¹², которая представляет собой объемное издание, состоящее из четырех разделов. В первом разделе помещены Временное положение о полицейских урядниках, Инструкция полицейским урядникам и приложение к ней — Особенности обязанности нижних чинов уездной полиции. В Инструкции имеются дополнительно пояснения к отдельным параграфам.

Во второй отдел включены полностью или в извлечениях законодательные акты, определявшие обязанности и порядок их исполнения, полномочия урядников по различным направлениям деятельности. Входили такие акты, как Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Устав уголовного судопроизводства, Устав о питейном сборе, Устав гражданского судопроизводства и другие (с изменениями и дополнениями на момент издания Справочной книжки). Содержание данного отдела позволяло урядникам получить информацию как о своих обязанностях, так и об обязанностях иных должностных лиц, охраняемых государственных интересах.

Весьма примечателен третий отдел, озаглавленный «Наиболее выдающиеся отличия урядников». В нем собраны конкретные примеры правильных, законных, решительных, мужественных действий урядников по раскрытию преступлений, аресту подозреваемых, собранные по всей стране. При этом обязательно указывается, что фигурирующие в при-

⁷ Инструкция городским Ставропольской городской полиции. Ставрополь, 1908. С. 6.

⁸ Инструкция околоточным надзирателям С.-Петербургской столичной полиции. СПб., 1900 ; Инструкция околоточным надзирателям Казанской полиции. Казань, 1879 ; *Архангельское* городское полицейское управление: инструкция околоточным надзирателям Архангельской городской полиции. Архангельск, 1903 ; Инструкция околоточным надзирателям Казанской полиции. Казань, 1879 ; Инструкция околоточным надзирателям. Обязательные постановления для жителей г. Казани. Формы протоколов, дознаний и постановлений 1890 г. [Инструкция городским Казанской полиции]. Казань, 1890 ; Инструкция околоточным надзирателям Киевской полиции. Киев, 1875.

⁹ Права и обязанности сотских и десятских (Законное наставление о службе нижних чинов уездной полиции). Гродно, 1899.

¹⁰ Сборник узаконений о полицейских сотских и десятских. Новониколаевская, 1879.

¹¹ Инструкция полицейским урядникам и особенные обязанности нижних чинов уездной полиции (сотских и десятских). СПб., 1878.

¹² Справочная книжка для полицейских урядников. СПб., 1879.

мерах урядники поощрены денежной или иной наградой. Отдельно указаны случаи, когда урядники, преследуя преступников, загоняли своих лошадей, и им в качестве вознаграждения возмещали их стоимость. Без сомнения, эти примеры должны были не только являться способом передачи положительного опыта, но и стимулировать полицейских к усердной службе.

Четвертый отдел содержит вспомогательные материалы: Указатель в вопросах и ответах, представляющий собой краткие ответы на вопросы о полицейской службе (распределенные по тематическим разделам и с указанием ссылок на нормативные правовые акты); Формы протоколов и других бумаг (общие указания по ведению документации и конкретные образцы различных документов); Алфавитный указатель (в алфавитном порядке расположены ключевые слова с указанием статей нормативных актов).

Таким образом, «Справочная книжка для полицейских урядников» позволяла получить сведения, помогающие организовать службу урядника в соответствии с законодательством и учитывая все обя-

занности и полномочия. Можно предположить, что данное издание послужило образцом для последующих трудов, в основном воспроизводящих ее структуру¹³.

Подводя итоги, можно отметить, что специальные издания для чинов полиции предоставляли им возможность получить правовую информацию, необходимую для выполнения должностных обязанностей в соответствии с законом, повышая тем самым профессиональный уровень. Подобная литература могла частично компенсировать неразвитость специальной подготовки, образования для чинов полиции за счет самообразования. Некоторые издания включали материалы, носящие справочный характер, образцы оформления документации, что также должно было облегчить и упорядочить работу полицейских. Не менее значимым представляется наличие в отдельных образцах специальной литературы содержания морально-этического характера, имевшего воспитательное значение. Кроме того, эти издания были доступны всем желающим, что могло способствовать повышению юридической грамотности населения.

Список источников

1. Байкеева С. Е. Правовое регулирование подготовки кадров в специализированных учебных заведениях МВД царской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 3.
2. Дизер О. А. Административно-правовые функции органов публичной власти по защите общественной нравственности от угроз, связанных с пьянством и алкоголизмом // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1.
3. Мельник Е. В. Противоэпидемиологические административно-правовые меры в дореволюционной России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3.
4. Михеева С. Н., Скипский Г. А. Институт околоточных надзирателей в структуре полицейской системы городов Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3.
5. Невский С. А., Сычев Е. А., Аганесов Д. Е. Из истории кадровой работы в полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // ИСОМ. 2014. № 2.
6. Османов М. М., Комаревцева И. В. К вопросу об истории становления патрульно-постовой службы в России // Образование и право. 2022. № 9.
7. Ушанов А. В. Организационно-правовые основы предупреждения правонарушений в Российской империи : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
8. Инструкция околоточным надзирателям Московской Столичной Полиции // История органов внутренних дел России: хрестоматия. Ч. 1 / Н. Л. Феднева, А. П. Яцкова. М., 2015.

¹³ Справочная книга для полицейских урядников и сельской полиции. СПб., 1898.; Руководство для урядников и сельской полиции. М., 1905.

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-252-256

**Отзыв официального оппонента на диссертацию
Л. А. Пупышевой «Производство по рассмотрению
и разрешению вопросов, связанных с исполнением
приговора, в системе уголовного процесса»**

Леонид Витальевич Головко

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия
и прокурорского надзора юридического факультета¹,

✉ depcrp@law.msu.ru

¹ МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Для цитирования: Головко Л. В. Отзыв официального оппонента на диссертацию Л. А. Пупышевой «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 252–256.

**Official Opponent Review of the Dissertation «Proceedings for the
Consideration and Resolution of Issues related to the Execution of a Sentence
in the System of Criminal Procedure» prepared by Pupysheva L.A.**

Leonid V. Golovko

Doctor of Science (in Law), Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision at the Faculty of Law¹,

✉ depcrp@law.msu.ru

¹ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Citation: Golovko L. V. Official Opponent Review of the Dissertation «Proceedings for the Consideration and Resolution of Issues related to the Execution of a Sentence in the System of Criminal Procedure» prepared by Pupysheva L.A. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 252–256 (In Russ.).

Диссертационное исследование Л. А. Пупышевой проведено на весьма актуальную тему. Эта актуальность обусловлена как сугубо научными, так и практическими факторами. В научном плане процессуальные вопросы исполнения приговора до сих пор занимают неустойчивое место в системе уголовного процесса, их природа не до конца прояснена, вызывает в науке острые и принципиальные дискуссии. В практическом плане это приводит к возникновению многочисленных серьезных проблем, которые лишь обостряются, решаются не всегда единообразно, вызывают сложности у правоприменителей. Объективно растет и интерес к вопросам, разрешаемым в ходе исполнения приговора, в том числе общественный, в чем мы не так давно убедились на примере некоторых весьма резонансных российских уголовных дел.

У официального оппонента нет никаких сомнений в научной новизне представленной диссертации. Опираясь на достижения научной школы профессора В. В. Николюка, отталкиваясь от них, диссертант проводит самостоятельное, творческое исследование, ставит перед собой новые цели и задачи (с. 10–11)

и получает новые результаты. В этом смысле, с одной стороны, диссертация Л. А. Пупышевой является значительным углублением, расширением достижений одной из российских научных процессуальных школ, известной своей направленностью на изучение проблем, связанных с исполнением приговора, чем и определяется ее новизна. С другой стороны, данная диссертация обладает самостоятельным концептуальным единством, ее автор по-новому подходит к постановке и обсуждению ключевых принципиальных вопросов, определяющих природу деятельности суда в ходе исполнения приговора, и в результате выдвигает новую теорию «исполнения приговора как особой уголовно-процессуальной правовой конструкции — особого производства в российском уголовном процессе» (с. 12). Добавлю также, что многие высказанные далее замечания (см. ниже) на самом деле являются продолжением достоинств диссертационного исследования, которое выводит научную полемику «об исполнении приговора» на новый уровень, вынуждает обсуждать новые вопросы, продумывать новые аргументы, осмысливать новые пласты проблем и т. п.

Полученные в результате диссертационного исследования выводы и результаты достоверны и обоснованны. Ни один из них не может быть *a priori* отвергнут как голословный, некомпетентный в юридическом смысле, непонятный или, напротив, общеизвестный в научном смысле и т. п. Достоверность и обоснованность полученных выводов и результатов обусловлены теоретической основой исследования, включая его нормативно-правовую базу, обширным и корректно цитируемым доктринальным аппаратом, использовавшимися эмпирическими данными, в том числе весьма репрезентативно изученными судебными актами, информационными справками судов и иными материалами (с. 21–22).

Нельзя не поддержать многие содержащиеся в диссертации выводы и предложения автора по конкретным вопросам. В частности, ею поставлены сложные и очень важные для практики проблемы задержания и заключения под стражу в ходе исполнения приговора (с. 20), делается верный вывод о рассогласованности норм УПК РФ и УИК РФ в плане задержания и заключения под стражу, что приводит к негативным проявлениям в правоприменении (с. 375–376).

Диссертант правильно критикует чрезмерно широкое понимание в уголовном процессе конструкции «особого производства», когда, невзирая на отсутствие единых признаков и критериев, под «одну крышу» сводятся совершенно разные по своей природе институты, например, особый порядок принятия судебного решения в порядке гл. 40 УПК РФ и производство о применении принудительных мер медицинского характера в порядке гл. 51 УПК РФ (с. 104, 111).

Нельзя не согласиться с принципиальной и абсолютно верной критикой предложения о передаче ряда нынешних судебных полномочий, в частности, разрешения вопросов об УДО и освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью в компетенцию ОНК (с. 250–252). Аргументы по этому поводу диссертанта можно лишь поддержать. От себя добавлю, что реализация такого рода предложений означает ничто иное, как частичное разгосударствление функции правосудия, что категорически недопустимо, какими бы благовидными предложениями ни руководствовались авторы подобных идей. В конституционно-правовом смысле речь, безусловно, идет об осуществлении правосудия (с. 270), что делает конституционно невозможным передачу данной функции каким-либо иным органам, в том числе общественным.

Правилен вывод, что нет никаких оснований ограничивать при процессуальном исполнении приговора право на защиту (с. 316), т.к. осужденный — это обвиняемый (с. 318), т. е., иначе говоря, «обви-

ненный» по соответствующему уголовному делу, а Конституция РФ и закон, как справедливо отмечает диссертант, определяют «начальный, но не конечный момент» осуществления лицом права на защиту (с. 319), что и предопределяет необходимость полноценного осуществления такого права после вступления приговора в законную силу, в том числе в ходе его исполнения, причем как осужденным, так и оправданным (например, при пересмотре оправдательного приговора и т. п.). Правилен вывод и о том, что при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, адвокат должен быть наделен статусом защитника (с. 330, 332).

Перечень выводов и предложений автора, с которыми следует согласиться, не ограничивается приведенными, они представлены лишь для иллюстрации.

Структура диссертации, состоящей из пяти глав, в общей сложности восемнадцати параграфов, введения, заключения, списка использованных источников, приложений, логична и полностью вписывается в академические каноны. Она позволяет достичь целей исследования, решить все поставленные исследовательские задачи. Диссертация написана хорошим литературным и в то же время академическим языком, ее текст понятен и с интересом читается. Оформление диссертации, в том числе цитирование источников и т. п., соответствует всем предъявляемым требованиям. Никаких редакционных нареканий диссертация не вызывает.

Автореферат диссертации также составлен в соответствии с предъявляемыми требованиями. Его содержание соответствует содержанию диссертации, ознакомление с ним позволяет получить достаточно полное представление о структуре, содержании диссертационного исследования, полученных выводах и результатах.

Основные теоретические положения, выводы, рекомендации и предложения, изложенные в диссертации, отражены в 62 научных работах (на с. 22 диссертации и с. 17 автореферата указана цифра в 85 работ, но официальный оппонент ориентируется на список, представленный на с. 31–39 автореферата), из которых 26 работ — это статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, что более чем достаточно.

Невзирая на общую положительную оценку диссертационного исследования Л. А. Пупышевой, полученных по его итогам выводов и результатов, не могу также в рамках научной полемики не высказать несколько замечаний, тем более что большинство этих замечаний в немалой степени являются продолжением достоинств диссертации и связаны с размышлениями официального оппонента по пово-

ду выдвигаемой автором теоретической концепции, то есть имеют не технический, а научно-творческий характер.

1. Диссертант развивает концепцию исполнения приговора как особого судебного производства, критикуя позицию, в соответствии с которой исполнение приговора — это стадия уголовного процесса (пусть даже стадия особого рода), поскольку здесь нет конституирующих признаков любой стадии уголовного процесса, в частности, четких временных рамок (начало и окончание), единого предмета исследования, итогового решения и др. (с. 17, 85). Аргумент серьезный — подобных признаков стадии при исполнении приговора действительно нет. Однако анализ можно развернуть и в ином направлении, взяв для примера стадию возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, когда Президиум Верховного Суда РФ рассматривает представление Председателя данного Суда в связи с признанием КС РФ закона, примененного судом по конкретному делу, не соответствующим Конституции РФ (ч. 5 ст. 415 УПК РФ), к прокурору по тому же делу поступают материалы о наличии вступившего в законную силу приговора об осуждении свидетеля за дачу заведомо ложных показаний (ч. 3 ст. 415 УПК РФ) и к нему же приходит с повинной человек, утверждая, что преступление совершил он, а осужден невинный, что требует расследования (ч. 4 ст. 415 УПК РФ), причем все это может происходить почти одновременно или совершенно в разное время. Где здесь четкие временные рамки стадии (начало и окончание), единый предмет исследования, единое итоговое решение? Значит ли это, что возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств также является не стадией, а особым производством? Автор в числе особых производств его не называет. Тот же вопрос можно поставить применительно к современному кассационному производству, особенно с учетом двух кассационных инстанций (Кассационные суды общей юрисдикции и Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ), концепции «сплошной кассации», возможности разных участников процесса обращаться в кассационные инстанции в разное время и по разным основаниям. Здесь также нет единого предмета исследования, единого итогового решения и т. п. Получается, что в числе конституирующих признаков стадий *post sententiam* остается только «выполнение контрольных функций по отношению к предшествующим стадиям» (с. 17), хотя диссертант, как мы убедились, исходит из иного (множественности признаков стадии). Или вывод должен быть еще радикальнее: после вступления приговора в законную силу стадий в уголовном процессе вообще нет, а есть только «особые судебные производства»? Автор где-

то к этому выводу подходит, утверждая, что «с вступлением приговора в законную силу завершается движение уголовного дела по стадиям» (с. 16, аналогично с. 38–39, с. 42 со ссылкой на Н. Н. Розина), но все-таки делает осторожную оговорку «если не ведется пересмотр судебных решений» (с. 16), в дальнейшем ее не развивая, на с. 38 и 39. Официальный оппонент все более и более склоняется к другому варианту решения: после вступления приговора в законную силу все стадии являются в большей или меньшей степени стадиями *sui generis*, т. е. природа и признаки уголовно-процессуальных стадий после вступления приговора в законную силу меняются, и исполнение приговора в данном смысле исключением не является. В то же время отрадно, что рецензируемое диссертационное исследование способствует постановке вопросов столь высокого доктринально-теоретического уровня.

2. Одним из естественных следствий авторской концепции «особого производства» является дальнейшая процессуализация соответствующей деятельности и ее развертывание в некий разделенный на стадии (с. 214, 223) автономный процесс со своим предметом доказывания и полноценным доказыванием (с. 20, 345, 351), равенством прав сторон (с. 262), состязательностью *sui generis* (с. 178), непосредственностью судебного разбирательства (с. 260), приостановлением и отложением судебного разбирательства (с. 266) и т. п. С одной стороны, любая дополнительная процессуализация всегда выглядит привлекательно, подкупает своей внутренней логикой и кажется более совершенной. С другой стороны, не потеряет ли тогда стадия исполнения приговора (позволю себе продолжать использовать данное выражение) в необходимых эффективности и оперативности, которые требуются при решении почти всех вопросов, в ней возникающих, например, при замене вида исправительного учреждения, освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного и др.? Представим себе последний случай: исполнение наказания наносит непоправимый вред здоровью осужденного в связи с его болезнью или речь идет о смертельно больном человеке, которому из гуманных соображений предоставляется возможность уйти из жизни в кругу близких. По концепции автора, мы должны в такой ситуации выстраивать состязательное производство, проводить полноценное доказывание (в том числе с экспертизами), добиваться присутствия в судебном разбирательстве сторон, откладывать и приостанавливать дело и т. п. Наверное, мы получим в результате более качественное и процессуально обоснованное решение суда. Но не потеряет ли оно смысл с учетом тех жизненных обстоятельств, которые обуславливают в некоторых ситуациях необходимость оперативного принятия

судебного решения об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного? Перечень подобных иллюстраций легко можно продолжить. Не забываем ли мы, увлекаясь дополнительной процессуализацией, об изначальной сущности соответствующих институтов?

3. Диссертант, обосновывая соответствующую конструкцию «особого производства», отмечает существование «различных видов промежуточных уголовно-процессуальных производств или судебных процедур», осуществляемых «вне уголовного дела» (с. 16, курсив мой. — Л. Г.; с. 123). Более того, такие производства приводят, по ее мнению, к появлению «иных судебных дел» (с. 241), которые следует отделять от уголовного дела как такового, т. е. «в уголовном процессе наряду с уголовными делами также рассматриваются дела разной правовой природы и сложности» (с. 122), в частности, в порядке ст. 125 УПК РФ, в порядке гл. 47 УПК РФ. Такого рода фрагментаризация уголовного процесса на разные дела вызывает возражения. Во-первых, она разрушает единую структуру уголовного процесса, т. к. количество «иных дел» учету не поддается даже в рамках одной стадии процесса. Скажем, можно ли считать, что рассмотрение судами вопросов в порядке ч. 5 ст. 415 УПК РФ и в порядке ст. 417 УПК РФ — это разные судебные дела с разной подсудностью? Если да, то в чем в таком случае единство стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств? Весь уголовный процесс тогда рассыпается на бесчисленное число автономных судебных дел. Что остается от его структурной стадийности? Получается, что, пытаясь «обустроить» определенные «помещения» (отдельные производства), мы сносим важные несущие стены, отсутствие которых грозит обрушением всему зданию. Во-вторых, в теории уголовного процесса феномен «локальной инстанционности» давно известен (например, французское инстанционное предварительное следствие) и связан исключительно с природой деятельности суда (всегда инстанционной). К появлению автономных стадий и иных судебных дел он не приводит, как не приводит и к появлению «особых производств». Дело остается в соответствующей стадии (например, предварительного следствия), но отдельный возникающий в его рамках вопрос, допустим, о мере пресечения, подлежит внешнему инстанционному (судебному) или внеинстанционному (прокурорскому и т. п.) контролю или надзору. Чаше всего такой вопрос существа дела не касается, но иногда может касаться, скажем, при прекращении уголовного дела. Здесь есть свои инстанции (апелляция, кассация) и т. п., но нет автономных судебных дел и особых производств, в том числе при рассмотрении судом жалоб в порядке

ст. 125 УПК РФ, т. к. вопрос о мере пресечения, иной мере процессуального принуждения, прекращении дела и т. п. *не может решаться вне рамок уголовного дела*. Ситуацию можно уподобить дереву: его стволу и ветвям. Визуально-пространственные отличия между стволом и ветвями понятны, но можно ли сказать, что ветви (иногда разрастающиеся выше ствола) существуют вне дерева, не связаны с его корнями и т. д.? Вряд ли. Думается, что та же логика применима и к стадии исполнения приговора: здесь, как неоднократно правильно отмечает автор, нет разрешения вопросов существа уголовного дела (это не ствол), но сам приговор, как и его исполнение, существуют внутри уголовного дела, а не вне его (они не автономны по отношению к дереву и его корням). Появление локальной инстанционности (апелляция, кассация и т. п.) приводит к разрастанию «ветвей», но не к их отрыву от «дерева» и его «ствола», иначе ветви теряют свою биологическую (в нашем случае процессуальную и материально-правовую) сущность.

4. Представляется, что диссертант несколько упрощенно излагает роль суда в уголовном судопроизводстве (с. 278–279), принимая за аксиому только одно понимание состязательности. В силу этого она приходит к выводу, что «в уголовно-исполнительном судопроизводстве» суд должен играть более активную роль (с. 284, 287), поскольку здесь невозможно говорить о «процессуальном равенстве возможностей основных участников процесса» (с. 278). Но разве в остальном уголовном процессе, включая его досудебные стадии, мы можем говорить о равенстве таких возможностей? Получается парадокс: осудить лицо, например, к пожизненному лишению свободы может «пассивный суд», а условно досрочно-освободить или снять судимость — только «активный суд» (второй вопрос важнее первого?). На взгляд официального оппонента, здесь мы вновь сталкиваемся с недостатками концепции исполнения приговора как «особого производства», когда единый уголовный процесс фрагментаризируется и запускается по разным «концептуальным рельсам», что способно привести к очевидным перекосам.

5. Позволю себе также сделать несколько локальных замечаний, скорее технических, нежели принципиальных. Диссертант в нескольких местах критикует идею исполнения приговора как «завершающей стадии» уголовного процесса (например, с. 100). Со стадией понятно (такова авторская концепция). Но почему «завершающей»? Пересмотр приговора (в порядке надзора, по новым или вновь открывшимся обстоятельствам) вполне может иметь место после его исполнения, в чем мы убедились в конце 1980—1990-х годов, когда пересматривались приговоры, вынесенные иногда за полвека до того (в 1930-е годы и т. п.). Приговоры были не только дав-

но исполнены, но в живых даже уже не было, к сожалению, многих осужденных, что не препятствовало пересмотру вынесенных в их отношении приговоров. Иначе говоря, исполнение приговора вовсе не обязательно является «завершающей стадией».

В другом месте диссертации не совсем ясно, почему «стадия возбуждения производства» отнесена автором к «досудебной части» уголовно-исполнительного судопроизводства (с. 214), если все решения в ней принимает суд (с. 216).

На странице 120 в диссертации указано, что в книге IV «О некоторых особых видах производств» УПК Франции имеется одиннадцать частей, что неверно (их значительно больше). Автора здесь, видимо, подвело чрезмерное увлечение «интернетом», поскольку если бы она воспользовалась последним академически корректным переводом УПК Франции (М., 1996), пусть даже устаревшим, то убедилась бы, что частей в книге IV уже тогда было отнюдь не одиннадцать (сегодня — еще больше). Но вместо академического источника дается ссылка на непонятный сайт неизвестного происхождения (к тому же по указанному адресу мы обнаруживаем не УПК, а УК Франции), что и приводит к очевидной ошибке, делающей бессмысленной соответствующую сравнительно-правовую теоретическую подводку со ссылкой на французский опыт. Это лишний раз показывает, что никакой

интернет-поисковик классическую библиотеку заменить не может.

Однако сделанные замечания имеют полемический, иногда частный, характер и не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования Л.А. Пупышевой, а также на общий вывод, который следует сделать после изучения рецензируемой диссертации.

Диссертационное исследование Л. А. Пупышевой «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса», представленное на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 — уголовный процесс, по своим актуальности, научной новизне, степени проработки проблемы, самостоятельности, достоверности и обоснованности выводов, полученных результатов, предложений и рекомендаций, является научно-квалификационной работой, **соответствующей** критериям, установленным пп. 9–11, 13, 14 и др. действующего Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции Постановления Правительства РФ от 11 сентября 2021 г. № 1539), а его автор Пупышева Любовь Андреевна **заслуживает** присуждения ей искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 — уголовный процесс.

УДК 165.12

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-257-262

5.7.6. Философия науки и техники

Эпистемические добродетели ученого: к постановке проблемы

Наталья Ивановна Мартишина

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и культурология»¹,
научный сотрудник междисциплинарной научной лаборатории
социально-гуманитарных проблем транзитивного общества²,

✉ nmartishina@yandex.ru

¹ Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск, Россия)

² Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Россия)

В статье дан краткий обзор утверждающегося в современной философской теории познания тематического направления, связанного с концептом «эпистемическая добродетель». Отмечено, что на данный момент не только существуют варьирующиеся трактовки самого термина, но определяются две различные логические линии в его интерпретации. Показано, что в общем виде эпистемические добродетели могут быть определены как личностные интеллектуальные качества, реализующиеся в познавательной деятельности и обеспечивающие надежность и достоверность достигаемого знания. Обоснована необходимость при рассмотрении различных видов познания (в том числе при разделении познания на научное и вненаучное) дифференцировать описание и круг эпистемических добродетелей, необходимых и специфичных для каждого вида. Показано, что определение эпистемических добродетелей ученого как субъекта научного познания может быть основано на традиции определения критериев научности знания.

Ключевые слова: наука, философия науки, социальная эпистемология, добродетель, эпистемическая добродетель, критерии научности, научное и вненаучное знание

Для цитирования: Мартишина Н. И. Эпистемические добродетели ученого: к постановке проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 257–262.

Epistemic Virtues of a Scientist: toward a Problem Statement

Natalya I. Martishina

Doctor of Science (in Philosophy), Professor, Head of the Chair of Philosophy and Cultural Studies¹,
Researcher at the Interdisciplinary Scientific Laboratory of Social and Humanitarian Problems of a Transitive Society²,

✉ nmartishina@yandex.ru

¹ Siberian State Transport University (Novosibirsk, Russia)

² Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)

The article provides a brief overview of the thematic area, being established in the modern philosophical theory of cognition, associated with the concept of «epistemic virtue». It is noted that currently there are not only varying interpretations of the term itself, but two different logical lines are defined in its interpretation. It is shown that in general terms epistemic virtues can be defined as personal intellectual qualities that are realized in cognitive activity and ensure the reliability and validity of the knowledge acquired. It is proven necessary, when considering various types of cognition (including the division of cognition into scientific and non-scientific), to differentiate the description and range of epistemic virtues indispensable and specific for each type. It is shown that

the definition of the epistemic virtues of a scientist as a subject of scientific cognition can be based on the tradition of determining the criteria for scientific character of knowledge.

Keywords: science, philosophy of science, social epistemology, virtue, epistemic virtue, criteria to establish scientific character, scientific and non-scientific knowledge

Citation: Martishina N. I. Epistemic Virtues of a Scientist: toward a Problem Statement. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 257–262 (In Russ.).

Появление концепта эпистемической добродетели и круга связанных с ним вопросов в современной эпистемологии связано, по-видимому, с очередным витком в определении меры объективного и субъективного в познании. Циклическое движение от классической античной и средневековой традиции, в которой знание сопрягалось с достоинствами человека, им обладающего, к нововременной элиминации субъекта, способного, с точки зрения мыслителей этой эпохи, не стать жертвой разного рода «идолов познания» и носителем разнообразных заблуждений только при наличии строжайшей интеллектуальной дисциплины, в идеале нивелирующей все личные качества и превращающей ученого в «логический автомат», сменилось в неклассической и постнеклассической науке своеобразной «реабилитацией субъекта», провозгласившей «принцип доверия человеку познающему». Представляется, что основанием для такого поворота является, с одной стороны, исчерпание фундаменталистских исследовательских программ, предполагающих, что достоверность знания может быть установлена путем редукции к независимым объективным фактам, с другой стороны, кризис традиционных научных механизмов перекрестной проверки значимых результатов посредством многократного их воспроизведения. В результате наука внезапно оказалась перед лицом ситуации, в которой любые внешние попытки установить надежность знания ограничены, и возможность взаимного использования результатов требует активизации, казалось бы, безнадежно устаревшего сопровождающего фактора — доверия к их источнику. Когда мы читаем в научном журнале сообщение о том, что проведенное исследование выявило что-то, то нам необходимо исходить из предположения, что такое исследование действительно состоялось и, по крайней мере, факты приведены правильно, в противном случае принятие этих данных во внимание в собственных построениях и вообще ознакомление с ними полностью теряет смысл. При этом система организации современной науки не дает нам никаких специальных инструментов для выяснения того, так ли это на самом деле, более того — не поддержит нас в намерении такую проверку провести (вряд ли стоит даже пробовать, например, получить грант на воспроизведение чужого исследования или опубликовать научную работу, содержащую исключительно

критический анализ чужой монографии). Таким образом, лишившись возможности придерживаться во всех случаях принципа «Доказательство есть доказательство, хотя бы его высказал сам отец лжи», мы поневоле вновь обращаемся к вопросу о том, кто же его высказал и в какой мере оно может быть гарантировано личностью высказывающего. А поскольку опыт обманутого «аванса доверия» имеется, вероятно, у каждого человека, проработавшего в науке хотя бы недолго, этот вопрос возвращается в нормативную плоскость, во внешне архаичную проблематику характера и качеств источника знания.

Общепризнанной точкой отсчета «эпистемологии добродетелей» как направления исследований является публикация статьи Э. Соса «Плот и пирамида: согласованность против основ теории познания», впоследствии вошедшей отдельной главой в книгу [1]. В ключевой метафоре этой книги пирамида является символом фундаментализма — идеи о возможности основать знание на устойчивых объективных фактах; плот же надежен не в силу свойств материала, а настолько, насколько крепко связаны бревна, т. е. наше внимание фокусируется на взаимной поддержке элементов знания и, соответственно, — субъектов познания. Примечательно, что в отечественной философии познания исследования субъектности познания привели к формированию перекликающейся с «эпистемологией добродетелей» позиции, наиболее отчетливо выраженной, по-видимому, Л. А. Микешиной [2], которая, в частности, указала, что «анализ познания должен исходить из живой исторической конкретности познающего, его участного мышления и строиться на доверии ему как ответственно поступающему в получении истинного знания и в преодолении заблуждений» [2, с. 159], что должна быть принята «презумпция устремленности субъекта познания к истине» [2, с. 159]. Ключевым аргументом для данного принципа послужила ссылка на эволюционную эпистемологию (также представляющую собой достаточно разработанное в отечественной философии познания направление): ведь именно истинное знание и наша способность его получать и обмениваться им выступает одним из условий выживания.

Конвергенция западной и отечественной традиций способствовала формированию общего поля исследований темы, в рамках которого работают

и российские, и зарубежные авторы. Тематическим ядром этого поля закономерно остается вопрос о наборе и даже уровне определения эпистемических добродетелей. В более простом, восходящем к Э. Соса варианте под эпистемическими добродетелями понимаются прежде всего надежные базовые способности к познанию: хорошее зрение, хороший слух, хорошая память и т. д. В отечественной литературе этот вариант именуется релейбилизмом (от *reliable* — надежный), и основным направлением его развития представляется рассмотрение в этом контексте также более сложных способностей, не только чувственных, но и рациональных: к абстрагированию, дедукции, интроспекции, синтезу, интуитивному поиску и т. д. (На наш взгляд, эта логическая линия трансформации подхода аналогична «ревизии» понятия человеческой природы: в постклассической антропологии вслед за естественными родовыми качествами и природными индивидуальными особенностями к природе человека начали относить качества, развитые и приобретенные им в индивидуальном опыте — «фонд бытия» в определении Г. Хенстенберга [3]). Синтетическим ориентиром данного направления является разработка представления о «правильном когнитивном характере» [4].

Альтернативным вариантом является респонсибилизм (от *responsible* — ответственный), акцентирующий внимание на необходимости учитывать мотивы познавательной деятельности. Как резюмирует А. Р. Каримов, в этом случае к эпистемическим добродетелям относятся «превосходные качества интеллектуального характера: любовь к истине и знанию, открытость ума, интеллектуальное мужество, интеллектуальное смирение и т. д.» [5, с. 10]. Иными словами, речь в данном случае идет об интеллектуальном срезе общих достоинств личности, которые могут проявляться не только в познании, но и в других сферах деятельности, в социальном взаимодействии вообще. И. Т. Касавин в связи с этим указывает даже, что эти достоинства не должны рассматриваться исключительно «как способности субъекта или черты характера личности, но, скорее, как функции всей совокупности взаимодействий, в которых происходит процесс познания» [6, с. 12].

В какой-то степени данное направление представляется более соответствующим исходному концептуальному содержанию самой идеи добродетели, поскольку в культуре понятие добродетели (в том числе в силу длительного развития в религиозном контексте) связывается в большей степени не с ресурсами, которыми человек наделен независимо от собственных устремлений, а с его осознанными волевыми усилиями по осуществлению того, что рассматривается как правильное. Так, Фома Аквинский, характеризуя добродетель и как «доброе качество»,

и как «совершенство способности» (модус бытия), поддерживает ее определение как «добраго навыка, производящего благие дела» [7, с. 72] (модус действия). «Однако способность в отношении бытия существует со стороны материи, которая является бытием в возможности, в то время как способность в отношении действия существует со стороны формы, которая является началом действия, поскольку все действует настолько, насколько оно является актуальным» [7, с. 71–72]. А поскольку именно форма является ведущим началом, «необходимо, чтобы человеческая добродетель была по сущности деятельным навыком» [7, с. 72]. Существовая на уровне качеств личности в возможности, добродетель становится актуальной только в деятельности, направленной на благие цели. В свете этого принципа представляется более точным описывать эпистемические добродетели как личностные (социально значимые) интеллектуальные качества, которые реализуются в познавательной деятельности и направлены на обеспечение надежности и достоверности достигаемого знания.

Представляется также, что отчасти различие релейбилизма и респонсибилизма может быть отнесено к их неявной ориентации на различные виды познания и, соответственно, к несовпадению функционального определения эпистемических добродетелей, требующихся в этих видах, прежде всего в научном и вненаучном познании. Так, обыденное познание в большей степени опирается на общие когнитивные способности, поэтому в нем, действительно, начальными эпистемическими добродетелями являются хорошее зрение, слух, память и т. д., в том смысле, что при прочих равных условиях следует полагаться на суждение человека, ими обладающего. Что же касается ценностно-целевой стороны информационных взаимодействий, то в случае обыденного познания наиболее вероятными источниками недобросовестного поведения являются факторы, лежащие вне сферы познания вообще: например, сообщение ложной информации в целях манипуляции нарушает не когнитивные, а общие нормы социального взаимодействия и происходит в силу недостатка у адресанта не познавательных способностей, а каких-то иных добродетелей. Не случайно мысленные эксперименты, которые часто предлагаются теоретиками релейбилизма, как правило, моделируют исключительно простые, бытовые ситуации.

Напротив, в научном познании предмет исследования не дан непосредственно, а создается теоретическим и практическим конструированием, используются специальные методы познания, технология применения которых «сама по себе является ремеслом» [8, с. 146], процедуры верификации и фальсификации строго нормируются и т. д. Все это — деятельностная составляющая познания,

что требует и определения соответствующих эпистемических добродетелей в «модусе действия», в противоположность обладанию. Опять-таки не случайно именно об ученых немедленно заходит речь при обращении к позиции респонсбилизма: «Дальтон и Лавуазье, Ламарк и Дарвин, Ньютон и Эйнштейн придерживались взглядов, которые получают сегодня разные оценки с точки зрения их истинности. Однако все они были, несомненно, образцами научной добродетели ... Эпистемические добродетели обладают, в первую очередь, нормативной силой, побуждают направлять познание к моральным целям и являются эпистемическими ценностями» [6, с. 11]. Поэтому представляется целесообразным (и эффективным для попыток конкретно определить состав эпистемических добродетелей) разграничить уровни рассмотрения темы и говорить, с одной стороны, об эпистемических добродетелях «человека познающего» (имея в виду прежде всего область обыденного познания) и, с другой стороны, о специфическом наборе эпистемических добродетелей ученого.

Если мы остановимся на необходимости определения последних в деятельностном плане и начнем рассматривать их как личностные качества ученого, поддерживающие реализацию требований к научному исследованию (по содержанию, по способу осуществления, по результату), то отправной точкой для отнесения тех или иных характеристик к эпистемическим добродетелям ученого должно быть понимание того, какие параметры вообще делают исследование научным. Таким образом, логика развития темы приводит нас к фундаментальной проблеме критериев научности как «родовых признаков науки» [9, с. 80].

В науковедении эта проблема является, вероятно, одной из самых обсуждаемых и настолько обширных, что дать сколько-нибудь ее полный обзор в рамках одного исследования невозможно. Наша позиция в отношении данной проблемы представлена, в частности, в работе «История и философия науки» [10, с. 33–95]. В связи с рассматриваемой темой мы хотели бы обратить внимание, во-первых, на операциональное значение этих критериев: поскольку такие критерии, как, например, обоснованность, являются не только описательными (наука является обоснованным знанием), но и нормативными (каждый познавательный результат для включения в научное знание должен иметь обоснование), то они с необходимостью предполагают сознательную направленность исследования на их реализацию. И во-вторых, выделяемые в настоящее время критерии научности соединяют в себе методологическое и аксиологическое значения. Так оценивает требования к правилам реализации научного исследования, в частности, Р. Мертон. Он пишет: «Методологиче-

ские каноны часто представляют собой как технические приемы, так и моральные принуждения» [11, с. 768]. И замечает также, что при этом «нравы науки имеют методологическое рациональное оправдание, однако обязывающими они являются не только в силу своей процедурной эффективности, но и потому, что считаются правильными и хорошими. Они в такой же степени моральные, в какой и технические предписания» [11, с. 770]. Как нам кажется, это дополнительно поддерживает идею о возможности построить определение эпистемических добродетелей ученого на методологических критериях научности. Возможно, наиболее правильным способом первоначального очерчивания их круга будет определение эпистемических добродетелей ученого в терминах способности и готовности к реализации в своей деятельности ключевых критериев научности.

С этой точки зрения критерий *объективности*, в частности, предполагает такую эпистемическую добродетель, как «установка на исследование объектов и процессов как подчиненных объективным законам» [9, с. 80], интенцию к объективности, в противоположность стремлению получить определенный внешними соображениями результат, по существу, готовность (и понимание обязанности) описывать мир таким, какой он есть, а не таким, каким мы или кто-то иной хотел бы его видеть. В условиях, когда тенденциозность активно проникает в научное познание (особенно социально-гуманитарное), эта добродетель из само собой разумеющейся становится достаточно высоким нравственным требованием к исследователю.

Критерий *обоснованности* требует сознательного стремления к ее достижению, которое также может быть оценено как эпистемическая добродетель и включает неприятие бездоказательных утверждений (и отрицаний), умение логически последовательно развертывать теоретические построения, понимание обязательности аргументации в случае возражения и критики.

Критерий *всеобщности и универсальности* научного знания требует от ученого не только и не столько развитых навыков обобщения, вывода, синтеза, но и таких более локальных достоинств, как умение принимать в качестве оснований для теоретических построений все имеющиеся (а не специально отобранные) факты и понимание необходимости рассматриваемых закономерностей, в противоположность обыденной готовности предположить, что из любого правила есть исключения.

Терминологическая строгость науки, наличие в ней собственных языковых средств обязывает исследователя *владеть терминологическим аппаратом и эффективно* его использовать, что отсекает, в частности, такие «эпистемические пороки», как склон-

ность к неумеренному продуцированию наукообразной терминологии или излишнюю свободу в ее использовании. Точно так же критерий *методологизма* означает для ученого требование владеть необходимым арсеналом методов своей предметной области (и совершенствоваться в этом отношении) и возлагает на него ответственность за выбор адекватного методологического инструментария.

Весьма жестким в современных условиях оказывается критерий *фальсифицируемости*, предполагающий способность исследователя допустить, что его позиция может оказаться ошибочной, вовремя обнаружить, что массив опровергающих фактов стал критическим, и адекватно на это отреагировать, возможно, отказавшись от разработки, на которую потрачено уже много сил и времени. Насколько редкой является в современной науке эта добродетель, периодически обнаруживают эмпирические науковедческие исследования, демонстрирующие, что большинство ученых, напротив, склонны пристрастно защищать собственную, а еще в большей степени групповую позицию даже под давлением альтернативных данных, демонстрируя при этом «эффект иммунизации» (У. Мак-Гайр) — углубление приверженности собственной позиции в процессе ее защиты от критики. (В ходе достаточно давнего и получившего в свое время широкую известность исследования М. Махони [12] выяснилось, что ученые в некоторых отношениях не уступают в использовании этой тактики даже священнослужителям).

Наконец, критерий *прогрессизма* (прогрессивно-го сдвига проблем), по существу, определяет ответственность ученого за обеспечение реальной новизны результатов, предполагающую, с одной стороны, знакомство ученого с предыдущей исследовательской традицией (в противоположность ее игнорированию и иллюзии создания концепции «с нуля»), с другой стороны, установку на содержательное продвижение в разработке проблемы, включающую столь непредвзятую, насколько это возможно, оценку масштаба собственных достижений и противодействие соблазну мультиплицирования одного и того же результата.

Таким образом, все основные критерии научности имеют выраженную операциональную составляющую, позволяющую интерпретировать их как предписания к совершению определенных действий, и открывают при этом определенный спектр возможных стратегий поведения, между которыми дол-

жен быть совершен выбор. Это и позволяет, на наш взгляд, оценить критерии научности как достаточно эффективные основания для определения конкретных эпистемических добродетелей ученого. Возможность их трактовки прежде всего как установок к действию может быть дополнительно поддержана следующими соображениями.

Во-первых, именно к такому определению постепенно смещается все тематическое поле формулировки критериев научности. Если первоначально они рассматривались как нормативные границы, позволяющие проводить четкую демаркацию науки и вненаучного знания, то умножение примеров неполного выполнения критериев в реальной научной практике, иногда — в концепциях, принадлежность которых к науке сомнений не вызывает, привело к указаниям на то, что критерии научности выступают, скорее, как ее признаки или «симптомы» и в конечном счете науку характеризует не столько их стопроцентное выполнение, сколько направленность на данные критерии, стремление к последовательному их обеспечению, притом что для других видов познания эти критерии ориентирами не являются.

Во-вторых, в науковедческих исследованиях *case studies* появилась тенденция отнесения к эпистемическим добродетелям ученых не только методологических, но и некоторых мировоззренческих установок. Например, В. П. Визгин, разбирая «эпистемические добродетели и пороки А. Эйнштейна», называет в их числе, наряду с более традиционными уникальной интуицией (личное качество, которое вполне мог бы зафиксировать релейбилизм) и научной смелостью, бунтарством, позволяющим посягать на казавшиеся незыблемыми догмы (видение, близкое к респонсibiliзму), также «веру в эвристическую силу математического аспекта физики» [13, с. 175]. Из более общих установок мировоззренческого характера, имеющих в деятельности ученого силу «навыка, производящего благие дела», можно было бы, вероятно, назвать натурализм — убеждение в том, что все происходящее в природе имеет объяснение в ней самой, и детерминизм как признание наличия оснований у всего происходящего. Такое расширение идеи эпистемических добродетелей выглядит весьма эвристичным еще и потому, что открывает возможность изучения того, как набор эпистемических добродетелей ученого трансформировался исторически. Представляется, что это одно из перспективных направлений дальнейшего развития темы.

Список источников

1. Sosa E. Knowledge in Perspective. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
2. Микешина Л. А. Философия познания: полемические главы. М., 2002.
3. Хенгстенберг Г. Э. К ревизии понятия человеческой природы // Это человек: антология. М., 1995.

4. *Tholen B.* How to Be a Responsible Scientist. The Virtues in Max Weber's Appeal to Scientists // *Social Epistemology*. 2021. No. 35:3.
5. *Каримов А. Р.* К знанию через добродетели: об основаниях аретического подхода в эпистемологии // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56. № 3.
6. *Касавин И. Т.* Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58. № 4.
7. *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 49–89. Киев, 2008.
8. *Борн М.* Моя жизнь и взгляды. М., 1973.
9. *Степин В. С.* Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // *Эпистемология и философия науки*. 2013. Т. XXXVI. № 2.
10. *История и философия науки / В. Д. Верескун, П. М. Постников, Ю. Д. Мишин, Н. И. Мартишина.* Новосибирск, 2011.
11. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
12. *Machoney M. J.* Psychology of the scientist: An evaluative review // *Social Studies of Science*. 1979. Vol. 9. No. 3.
13. *Визгин В. П.* Эпистемические добродетели и пороки А. Эйнштейна // *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58. № 4.

УДК 1:321.1

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-263-268

5.7.7. Социальная и политическая философия

Русский этнос и формирование политической нации

Александр Григорьевич Филимоновкандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии¹,

✉ fag55.55@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Россия, вступив на путь радикальных реформ после развала СССР в 1991 г., столкнулась с большим количеством проблем, без решения которых невозможно было ответить на вызовы времени. Экономике необходимо было перестраивать в соответствии с требованиями рынка, политическую сферу — с принципами демократии, духовную — с идеями свободы. Системные преобразования возможны были только при условии, что субъектом этого процесса является такая социальная группа в обществе, которая осознает свои интересы и выступает активным участником политического процесса в борьбе за контроль институтов государства. Опыт западных демократий подсказывал российским реформаторам, что таким носителем легитимности может быть только политическая нация. Если до политической нации субъектами политического процесса выступали привилегированные группы общества, то гражданская нация, становясь субъектом политического процесса, опирается на граждан государства, в котором нет привилегированных социальных групп, а все члены общества не только свободны, но и равны перед законом. По мнению реформаторов, построение демократического режима в России невозможно без формирования политической нации. Однако прошло 30 лет, но дискуссии о политической нации в современной России так и не прекращаются, а нового субъекта политического процесса по-прежнему нет.

Ключевые слова: нация, политическая нация, этнос, народ, демократия, государство, легитимность, субъект политического процесса, политическая партия

Для цитирования: Филимонов А. Г. Русский этнос и формирование политической нации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 263–268.

Russian Ethnos and the Formation of a Political Nation

Alexander G. FilimonovCandidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor, Associate-Professor at the Chair of Philosophy and Political Studies¹,

✉ fag55.55@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Russia, having taken the way of radical reforms after the collapse of the USSR in 1991, faced a large number of problems, without solving which it was impossible to respond to the challenges of the time. The economy had to be rebuilt according to the requirements of the market, the political sphere — according to the principles of democracy, the spiritual sphere – according to the ideas of freedom. Systemic transformations were possible only on the condition that the subject of this process was such a social group in society that was aware of its interests and acted as an active participant in the political process in the struggle for control over the state institutions. The experience of Western democracies suggested to the Russian reformers that only a political nation could be such a bearer of legitimacy. If before the political nation the subjects of the political process were the privileged groups of society, then the civil nation, becoming the subject of the political process, relies on the citizens of the state in which there are no privileged social groups, and all members of society are not only free, but also equal before the law. According to the reformers, building of a democratic regime in Russia is impossible without the formation of a political nation. However, 30 years have passed, but the discussions about the political nation in modern Russia are still in progress, and there is still no new subject of the political process.

Keywords: nation, political nation, ethnos, people, democracy, state, legitimacy, the subject of the political process, political party

Citation: Filimonov A. G. Russian Ethnos and the Formation of a Political Nation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 263–268 (In Russ.).

Распад Советского Союза и получение независимости Российской Федерацией поставили перед политическим классом вопрос о социально-

политической модели развития российского общества. Правящая элита вместе с президентом Б. Ельциным выбрала либеральный путь развития, что

и было зафиксировано в первой статье Конституции: Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Таким образом, новые власти взяли за основу развития российской государственности опыт западных стран с либеральным устройством всех сфер общественной жизни. Важным звеном в этой социально-политической модели является наличие политической нации. Например, Э. А. Паин, С. Ю. Федюнин утверждают, что «без государства-нации не получится построить либеральную демократию (и демократию вообще) поскольку она может осуществляться только в пределах четко определенного политического сообщества [1, с. 95]. Американский исследователь А. Ливень также указывает на то, что политическая нация — «единственная форма, в которой может быть организована эффективная демократия» [2].

Приняв за основу положения западной модели развития современного общества, российская элита предприняла попытку не только сформулировать основные положения о политической нации, но и начала предпринимать определенные практические шаги по решению этой задачи. Впервые на официальном уровне упоминание о необходимости формирования в современной России политической нации прозвучало в послании президента Б. Ельцина Федеральному Собранию, в котором он отметил, что национальные проблемы будут «сглаживаться на основе нового, заложенного в Конституции понимания нации как согражданства»¹. Президент В. В. Путин в 2001 г. выступил с заявлением, что XXI в. в России должен стать веком появления новой нации — россиян². Д. А. Медведев в 2011 г. на заседании Президиума Госсовета говорил, что задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну³.

Вопросы политической нации обсуждаются как зарубежными, так и российскими исследователями этнополитики [3, с. 376; 4, с. 400]. Предмет исследования вопросов политической нации представлен двумя концепциями: примордиальной и конструктивистской. Конструктивисты полагают, что нация — это конструкт, который формируется субъектом общественных отношений. Э. Геллнер считает, что таким субъектом выступают националисты. «Нация — это конструкт, который создает национализм: именно национализм порождает нации, а не наоборот» [5, с. 48–49].

Как политический лозунг и средство мобилизации нацию рассматривает и российский исследователь этнополитических процессов В. А. Тишков [6, с. 62]. Ценностями для такого социального субъекта выступают свобода личности, верховенство права, конституционность законов, выборность властей, плюрализм общественного мнения и др. Развивая положения конструктивизма, его представители, как правило, делают ссылку на французский и североамериканский опыт, когда за основу формирования взяты идеи модерна, а не культура большого этноса, представленного в обществе. В США, стране мигрантов, не могла формироваться политическая нация, опираясь на культурно-исторические корни коренного этноса Северной Америки. На этой территории сознательно шел процесс конструирования политической нации на основе английского языка, протестантского вероисповедания, американской системы образования, а также верности граждан политическим и идеологическим ценностям, которые были заложены в Конституции США. Подобные процессы проходили и во Франции после Великой французской революции 1789 г. Поэтому, с точки зрения данных исследователей, политическая нация не связана с культурой какого-либо этноса, проживающего в государстве [7]. В то же время ряд исследователей французской политической нации не отрицают роли, которую в этом процессе сыграла культура этнической группы галлов и французский язык. В 1789 году, на момент Великой французской революции, большая половина населения страны не знала французского языка. Однако последовательная политика государства по переводу преподавания дисциплин в образовательных учреждениях на французский язык постепенно обеспечивала процесс формирования общефранцузской идентичности [8]. В американской истории становления гражданской нации существенную роль сыграли англосаксонский этнос и английский язык. Например, С. Хантингтон утверждает, что английский язык, патриотизм, трудовая этика, религиозная вера, традиции англосаксонского этноса и идеология пуританизма не только способствовали формированию политической североамериканской нации, но и определили судьбу современной Америки [7, с. 635].

Исследователь национальных процессов в обществе Э. Смит в ряде своих научных работ останавливается на роли больших этнических групп, которую они сыграли в становлении и развитии политической

¹ Ельцин Б. Н. Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Об укреплении Российского государства». М., 1994. С. 48–49.

² Путин В. В. XXI век должен стать веком появления новой нации — россиян. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=35652> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Медведев Д. А. Российская нация должна состоять из самобытных народов. URL: <https://ria.ru/20110211/333366199.html> (дата обращения: 18.02.2023).

нации [8, с. 464]. В. А. Аверьянов также уделяет внимание этому факту, когда пишет, что «нация — это самовозрастающий, способный к сверхэтнической солидарности социальный организм; нация всегда формируется на основе сильного племени и способна стать коалицией этносов. Важным аспектом понимания нации являются ее характеристики как большой коммуникативной системы»⁴.

Таким образом, роль ведущего этноса и его культурного наследия в жизни того или иного государства нельзя не учитывать в процессе становления политической нации. Этот вывод имеет значение для России, потому что формирование политической нации идет в многонациональном государстве, народы которого веками живут на своей земле, имеют глубокие корни. Без этнической составляющей политическая нация граждан теряет связи с историей своего народа и превращается в субъект общественного процесса, для которого главными в жизни становятся не интересы народа, а прибыль, личная заинтересованность или успех. Против этого выступали националисты таких государств, как Турция, Япония, Германия. Элита этноса этих государств брала на себя не только всю ответственность за решение данного вопроса, но и все издержки, которые она при этом несла. Так, один из либеральных японских реформаторов писал: «Цель моей жизни — увеличить национальную мощь Японии. В сравнении с сообщениями об укреплении страны вопрос внутреннего управления и того, в чьих руках оно окажется, не имеет никакого значения»⁵.

В многонациональном Российском государстве этнической группой, которая по объективным и субъективным основаниям способна не только стать ядром вновь формирующейся политической нации, но и взять на себя ответственность за этот процесс, должна быть русская этническая группа. Это диктуется как историей российского общества, так и ролью, которую сыграл русский этнос в защите независимости и суверенитета Российского государства.

Русский этнос представлен тремя ветвями восточнославянских племен, которые продолжают традиции древнерусского народа. Древнерусский народ, состоящий из восточнославянских племен, создал в X в. государство, которое в историю народов вошло под названием Киевская Русь. Однако в резуль-

тате нашествия монголо-татар в XIII в. Киевская Русь прекратила существование: северо-восточная часть стала контролироваться Золотой Ордой, юго-западная — Польшей, северо-западная — Литвой. Четырехсотлетнее раздельное существование древнерусского народа способствовало формированию новых ветвей русского этноса: великороссов, малороссов, белорусов. Великорусская ветвь русского народа, представленная населением земель северо-восточной Руси, под предводительством Московского княжества в XIV в. освободила территорию от Золотой Орды. На протяжении последующих веков Московское государство, Российская империя выполнили задачу объединения русского народа. Малороссы и белорусы вошли в состав Российской империи. Президент Российской Федерации В. В. Путин в статье «Об историческом единстве русских и украинцев» подчеркивает, что «в российской империи шел активный процесс развития малороссийской культурной идентичности в рамках большой русской нации, соединявшей великороссов, малороссов и белорусов»⁶. Он отмечает, что «радикальные изменения в этом историческом процессе произошли в период строительства Советского государства, когда советская национальная политика вместо большой русской нации, триединого народа, состоящего из великороссов, малороссов и белорусов, — закрепила на государственном уровне положение о трех отдельных славянских народах: русском, украинском и белорусском»⁷. В едином Советском государстве созданы три республики: Белорусская Советская Социалистическая Республика, Украинская Советская Социалистическая Республика и Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Если белорусская ветвь русского народа получила этническое название, за малороссами закрепилось название «украинец», то великоросс стал отождествляться с русскими. После развала Советского государства три ветви единого русского народа вновь стали жить вне рамок единого государства.

Российская Федерация — это многонациональное государство, в котором проживает более 190 различных этносов. Перепись, проведенная в Российской Федерации в 2020 г., показала, что русскими себя назвали 81,1% опрошенных⁸. Современные русские интегрированы с другими народа-

⁴ URL: <https://izborsk-club.ru/12331> (дата обращения: 12.11.22).

⁵ Цит. по: Ливен В. А. Почему национальная мотивация нужна для развития и реформ. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/progressivnyj-nacjonalizm/> (дата обращения: 18.02.2023).

⁶ Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181> (дата обращения: 15.12.2023).

⁷ Путин В. В. Русские оказались самой большой разделенной нацией в мире. URL: <https://maxfux.livejournal.com/930442.html> (дата обращения: 15.02.2023).

⁸ Национальный состав населения России: первые итоги переписи — 2020. URL: <https://mingitau.livejournal.com/351643.html> (дата обращения: 05.12.2022).

ми во все сферы жизни, поэтому ни одно решение федеральных, региональных и местных властей не может не затрагивать их интересов. Это относится ко всем административно-территориальным и национально-территориальным образованиям РФ, независимо от того, составляют или не составляют в них русские этническое большинство.

Существенная роль в процессе формирования политической нации отводится субъектам, которые организуют этот процесс. Такими субъектами выступают государство, политические партии, этнические группы.

Рассматривая роль Русского государства в этом процессе, важно обратить внимание на его возможность взять на себя роль организатора процесса формирования политической нации. Ю. Пивоваров и А. Фурсов, исследуя особенности развития Российского государства, отмечали, что для него характерна моноцентричность, т. е. наличие одного субъекта в принятии основных решений [9, с. 39–47]. Именно моноцентричность Российского государства позволяла ему на протяжении долгого исторического периода навязывать обществу систему ценностей только с позиции своих интересов. Обществу вынуждено было их принимать, так как не имело ни материальных, ни духовных ресурсов, чтобы на равных с государством отстаивать свои интересы. Об опасности моноцентризма в выборе ценностей напоминает С. И. Каспэ когда пишет, что «сам статус моноцентра гарантированно превратит любую инициативу по выстраиванию центральной ценностной системы, предпринятую им единолично, в кондовый административно-бюрократический процесс, причем уродливость форм процесса будет прямо пропорциональна его энергичности (еще и с умножающим коэффициентом, привнесенным общеизвестными обычаями отечественной администрации» [10, с. 15]. Правоту слов С. И. Каспэ доказывает практика последних десятилетий современного Российского государства, когда либеральные демократы навязали обществу систему ценностей, которые противоречили основам его существования. Доказывая представителям западного сообщества преданность демократическим принципам, они совершенно открыто демонстрировали неуважение к собственному народу. Многие их решения напоминали политику представителей колониальных администраций в странах Латинской Америки или Африки.

Отмечая неоднозначную роль государства в решении сложных проблем российского общества, важно констатировать, что без государственного

участия в этом процессе достичь конкретных результатов невозможно. Во-первых, у государства большой опыт организационной работы, во-вторых, оно заинтересовано в демократическом транзите, так как дает ему право на равных конкурировать с международным сообществом, и в-третьих, направить усилия на сохранение культуры и традиции этносов, проживающих в России.

Политические партии как субъекты политического процесса, участвуя в формировании нации (граждан), обязаны руководствоваться Федеральным законом № 95 «О политических партиях»⁹. Однако, несмотря на ч. 3 ст. 9, в которой отмечается, что «не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности», участие политических партий в формировании нации не противоречит закону. Во-первых, работа партий не направлена на формирование национальной исключительности русского или другого этноса. Во-вторых, они участники единого для всех этнических групп интеграционного процесса по формированию политической идентичности.

В научном дискурсе рассматриваются две теоретические доктрины политической нации в демократическом государстве: это концепции «государство-нация» и «нация-государство»¹⁰. Нация-государство, с однотипной политической идентичностью, формируется в унитарных государствах (например, Япония, Португалия) или в государствах с симметричной федерацией (Австралия). Для них характерны единый государственный язык, политика ассимиляции, формирование единой идентичности. В политический процесс не допускаются партии, сформированные по региональному признаку, сепаратистские партии — вне закона.

Формирование политической нации в российском обществе должно проходить не в парадигме «нация-государство», а в парадигме «государство-нация». Концепция «государство-нация» позволяет рассматривать процесс нациестроительства как большую коммуникативную систему, в которой участниками исторического действия выступают этнические группы, проживающие на территории России. В этой парадигме этнические группы получают статус субъектности, который дает основание осознать не только необходимость формирования в России гражданина-творца, но и принимать самим участие в нациестроительстве. Наделенность каждого народа России субъектностью процесса нациестроительства дает основание этническим группам

⁹ О политических партиях : федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Степан А. «Государство-нация» и «нация-государство» URL: <https://studfile.net/preview/5786385/page/7/> (дата обращения: 11.02.2023).

воспользоваться своей правосубъектностью в рамках полномочий, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Политическая нация в этом случае становится продуктом творчества этнических групп, когда в обществе на смену зависимого от государства человека-подданного приходит гражданин-творец, свободный субъект политического процесса. Получить статус гражданина-творца позволяет положение в системе производственных отношений как собственника средств производства. Опора на собственные ресурсы позволяет ему сформировать государство, отвечающее его интересам. Таким государством стало договорное, правовое государство с демократическим режимом правления. Политическая нация, представленная гражданином-творцом, а не человеком-подданным, становится источником власти в демократическом государстве. Таким образом, политическая нация — результат развития общества, когда на смену господствующим до этого рентным отношениям приходят рыночные, которые устанавливают особый национальный режим социально-экономической и идеологической общности.

Формирование политической нации в концепции «государство-нация» в России предусматривает закрепление в общественных отношениях базовых демократических принципов: а) развитие и укрепление частной собственности и рыночных отношений; б) утверждение федерации как формы государственного устройства, которая открывает варианты поиска государственного бытия для каждого этноса; в) защита прав и обязанностей граждан государства; г) гарантии политической идентичности этнических групп; д) формирование культурного национализма в противовес сепаратистским настроениям; е) обеспечение комплементарности культур народов при сохранении их многообразия.

Концепт «государство-нация» позволяет рассматривать русских ядром формирующейся политической нации, в котором претензии других этносов на сохранение самобытности не подрываются, а наоборот, создаются условия для сохранения и развития. Становление и развитие политической нации основывается не только на общем предке этнических групп, но и на общности политической судьбы, национальной истории и обусловленной этим общности воспоминаний, гордости, радости и страданий, связанных с пережитым в прошлом. Сохранение традиций, успешное и эффективное решение проблем современности, устремленность в будущее — вот необходимые условия формирования политической идентичности нации. Скрепляющим звеном в этом процессе высту-

пает русский язык как язык государствообразующего русского народа. В такой концепции запросы этносов в России на участие в политическом процессе государства не ущемляются, а наоборот, создаются возможности для представителей этнических групп участвовать в управлении нацией в целом. Субъектами политического процесса в таком государстве выступают не только государственные институты, политические партии, но и этносы. Этнические группы также наделяются субъектностью и получают права на защиту собственной самобытности. Являясь носителями субъектности, этносы российского общества рассматриваются как союз народов, которым не угрожает судьба людей, приехавших в США и исчезнувших в плавильном котле. В таком государстве этническим группам предоставляются равные права и обязанности, а русский этнос выступает как государствообразующий народ.

Статус государствообразующего дает русскому этносу основание, во-первых, осознать ответственность за судьбу России и определять демократический вектор развития. Демократия в этом случае рассматривается не как цель, а как средство, при помощи которого обеспечивается гарантия суверенитета государства и безопасности общества. Во-вторых, включить многовековой опыт государственного строительства на укрепление новых отношений, в которых не государство будет навязывать гражданину планы развития страны, а наоборот, гражданин-творец будет определять цели развития общества и контролировать государственные органы власти. В-третьих, использовать потенциал русской культуры на сохранение суверенитета государства. Русская идентичность в концепции «государство-нация» формируется на осознании единой судьбы народов. Венцом этого процесса будет принятие гражданской присяги на едином государственном русском языке. В-четвертых, предоставить этническим группам возможность участвовать в управлении политической нацией с гарантией сохранения личных прав и свобод. Это объединяет этносы российского общества на основе общих смыслов, идей, правил, демократических принципов и позволяет включиться в процесс политического управления государством. Острая полемика среди исследователей политической нации идет по вопросу названия нации. Президент Российской Федерации В. В. Путин говорит о российской, но не о русской нации¹¹. Такой позиции придерживаются и ряд российских исследователей, считающих, что логичнее назвать новый политический субъект «российская нация», но не «русская нация» [б, с. 62;

¹¹ Путин В. В. Русские оказались самой большой разделенной нацией в мире. URL: <https://maxfux.livejournal.com/930442.html> (дата обращения: 15.02.2023).

10, с. 5–39]. Другая группа ученых утверждают, что путь, который совместно прошли народы России, дает основание называть новый субъект общественных отношений «русская нация» [4, с. 400]. Рассматривая особенности первой концепции, сторонники названия «русская нация» утверждают, что концепт «российская нация» — это продукт Российского государства и бюрократического класса. В этой парадигме народы под давлением интересов государства способны потерять самобытность

и не быть субъектом демократических процессов в обществе. Концепт русской нации дает русскому этносу и другим этносам возможность вести диалог с государством по вопросам развития, не давая государственной бюрократии навязывать политику, которая не отвечает их интересам. В концепции «русская нация» граждане Российского государства становятся субъектами политического процесса, непосредственными участниками формирования институтов государственной власти.

Список источников

1. Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Нация и демократия. Статья 2: Иллюзии «постнационального» мира и кризис западных демократий // ОНС. 2018. № 1.
2. Ливень А. Прогрессивный национализм // Россия в глобальной политике. 2020. № 5.
3. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М., 2002.
4. Ремизов М. В. Русские и государство: национальная идея до и после «крымской весны». М., 2016.
5. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
6. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
7. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
8. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.
9. Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.
10. Каспэ С. И. Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай. (II). // Полития. 2009. № 4(55).

УДК 1:321.01

doi: 10.24412/1999-625X-2023-390-269-273

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Теодицея как теолого-политическая проблема

Алексей Владимирович Яркеевдоктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник¹,

✉ alex_yarkeev@mail.ru

¹ Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Связь между теологией и политикой с самого начала устанавливается в рамках теодицеи. В средневеково-христианских спекуляциях теологизация политических отношений и понятий продуцирует проблему божественного управления миром, которая, в частности, приобретает форму оправдания Бога за существование зла в мире. Утверждается, что ввиду параллелизма между небесной и земной властью теодицея по своему существу оказывается теологической парадигмой политического, морального и юридического иммунитета суверена как личности. В современной политической философии данная проблема заостряется в связи с концепцией «политической теологии» немецкого правоведа К. Шмитта. Абсолютный характер суверенного решения, которое, с нормативно-правовой точки зрения, рождается «из ничто» (*ex nihilo*), является пролонгацией теологического понятия всемогущей божественной воли. Но такая власть, не считающаяся с естественными ограничениями и разумными основаниями, оборачивается абсолютным произволом.

Ключевые слова: политическая теология, политика, теодицея, власть, суверен, суверенное решение, воля

Для цитирования: Яркеев А. В. Теодицея как теолого-политическая проблема // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3(90). С. 269–273.

Theodicy as a Theological and Political Problem

Alexey V. YarkeevDoctor of Science (in Philosophy), Associate-Professor, Leading Researcher¹,

✉ alex_yarkeev@mail.ru

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

The connection between theology and politics is established from the very beginning within the theodicy. In medieval Christian speculations, the theologization of political relations and concepts produces the problem of divine control over the world, which, in particular, takes the form of God's justification for the existence of evil in the world. It is argued that in view of the parallelism between heavenly and earthly power, theodicy in its essence turns out to be a theological paradigm of the political, moral and legal immunity of the sovereign as a person. In modern political philosophy, this problem is accentuated in connection with the concept of «political theology» of the German jurist C. Schmitt. The absolute character of the sovereign decision, which, from a legal and regulatory point of view, is born "out of nothing" (*ex nihilo*), is a prolongation of the theological concept of the omnipotent divine will. However, such power, which does not take into account natural limitations and reasonable grounds, turns into absolute arbitrariness.

Keywords: political theology, politics, theodicy, power, sovereign, sovereign decision, will

Citation: Yarkeev A. V. Theodicy as a Theological and Political Problem. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 3(90). Pp. 269–273 (In Russ.).

Актуализированный и эксплицированный К. Шмиттом концепт политической теологии строится на экспозиции своего рода «бессознательной сцены» политического (государственно-правового), доступ к которой открывается знаменитым тезисом-паролем, гласящим, что все точные понятия современного учения о государстве являются результатом секуляризации теологических понятий [1, с. 57]. Политическая теология предъявляет радикальную понятийную структуру, которая лежит в основе поли-

тической реализации власти в эпоху модерна. И прежде всего это видно на примере государственного суверенитета, понятие которого выводилось Ж. Боденом непосредственно из представления об абсолютном и неделимом характере власти Бога. «Чтобы довершить картину, достаточно добавить, что перед государством человек испытывает тот же самый трепет, что и перед всемогущим Богом» [2, с. 184]. Важно, однако, учитывать тот факт, что взаимосвязь между теологическим и политическим не носит односто-

ронного характера, но действует в обоих направлениях, т. е. теологическое политизировано в той же самой степени, в которой политическое теологизировано: религия, давшая точные понятия учению о государстве, сама родилась «из духа политического» [3, с. 67–68]. Иными словами, теологические дефиниции также являются продуктом теологизации политических понятий [4, с. 321–322].

Согласно Л. Фейербаху, тайну теологии следует искать в антропологии: подобно тому, как в представлении тела подразумевается абсолютное пространство, в идее человека содержится идея Бога. «Это значит, что Бог есть безграничное человеческое существо — человеческое существо, взятое без ограничений, без недостатков и пороков, поэтому как прообраз, идеал человека» [5, с. 369]. От себя уточним, что тайну теологии нужно искать в *политической* антропологии: идея Бога — это не просто идеализированный человек, а результат упразднения границ совершенств человека в ипостаси земного правителя; соответственно, Бог как абсолютный господин является прообразом и идеалом монарха, лишённого таких недостатков, как нерешительность, неуверенность, неопределённость и т. п. Этот принцип А. Кожев возвел в ранг методологической установки в исследовании феномена власти: поскольку человек переносит на Бога обнаруживаемое в себе самом и приписывает Богу максимум власти, постольку анализ божественной власти является, в действительности, анализом власти человеческой: изучая власть Бога, мы, словно с помощью микроскопа, можем более обстоятельно разобрать то, как устроена власть в человеческом мире, поэтому «необходимо пользоваться понятием Бога, даже признавая то, что последний не существует, будучи лишь „мифом”» [6, с. 11]. С этой точки зрения государственный суверенитет можно квалифицировать как политический (атеистический) монотеизм (суверен является юридическим лицом, а не физическим, поэтому не имеет значения, кто конкретно находится у руля власти — один человек или группа людей).

Связь между теологией и политикой с самого начала устанавливается в координатах того, что значительно позже благодаря Г. Лейбницу получило наименование «теодицея». Термин «теология» впервые появляется в платоновском трактате «Государство» в диалоге Сократа и Адиманта, обсуждающих место и роль словесного искусства в вопросах воспитания юношества, которое должно быть ограждено от ложных символов и идей, искажающих природу божественного: Бог по существу благ, значит не вредоносен и не творит какое-либо зло; то, что не творит зло, не может быть и причиной зла, следовательно, «для зла надо искать какие-то иные причины, только не Бога» [7, с. 93–94]. Платоновское «божественное»,

обладающее универсальной объясняющей силой, включает в себя неустранимый *личностный* элемент, сохраняющийся за счет адресованного человеку императива «стать подобным Богу» [8, с. 106].

Хотя Платон и ввел первым термин «теология», все же основоположником рациональной теологии следует считать Аристотеля, который термином *theologike episteme* обозначил «науку о высших принципах», или «первую философию», впоследствии названную «метафизикой» [8, с. 7]. В аристотелевской теологии Бог выступает в качестве неподвижного Перводвигателя, который, мысля себя, мыслит и все наилучшее в мире. Хоть Аристотель и не использует в этом контексте термин «монархия», ее идея имманентным и имплицитным образом уже присутствует здесь. Тем самым метафизическая концепция неподвижного Перводвигателя у Аристотеля оказывается своего рода *archetypus intellectus* последующих теолого-политических обоснований монархической власти [4, с. 26]. Средневековая политическая философия воспринимала монархическую форму правления как естественное воплощение в государстве установленного Богом порядка.

В средневеково-христианских спекуляциях теологизация политических отношений и понятий продуцирует проблему божественного управления миром, которая, в частности, приобретает форму оправдания Бога за существование зла в мире, поскольку бедствия и ужасы мира находятся в противоречии с образом мудрого, справедливого и благого Творца. «Для подобного оправдания, — пишет И. Кант, — требуется, чтобы этот предполагаемый поверенный Господа доказал, что: *либо* то, что мы в этом мире считаем нецелесообразным, не есть таковое, *либо*, если оно все же таковое, оно, однако, может почитаться не за нечто созданное, а за неизбежное следствие природы сущего, *либо*, наконец, оно должно рассматриваться как созданное, однако не высшим Создателем всего сущего, а только лишь теми мировыми существами, которым так или иначе можно что-либо вменить в вину, т. е. людьми (а также в крайнем случае высшими духовными существами, добрыми или злыми)» [9, с. 138]. Деификация (*deificatio*) земной власти позволяет мыслить о Боге с точки зрения его *святости* как *законодателя*, его *благости* как *правителя*, его *справедливости* как *судьи* [9, с. 140]. Тогда, *vice versa*, правомерно рассматривать рассуждения в рамках теодицеи в аспекте их отношения к земной власти суверена как личности. Соответственно, по своему существу теодицея оказывается теологической парадигмой политического, морального и юридического иммунитета суверена (читай: оправдание суверена за существование зла в государстве/обществе). Будучи представителем Бога и тем самым воплощением божественной власти на земле (в оптике

«двух тел короля»: смертный по природе как человек, бессмертный по благодати как земной Бог), суверен, как полагали некоторые средневековые юристы, «не способен не только поступать дурно, но и думать дурно. Он никогда не предполагает совершить неподобающего деяния. В нем нет ни глупости, ни слабости» [цит. по: 10, с. 72]. В средневековой Англии в силу неприкосновенности особы короля даже потребовалось придумать фикцию министерской ответственности, «импичмент» (impeachment), потому что «тогда гораздо меньше опасались несправедливо покарать министра, нежели справедливо свергнуть короля» [11, с. 191].

Постепенная секуляризация суверенной власти привела к трансформации божественно-политического тела короля в национально-политическое тело народа. Кровавым символом этого перехода стала казнь французскими революционерами короля Людовика XVI в 1793 г. «Декапитация» монарха означала «коронацию» народа. Однако казнь «показала также, что революционеры все еще находились под колдовским влиянием абсолютистских образов и идей, связанных с телом короля, которые новый, просвещенный порядок решил уничтожить» [12, с. 65]. Сакральность политического тела короля была попросту перенесена на политическое тело народа, а королевским иммунитетом был наделен публичный представитель этого нового политического тела (правитель, парламент, партия, комитет и т. п.).

В политической теологии Т. Гоббса (именно так определяет политическую философию английского мыслителя К. Шмитт) суверен представляет собой коллективное тело подданных, являясь «смертным Богом» на земле. Ввиду того, что всякое действие суверена совершается по договору от лица и по праву каждого из подданных в отдельности, он не может быть свергнут, наказан или лишен своих властных полномочий. В силу этого же обстоятельства суверен, что бы он ни делал, не может быть обвинен в неправомерности или несправедливости, так как «тот, кто делает что-либо, на что он уполномочен другим, не может этим совершить неправомерного акта по отношению к тому, кем он уполномочен» [13, с. 175]. В целом И. Кант воспроизводит в этом пункте гоббсовскую конструкцию суверенной власти, рассматривая суд над монархом (особенно казнь монарха по форме) в своей доктрине права как непристойный абсурд, как радикальное зло, как самоубийство государства. Народ обязан терпеть любые злоупотребления верховной власти, даже те, которые считаются невыносимыми, так как сопротивление народа, чтобы быть правомочным, должно опираться на публичный закон, который разрешал бы подобное сопротивление, но тогда это приводило бы к противоречию, «т. е. верховное законодатель-

ство содержало бы в себе определение, в силу которого оно не было бы верховным, а народ как подданный стал бы в одном и том же решении сувереном над тем, кому он повинует» [14, с. 353]. Как бы то ни было, возможное низложение монарха не должно, аргументирует И. Кант, сопровождаться его наказанием за правление, так как, будучи источником законов в качестве главы государства, он не может считаться в своих действиях поступающим не по праву.

Именно суверен выступает той инстанцией, которая *решает*, что именно в обществе является добром или злом, законным или незаконным, справедливым или несправедливым. Т. Гоббс трактует это суверенное право на примере божественной юрисдикции по вопросам добра и зла, которые под именем древа познания были запрещены Адаму, чем испытывалось его повиновение власти Бога. Вкусив плодов с этого древа, т. е. присвоив себе отправление правосудия по вопросам добра и зла, Адам и Ева сочли свою наготу — в какой-то сотворить их было волей Божьей — непристойной. «И вслед за этим Бог говорит: *разве ты вкусил* и т. д., желая этим сказать: разве ты, который обязан Мне повиновением, взял на себя быть судьей моих повелений? Этим ясно (хотя и аллегорически) сказано, что подданные не имеют права порицать или оспаривать повеление тех, кто обладает правом повелевать» [13, с. 206–207]. Так, анализируя историю ветхозаветного Иова, И. Кант полагает, что Иов оказывается прав, когда в ходе диспута между ним и его друзьями «высказывается за систему теодицеи, признающую *решение Господне непрекаемым*» [9, с. 150]. Не праведник, оказывающийся жертвой божественного произвола, обрушивающего на него многочисленные страдания и бедствия, создал этот мир и не он им управляет. Только Бог волен решать. Этим доводом Т. Гоббс мотивировал явную несправедливость со стороны суверена в отношении лояльных подданных, которые ориентируются на действующие законы, но при этом могут заслужить кару вместо награды. «Обосновать это, опираясь на доводы разума, невозможно, потому что все доводы разума придуманы для обоснования лояльного поведения как разумного, праведного и вознаграждаемого. <...> При этом они теряют не только право на борьбу, но и на разумную дискуссию с сувереном. По идее “смертный Бог” создает образцы человеческого суждения о справедливом, однако “право права” не может быть обоснована чисто имманентным образом...» [15].

В современной политической философии данная проблема заостряется в связи с децизионизмом К. Шмитта. Метаюридический момент суверенного решения представляет собой *creatio ex nihilo*, поскольку с нормативно-правовой точки зрения

решение рождается «из ничто» [1, с. 51]. Суверенным решением в высшем смысле является решение о чрезвычайном положении, которое К. Шмитт сравнивает со значением чуда в христианской теологии: аналогично тому, как Бог вмешивается посредством чуда в действие законов природы, так и суверен посредством решения о чрезвычайном положении приостанавливает нормальное функционирование всего правопорядка. Именно последнее обстоятельство показывает и доказывает со всей очевидностью, что «и правопорядок, подобно любому порядку, покоится на решении, а не на норме» [1, с. 21]. Поскольку порядок отделяется от государства/общества и связывается с инстанцией его вменения, постольку суверен тогда оказывается трансцендентным по отношению к государству/обществу, которое он учреждает (придает нормальный вид условиям жизни, чтобы могли действовать формулы права) посредством своего абсолютного решения. В теологии мир является творением трансцендентного Бога, а в политической теологии государство/общество оказывается созданием трансцендентного суверена¹. Суверен внеположен общественному порядку не в физическом и даже не в метафизическом смысле, а в смысле теологическом. Чтобы это уяснить, необходимо для начала обратиться к введенному К. Шмиттом различию между комиссарской и суверенной диктатурами. Комиссарская диктатура действует в условиях существующего (право)порядка, от него получает свой властный мандат, носит характер временного технического средства, направленного на устранение того, что препятствует нормальному ходу вещей. Совершенно другое дело суверенная диктатура: она обнаруживает себя в ситуации, когда прежний (право)порядок уничтожен, а все, что имеется, — это диктат воли учредительной власти. «Последняя принципиально неограниченна и может делать абсолютно все, поскольку она не подчиняется конституции, а сама ее поставляет. <...> Из бесконечной, непостижимой бездны ее власти возникают все новые формы, которые она может в любой момент разрушить и которыми власть эта никогда не бывает окончательно определена» [16, с. 270–274].

Различие между комиссарской и суверенной диктатурами довольно точно соответствует различию между метафизической и теологической концепциями Бога (разумеется, речь не идет о буквальном совпадении, но определенный параллелизм все же имеет место быть). В метафизике Бог действует исходя из разумной необходимости, в согласии со

знанием и наукой; Он только исполнитель, а разум — законодатель (так и комиссарская диктатура действует в соответствии с конституцией, которая является ее собственной основой). Теологический подход конструирует Бога на основе представления об абсолютной воле, по отношению к которой разум выступает в качестве внешней ограничивающей необходимости, умаляющей божественное всемогущество. Абсолютного господина отличает абсолютный произвол, законом является исключительно его неисповедимая воля: «Я хочу — это решающее основание; и меня не заботит суть дела, меня не связывают никакие законы, ведь я господин всего сущего, я законодатель, для меня нет невозможного. “Sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas” [“Так я хочу, так я приказываю, и эта воля есть закон”], — так говорит, по мнению теологов, Господь» [17, с. 43]. Добро и справедливость существуют не потому, что Бог благ и справедлив, а просто потому, что он так захотел, потому что это всего лишь приходится ему по вкусу и нравится. Воля Бога не зависит от идеи добра, она вообще не зависит от природы желаемого, а утверждает себя только как свободный произвол. Поэтому и блаженство людей не зависит от их заслуг или права, но только от деспотической воли Бога, который может их также и проклясть [5, с. 248].

Бог прежде всего монарх и только в силу этого Творец, так как создает мир посредством своего слова, приказа, повеления («ничто» в доктрине «*creatio ex nihilo*» является попросту метафизической онтологизацией беспочвенного, голого желания: чистая воля и выражающее ее слово как раз и есть *ничто*). Он мог бы его не создавать или создать в совершенно другом виде², поскольку это зависит полностью от Его воли и желания, в противном случае Он был бы существом ограниченным. Более того, Он был бы существом ограниченным и в том случае, если бы мог «быть только Богом, а не дьяволом», следовательно «высшим триумфом всемогущества Бога было бы оказаться также дьяволом» [5, с. 329]. Действительно, если Бог — это Бог, т. е. всемогущее существо, тогда Он может быть не только добрым, мудрым и справедливым правителем, но также жестоким и деспотичным садистом-извращенцем, коварным обманщиком и даже безумцем.

Представление о божественном всемогуществе и произволе является на самом деле представлением безразличной абсолютной возможности, а там, где «все возможно», стирается дистанция между нелепостью/безумием и разумностью, там никакие

¹ Сам К. Шмитт по понятным причинам не столь радикален в своих выводах: для него как для ученого-правоведа суверен хоть и стоит вне нормально действующего правопорядка, но все же принадлежит ему; в противном случае все его рассуждения о чрезвычайном положении как суверенном решении уже не имели бы никакого отношения к теории права.

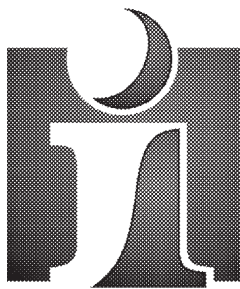
² Из случайности мира как раз и вытекает то, что его основание находится не в нем, а вне его — в таком существе, которое в самом себе заключает основание собственного существования и в силу этого существует необходимо.

естественные ограничения, никакая истина и никакое разумное основание больше не имеют значения. Тогда политика становится искусством делать возможным казавшееся ранее абсолютно невозможным (Й. Геббельс), тогда «и “чудовища входят в норму”,

и норма поэтому более не считается чудовищной» [4, с. 446]. Но такой мир, являющийся следствием произвола суверенов-чудотворцев, нуждается не в оправдании, теодицее, а в спасении, т. е. в дезактивации политической теологии.

Список источников

1. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.
2. Филиппов А. Политический трепет и теодицея Левиафана // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3.
3. Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем. СПб., 2022.
4. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб., 2019.
5. Фейербах Л. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2. М., 1967.
6. Кожев А. Понятие Власти. М., 2006.
7. Платон. Государство. СПб., 2018.
8. Хлебников Г. Античная философская теология. М., 2014.
9. Кант И. О неудаче всех философских попыток теодицеи // Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 8. М., 1994.
10. Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015.
11. Моруа А. История Англии. СПб., 2021.
12. Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. М., 2014.
13. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб., 2020.
14. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 6. М., 1994.
15. Филиппов А. Политическое за пределами только разума. URL: <https://liberal.ru/globalization/politicheskoe-za-predelami-tolko-razuma-doklad-na-ezhegodnoj-konferenczii-puti-rossii-24-09-2021> (дата обращения: 23.10.2022).
16. Шмитт К. Диктатура. М., 2019.
17. Фейербах Л. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3. М., 1974.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; “Times New Roman” and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal “Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia”. Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- противоправное воздействие на криминалистически значимую информацию
- пропаганда и агитация в виктимологической профилактике преступлений

Право и государство

- классификация правового сознания: теоретико-правовые и прикладные аспекты
- региональная конституционная юстиция — «жертва» конституционной реформы 2020 года или закономерный финал

Юридические ретроспективы

- деятельность подразделений, специализировавшихся на раскрытии преступлений в период становления абсолютизма при Петре I

Философский инструментарий

- глобальное общество в поиске глобального этоса
- образ России: экзистенциально-трансцендентальный дискурс

а также

- состояние экологической преступности на территории Омской области
- нормативное регулирование деятельности прокурора и органов расследования по возвращенному судом уголовному делу
- цель в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: проблемы соотношения
- другие материалы

